

100 великих романов

Мор ЙОКАИ

ЗОЛОТОЙ
ЧЕЛОВЕК

100 великих романов

Мор Йокаи
Золотой человек

«ВЕЧЕ»

1872

Йокаи М.

Золотой человек / М. Йокаи — «ВЕЧЕ», 1872 — (100 великих романов)

ISBN 978-5-4484-8368-4

«Золотой человек» венгерского писателя Мора Йокаи (1825–1904) – книга героическая и в то же время романтическая. По словам Кальмана Миксата, этот роман «прекрасен, как утренний сон». Он издавался большими тиражами и даже был трижды экранизирован, а театральная постановка имела огромный успех. Главный герой сначала мечтает о богатстве, но, достигнув своей цели, не успокаивается, а решает поселиться на «ничейном острове» посреди Дуная...

ISBN 978-5-4484-8368-4

© Йокаи М., 1872

© ВЕЧЕ, 1872

Содержание

Венгры	6
«Святая Варвара»	8
Железные Ворота	8
«Святая Варвара» и ее путешественники	11
Белая кошка	18
Сальто-мортале мамонта	21
Пристрастный досмотр	27
Ничей остров	32
Альмира и Нарцисса	38
Голоса ночи	46
История обитателей острова	52
Али Чорбаджи	59
Живой алебастр	62
Похороны по флотскому обычаю	64
Шутка, достойная смеха	67
Роковой конец «Святой Варвары»	70
Тимея	74
Приемный отец	74
Добрый совет	82
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Мор Йокаи
Золотой человек
Роман

Венгры

С венграми вот какое дело. Этот народ тысячу лет назад отвоевал для себя место под солнцем и поселился в самом центре Европы – на благодатной и плодородной Среднедунайской равнине, где многие хотели бы жить. Однако уже больше ста лет он соревнуется в статистике самоубийств со скандинавскими народами, удрученными непоправимым дефицитом солнечной погоды. Разве не загадка? Тем более что экономика здесь точно ни при чем.

А разгадка проста, не в обиду будь сказано венграм, а, напротив, с сочувствием им и из солидарности – все мы немножко «венгры» в достаточно жестком мире. У Венгрии много соседей – славянских, германских, романских, а на протяжении столетий еще и тюркских. Вступала она в брачные союзы с ними, и были у нее «мужья» из династии то Габсбургов, то Ягеллонов. И вера венгерская вроде бы правильная, крепко связавшая венгров с христианами Западной Европы. Да вот беда – нет у них на тысячи километров окрест родственников, с которыми даже вражда была бы семейно-родовой, как у славян или германцев, «спор между собой». Еще и языковой порог необходимо учесть: многие ли захотят освоить родной для десятиллионной страны язык, радикально отличающийся от наречий всех соседних народов?

В XIX веке бурного становления национальных государств венгерские ученые бросились искать родню по угро-финской языковой группе, отправились в этнографические экспедиции и нашли на севере России полудиких, по тогдашним европейским меркам, саамов-сыроедов, отчего пережили культурный и цивилизационный шок. Некогда двинувшиеся вслед за солнцем наиболее воинственные кочевые племена сумели создать собственное государство, не хуже других, и за тысячу лет сделали образцовыми европейцами, сохранившими всю страстность своей натуры. И вдруг такая вот родня! Похожим образом почувствовал бы себя круглый сирота, принятый на равных европейской наследственной аристократией и отличившийся на исторической и политической сцене континента, пожелавший посетить давно покинутый и напрочь забытый детдом и погост предков. Конечно, не все так мрачно, но этой горечью и неприкаянностью окрашено все лучшее и самое радикальное в венгерском искусстве. И ею же питается венгерская страсть ко всему экстатическому и демонстративному: от зажигательных танцев и острой кухни до крайнего ожесточения в сражениях и казнях. Непереходимым барьером сделали мадьяры-венгры на пути экспансии Оттоманской империи – и выстояли. А вот в мирные времена, предоставленные самим себе, часто впадали в отчаяние: не с кем поговорить, обняться или насмерть рассориться хотя бы.

Все вышесказанное как бы увертюра для понимания и восприятия самого известного венгерского романа «Золотой человек» Мора Йокаи (1825–1904). Это книга героичная и романтическая, как у Виктора Гюго, мелодраматичная и рассудочная, как у Жан Жака Руссо, авантюрная и экзотичная, как истории «1001 ночи», меланхоличная и орнаментальная, как «Хазарский словарь» Павича, и мальчишеская и патетичная, как «Старуха Изергиль» Горького.

В ней изложена долгая история погони за призрачным счастьем и «дауншифтинга» главного героя – раздираемого страстями удачливого стяжателя, в конце концов основавшего утопическую колонию на «ничейном острове» посреди Дуная, этой пограничной для венгров реки-кормилицы. Манделыштам удачно определил такого рода мифологему как великую мечту о прекращении Истории, не в меньшей степени свойственную и славянам. Не случайно в 1919 году просуществовала четыре месяца Венгерская советская республика как одно из важных звеньев пролетарской мировой революции. Так что антибуржуазный пафос и идиллическая картина коммуны, основанной «золотым человеком», вполне позволяют назвать Йокаи «зеркалом венгерской революции». Чему сам писатель, вероятно, немало удивился бы и был бы прав.

Похожих утопий хватало до и помимо Йокаи – у Мора, Кампанеллы, отчасти у Рабле, Свифта, да и Дефо, не говоря уж об апологии «естественного человека» у Руссо и призыве к «опрощению» у Толстого. Просто герой Йокаи оказался мечтательным венгром, и писателю не хотелось допустить его суицида. Оттого он и вывел его за скобки Истории, создав для него временную резервацию на Реке Жизни.

Игорь Клех

«Святая Варвара»

Железные Ворота

На протяжении четырех миль, прорезая горную цепь от самой вершины до подножья, меж отвесных скал высотой от шестисот до трех тысяч футов течет великая древняя река Истер, Дунай.

Мощная ли масса воды проломила себе ворота или подземный жар расколол горную цепь надвое? Нептун сотворил это деяние или же Вулкан? А может, оба они вместе? Одно ясно: сие – творение Божие, но не дело рук человеческих. Создать подобное не под силу даже железной руке нынешнего человека, стремящегося уподобиться Богу.

Следы прикосновений одного из богов увековечены окаменелостями морских улиток, разбросанных на пике Фрушка Гора, и останками гигантских ящеров, некогда населявших первобытные моря, а теперь ставших археологической достопримечательностью пещеры Ветеранов; о деяниях второго бога повествуют базальты на Пиатра Детоната; труды третьего божества – человека – прославляют длинная, вырубленная в скале дорога вдоль берега, защищенная сверху сводом, остатки опор гигантского каменного моста, памятная скрижаль, рельефом вырезанная в склоне скалы, и выдолбленный в середине каменистого русла канал сто футов шириною, сделавший его проходимым для крупных судов.

История Железных Ворот насчитывает две тысячи лет, и исконное название это звучит на языке четырех наций.

Словно храм вырастает перед нами – храм, воздвигнутый титанами: порталом ему служат мощные скалы, колонны с башню высотой вздымают на недостижимые уступы диковинные фигуры колоссов, в коих фантазия усматривает статуи святых. Неф этого храма простирается вдаль на четыре мили, делает изгибы, повороты, образует новые притворы с иной архитектурой стен, с иными удивительнейшими скульптурами. Иногда стена храма являет собою ровную плиту, гладкую, как полированный гранит, и лишь испещрена красноватыми и белыми прожилками – загадочными божественными письменами; в иных местах вся скальная поверхность отликает яркой рыжиной, словно и вправду сплошь состоит из железа, а кое-где резко стесанные пласты гранита выявляют дерзновенно-смелые строительные приемы титанов. А за очередным поворотом нашему взору вдруг предстает портал готического храма с его острыми шпилями, стройными, вплотную подогнанными друг к другу базальтовыми пилонами, и где-нибудь посреди закопченной стены нет-нет да и сверкнет золотистое пятно, как крышка ковчега завета: там цветет сера. Но помимо цветов-минералов, выступы и трещины стен украшены и живыми цветами: словно сплетенные чьими-то благоговейными руками свисают оттуда венки зелени. То гигантские лиственные деревья и сосны, мрачноватая зелень которых расцвечена желто-красными гирляндами кустов, прихваченных осенними заморозками.

Кое-где эта бесконечная головокружительная каменная громада прерывается проходом в долину, позволяющим заглянуть в потаенный, необжитый человеком райский уголок. Узкое пространство каменного ущелья всегда окутано глухой, мрачной тенью, и сиянье залитой солнцем долины прорезает дневную тьму подобно улыбке волшебного мира; дикий виноград густо оплетает стволы деревьев, и грозди спелых, багряных ягод рдеют среди зелени листвы, а пестрые виноградные листья сливаются в сплошной ковер. Человеческого жилья в долине не увидишь, узкий ручей змеится вдоль лужайки, куда приходят на водопой непуганые олени, а затем подобно серебряному лучу низвергается со скалы вниз. Тысячи и тысячи людей проплывают мимо этой долины, и каждого занимает одна и та же мысль: кто населяет сей дивный край?

Но вот долина остается позади, и перед путешественником предстает еще один храм, более массивный и грозный, чем все прочие: стены приближаются на сто сорок сажений друг к другу и на три тысячи футов к небу; вон та далеко выступающая скала на вершине – Gropa lui Petro, могила святого Петра, а гигантские каменные фигуры по обе стороны от нее – его собратья-апостолы.

А в каменном русле меж двух скалистых стен течет Дунай.

Большая, величественная, древняя река, привыкшая с неторопливым достоинством нести свои воды по венгерским равнинным просторам, вольготно нежась в неоглядно широком русле, привыкшая ласкать склоненные к ней плакучие ивы, проводить прибрежные цветущие луга и задушевною словом отзываться на тихий рокот водяных мельниц, здесь ведет себя совсем иначе. Стиснутая узким – в сто сорок сажений – каменным ущельем, мощная река прорывается сквозь него с невероятной яростью. Тот, кто пропутешествовал по ней до этого места, попросту не узнает реки. Убеленный сединами богатырь на глазах молодеет, превращается в удалого героя; волны его высоко вздымаются над бурным течением, то тут то там посреди скалистого русла подобно грандиозному алтарю возвышается громадный утес: гигантский Багатай или увенчанный короною Касан. Мощный поток, преисполненный величественного гнева, штурмует их, обрушиваясь всей своею массой и образуя позади утесов глубокие водовороты; он продалбливает в скалистом русле бездонные впадины и с оглушительным грохотом устремляется по каменным порогам, связующим стены ущелья.

Иногда Дунаю удается преодолеть преграду на своем пути, и пенистые волны его победоносно прорываются сквозь скалы, в иных местах стремительный поток разбивается об изгиб ущелья и устремляет свои вечно бурлящие воды под нависающую над ним скалу. Кое-где позади неодолимых скал река намывает острова, создавая новые земные образования, не отмеченные ни на одной из прежних карт, острова эти, поросшие дикими деревьями и кустарниками, не подвластны никакому государству – ни венгерскому, ни турецкому, ни сербскому; это ничья страна, данью не облагаемая, правителя не ведающая, названия не имеющая и как бы выходящая за пределы мира. И та же самая река способна и на разрушительную работу: подмывает давние острова и уносит прочь – вкупе с лесами, зарослями кустарника, жилищами, – стирая с географической карты их контуры.

Скалы и острова на множество рукавов рассекают реку, меж Оградиной и Плависовицей несущую свои воды со скоростью десять миль в час; корабельщику должно как следует знать эти узкие протоки, ведь железная рука человека проложила в каменистом русле лишь один канал, пригодный для движения крупных судов, а вблизи берегов пролегают пути только для мелких суденышек.

В узких рукавах Дуная вдоль небольших островков это великолепное творение природы нарушено своеобразным плодом человеческого труда: два ряда свай из мощных бревен, расположенных клином и обращенных широкой частью к течению. Это ловушка для белуги. Морские гости, войдя в устье реки, заплывают вверх по течению: водяные струи почесывают белужьи головы, унимая вызываемый паразитами зуд. Но затем громадные рыбы попадают в западню; поворачивать назад – не в их привычках, они движутся вперед и вперед по сужающейся западне, пока не оказываются в «камере смертников», откуда спасения нет.

Голос этой величественной реки подобен гласу божию. Извечный равномерный гул монотонностью своею напоминает безмолвие, а внятность – слово Господне. Там, где гигантская река проносится над каменными перекатами, гневно плещется у скалистых утесов, с ревом набрасывается на беззащитные острова, захлебываясь, тонет в водоворотах, резвясь, мчится по ступенькам водопадов, там, где неизменное эхо меж громадных стен подымает этот вечный плеск волн до высот неземной музыки, в которой сливаются воедино звуки органа, перезвон колоколов и затихающие раскаты грома, – там человек умолкает, страшась услышать собственный голос среди этого мощного музыкального звучанья. Корабельщики обмениваются знаками,

давние суеверия рыбаков запрещают в этих местах говорить вслух: сознание опасности вынуждает каждого возносить в душе молитвы.

И в самом деле, любому путешественнику, плывущему меж глухих, мрачных скал, кажется, будто он стиснут стенами собственной гробницы. А уж в особенности когда налетает гроза корабельщиков: бора – затяжной, иногда неделями не утихающий ветер; он делает Дунай у Железных Ворот непроходимым.

Тягнись каменная стена лишь вдоль одного берега, она служила бы судам защитой от боры; однако зажатый меж двух стен воздушный поток становится столь же капризным, как ветер, проносящийся по улицам большого города: нападает то спереди, то сзади, за каждым поворотом набрасывается с самой неожиданной стороны. Стоит только подумать, будто ветер стих окончательно, как он вдруг врывается из ущелья какой-нибудь долины, словно нарочно подкарауливал там, подхватывает судно, выворачивает руль, задает работу каждой паре рук, вцепившись в бечеву, сдергивает вниз всех тяглых лошадей; затем вдруг делает крутой поворот и с такой скоростью несет по воде подхваченное стихией суденышко, словно оно плывет по течению; волны под ветром разлетаются мельчайшими водяными брызгами – так вздымает смерчем дорожную пыль.

Величественно-храмовое звучание музыки переходит в трубный рев Судного дня, и в этом реве гложут предсмертные вопли утопающих.

«Святая Варвара» и ее путешественники

В те времена, когда разворачивается действие нашей истории, пароходы по Дунаю еще не ходили. Начиная от Галаца и вверх до канала Майны по берегам Дуная брели девять тысяч лошадей, тянувших суда на бечеве; в турецкой части Дуная ходили и под парусами, на венгерской территории ими не пользовались. Кроме того, снуя меж двух стран, воды Дуная бороздила целая флотилия контрабандистских судов, приводимых в движение лишь мускулистыми гребцами. Тут процветала контрабанда солью. Венгерское государство продавало на турецком берегу по полтора форинта ту же самую соль, цена которой дома составляла пять с половиной форинтов; контрабандист доставлял ее с турецкого берега обратно и перепродавал на венгерском берегу по три с половиной форинта. Получалось, что на этом выгадывали все: и государство, и контрабандист, и покупатель. Более идиллические отношения трудно себе вообразить. Но, разумеется, меньше всех было удовлетворено своей прибылью государство, а потому ради защиты своих интересов понастроило вдоль всего пограничного берега сторожевые будки и приставило к ним мужских обитателей близлежащих деревень, дабы brave стражи, снабженные ружьями, охраняли кордон. Каждое село отряжало караульных, и у каждого села были свои контрабандисты. А посему надлежало попросту соблюдать очередность: ежели молодежь данного села несет сегодня вахту, то с контрабандою плывут более почтенные обитатели того же села, – согласитесь, тоже славная семейная черта. Однако столь строгой охраной границы государство преследовало и иные, более высокие цели. Скажем, воспрепятствовать проникновению чумы.

Ох уж эта пресловутая чума!

Нам-то с вами трудно судить, читатель, насколько страшна эта моровая язва; ведь у нас на родине последний случай ее отмечен сто пятьдесят лет назад в Земуне, когда некая вдова, желая прифрантиться, надела зараженную чумой шаль и по дороге в церковь отдала душу Богу. Но коль скоро что ни год доводится читать в газетах, будто чума вспыхнула то в Сирии, то в Бруссе, то в Константинополе, мы вынуждены верить, что опаснейшая хворь эта и в самом деле существует, и воздаем хвалу правительству, замыкающему перед нею все окна-двери.

И то правда: соприкосновение с каждым чужим народом наградило нас какой-либо новой, дотоле неведомой заразой. От китайцев мы подцепили scarlatину, от сарацин – оспу, от русских – грипп, от южноамериканцев – желтую лихорадку, от восточных индусов – холеру, ну а от турок – чуму.

По этой причине обитателям прибрежной полосы по обе стороны Дуная надлежит общаться друг с другом, лишь соблюдая меры предосторожности, что весьма разнообразит и скрашивает их жизнь.

А охранительные меры очень и очень строги. Стоит в Бруссе обнаружиться вспышке чумы, как на турецко-сербском берегу любой живой и неживой предмет тотчас же официально объявляется зачумленным; кто к нему прикоснется, тот «нечистый» и ссылается в карантин на десять, двадцать, а то и на сорок дней. Ежели бечева, которой тянут судно вдоль левого берега, на повороте ненароком заденет бечеву правобережного судна, вся корабельная команда считается «нечистой» и вынуждена по девять дней простаивать посреди Дуная; ведь чуме ничего не стоит пристать от одной корабельной бечевы к другой, а уж оттуда распространиться и на всех корабельщиков.

Соблюдение правил подвергается строгому надзору. На каждом судне находится особое должностное лицо – «блюститель чистоты» – страшнейшая личность, в чьи обязанности входит следить за всем и каждым: кто к чему прикасается да кто с кем общается. Стоит незадачливому путешественнику на турецко-сербском пограничье лишь кончиком плаща задеть чужака или же дотронуться до изделия из пуха, шерсти или конопли (все они суть распростра-

нителю чумы), как надзиратель тотчас же объявляет его «нечистым» и по прибытии в Оршову, исторгнув несчастного из родственных объятий, передает карантинной службе. Потому-то и называют эту должность «блюстителем чистоты».

Горе тому поборнику чистоты, кто вздумает утаить подобный случай. За малейшее упущение его ждет кара: заключение в крепость на пятнадцать лет.

Но вот контрабандистов, судя по всему, чума не берет: никаких «блюстителей чистоты» они с собой не возят, и как бы ни свирепствовала в Бруссе моровая язва, они знай себе днем и ночью спуют от берега к берегу. Нелишне заметить, что покровителем их является святой Прокопий.

Лишь бора способна помешать розничной торговле; течение у Железных Ворот очень быстрое, и суда, которые движутся только с помощью гребцов, ветром прибывает к южному берегу.

Правда, запретный товар можно провозить и на тех судах, что по берегу тянут лошади, но это уже будет торговля *en gros*¹, дорогое удовольствие, не чета мелкой торговлишке солью меж своими людьми. Крупными партиями перевозятся табак и кофе.

Да, вот уж бора полностью очищает Дунай от судов и дня на три-четыре восстанавливает среди жителей побережья столь неколебимую добропорядочность и верноподданнические чувства к государству, что отпадает всякая надобность в отпущении грехов. Суда стремятся поскорее укрыться в бухте или стать на якорь посреди Дуная, а пограничные стражи могут спать спокойно, покуда под порывами безжалостного ветра скрипят крыши их домишек. Корабли по Дунаю в такую пору не ходят.

И все же капралу сторожевого поста в Оградине чудится, будто с утра сквозь завывание ветра и шум бушующей реки не раз прорывался тот своеобразный сигнал корабельного рожка, какой слышен за две мили и выделяется даже на фоне громовых раскатов: неприятный, заунывный звук, издаваемый длинной деревянной трубой.

Неужели даже в непогоду идет корабль, рожком подавая сигнал погонщикам на берегу? Или же терпит бедствие среди скал и взывает о помощи?

Корабль действительно идет – прочное, дубовое судно вместимостью в десять-двенадцать тысяч мер, – и, судя по всему, с полной нагрузкой, так как палубу с обеих сторон захлестывают волны.

Вместительное судно окрашено в черный цвет, лишь носовая часть покрыта серебряной краской и завершается гордо задраным завитком бушприта, обитого блестящей жостью. Крыша судна напоминает крышу дома с узкими лесенками по бокам и с плоской площадкой на самом вершине; она служит для перехода от одного руля к другому. Та часть кровли, что находится ближе к носу, завершается сдвоенной каютой – двумя небольшими помещениями, двери которых расположены по правую и левую стороны. Третья сторона каюты являет взору оконца – их по два у каждого помещения, и они при желании закрываются зелеными жалюзи, – а в промежутке меж окнами можно созерцать образ святой великомученицы Варвары, запечатленной в натуральную величину: в розовом одеянии, голубой мантии и пурпурном головном покрывале, вся осиянная золотом, с белой лилией в руке.

Здесь же, на крохотном клочке пространства, не занятом бухтами каната, разместился выкрашенный зеленой краской дощатый ящик в два фута шириной и пять футов длиной; ящик наполнен удобренной землей, засаженной красивейшими сортами махровых гвоздик и фиалок. Святой образ и импровизированный садик защищены металлической решеткой, достигающей трех футов в высоту и сплошь увешанной венками из полевых цветов, в центре горит круглая, красного стекла, лампада, а подле нее прикреплен букетик розмарина и освященной вербы.

---

¹ Оптом, сразу (*фр.*).

В передней части судна возвышается мачта, к крюку которой прикреплена бечева – корабельный трос трехдюймовой толщины; семьдесят две лошади, впряженные в его лямки, тянут берегом тяжелое судно против течения. В иную пору хватило бы и половины этого количества, а в верховьях Дуная с такой задачей справляется дюжина лошадей, но здесь – да еще чтобы совладать с ветром, – даже семи десяткам лошадей требуется немало понуканий.

Звук корабельного рожка обращен к старшему погонщику.

Человеку надрывать глотку – пустое дело: даже если бы голос его и донесся до берега, то многократное эхо до такой степени исказило бы его, что смысла слов уж было бы и не разобрать.

Зато сигналы рожка понятны даже лошадям: протяжные или отрывистые, грозные или подбадривающие его звуки дают знать и человеку, и животному, когда прибавить ходу, а когда идти помедленнее или же враз остановиться.

Ведь судьба корабля в этой скалистой теснине зависит от многих обстоятельств: судну надобно противостоять дующему со стороны ветру, подчиняться всем капризам течения, огибать скалы и водовороты и тащить на себе тяжелый груз.

И судьба его – в руках двух людей: рулевого, стоящего у кормила, и судового комиссара, даже сквозь рев стихии подающего с помощью рожка сигналы погонщикам на берегу. Если хотя бы один из них окажется плохим знатоком своего дела, корабль может налететь на скалу или сесть на мель, будет затянут водоворотом или выброшен на противоположный берег и погибнет вкупе с людьми и крысами.

Однако по лицам этих двух людей не скажешь, будто им знакомо чувство страха.

Рулевой – здоровяк, косая сажень в плечах, с продубленным лицом медного оттенка, румянец на его щеках пробивается тоненькой сеткой склеротических жилок, такими же красными прожилками покрыты и белки глаз. Голос у него вечно с хрипотцой и имеет лишь две разновидности: или надсадный крик, или глухую воркотню. Вероятно, именно это обстоятельство вынуждает рулевого проявлять двойную заботу о своем горле: перво-наперво плотно обматывать его красным бумажным шейным платком, а вдобавок пользоваться палинкой, тем более что фляжка всегда под рукой – в кармане куртки.

Судовому комиссару на вид лет тридцать, у него светлые волосы и мечтательные голубые глаза, усы длинные, зато щеки гладко выбриты; роста он среднего и телосложения, на первый взгляд, хлипкого, а голос, при тихой речи звучащий чуть ли не по-женски мягко, лишь подтверждает это впечатление.

Рулевого зовут Янош Фабула, судового комиссара – Михай Тимар.

«Блюстителю чистоты» сидит на краю рулевой скамьи, натянув на голову сермяжный башлык, так что от всей его физиономии видны лишь рыжие усы да красный нос. Имени его история не увековечила. В данный момент сия важная персона занята тем, что жует табак.

К тяжелому дубовому кораблю присоединена шлюпка с шестью матросами, которые гребут в такт; при каждом очередном взмахе одновременно вскакивают с мест, делают два шага, взбегают на возвышение со скамьями, хватают весла, погружают их лопасти в воду и резко откидываются на скамьи; помимо конной тяги такие усилия гребцов помогают продвигаться судну там, где сопротивление Дуная особенно сильно. Привязанный к шлюпке, за кораблем плывет и небольшой ялик.

В дверях двойной каюты стоит мужчина лет пятидесяти и курит чубук, набитый турецким табаком. В облике его угадываются восточные черты, и скорее турецкие, чем греческие, а между тем человек этот всей своей наружностью – кафтаном с меховой опушкой, круглым красным колпаком – явно желает выдать себя за греко-сэрба. Однако от глаз внимательного наблюдателя не укроется, что бритая часть его лица гораздо светлее скул и лба: так выглядит обычно человек, недавно сбивший густую бороду.

Этот господин внесен в судовой журнал под именем Евтима Трикалеса и является владельцем груза. Само судно принадлежит комаромскому² купцу Атанасу Бразовичу.

Ну и наконец, из окошка каюты по соседству со святой Варварой выглядывает девичья головка.

Лик девушки вполне мог бы принадлежать святой.

Бледным его не назовешь, лицо именно белое; это белизна, присущая мрамору или хрусталу и совершенно естественная, как черный цвет лица у абиссинцев или желтый – у малайцев. Белизна, не затуманенная примесью какого бы то ни было иного цветового оттенка, не уступающая румянцу ни под порывами встречного ветра, ни под упорными взглядами мужчин.

Правда, девушке, наверное, лет тринадцать, она еще дитя; однако высокая гибкая фигура и строгое, как у статуи, лицо с безукоризненными античными чертами наводят на мысль, что ее мать, должно быть, подолгу заглядывалась некогда на лик Венеры Милосской.

Густые черные волосы ее отливают металлическим блеском подобно оперенью черного лебедя. Но глаза у нее синие. Длинные, тонко очерченные брови почти сходятся на переносице; такие сросшиеся брови придают лицу какую-то магическую власть. Две тонкие, сросшиеся воедино полоски словно черный ореол на лбу святого лика.

Девушку зовут Тимея.

Теперь мы представили всех путешественников «Святой Варвары».

Судовой комиссар, протрубив на берег команды и замерив глубину с помощью свинцового грузила, старается улучшить время, чтобы – оборотясь к святому образу – поговорить с девушкой.

Тимея понимает только по-новогречески, а судовой комиссар бегло изъясняется на этом языке.

Он рассказывает девушке о красотах этого края: красотах грозных, таящих опасность.

Белое лицо, синие глаза не меняют своего выражения, но явно внимают его речам.

И все же судовому комиссару кажется, что внимательный взор этих синих глаз устремлен не на него, а на фиалки, что благоухают у ног святой Варвары. Он срывает одну из них и протягивает девочке: что ж, пусть слушает, о чем говорят цветы.

Рулевой видит все это со своего места и не одобряет поступков комиссара.

– Чем обрывать цветы у святого образа, – ворчит он скрипучим голосом, – да девчонкам раздавать, лучше бы зажгли освященную вербу у лампы. Ежели Богу угодно будет, чтобы мы налетели вон на того каменного идола, то тут нас и сам Иисус Христос не спасет. Пронеси, Господи!

Это заклинание Янош Фабула произнес бы, даже будь он наедине с самим собой, но поскольку рядышком находился «блуститель» и слышал его слова, то между ними возник диалог.

– А с чего это вам приспичило аккурат в такую бурю плыть через Железные Ворота?

– С чего приспичило? – переспросил Янош Фабула, придерживаясь доброго обычая: дабы хорошенько обдумать свои слова, прежде хлебнуть из оплетенной фляжки. – А оттого, что надобно нам поторапливаться. Груза на корабле – десять тысяч мер чистой пшеницы. В Банате³ пшеница не уродилась, а в Валахии урожай выдался отменный. Надо доставить ее в Комаром. Сегодня Михайлов день, ноябрь на носу; ежели не поторопиться, то замерзнем в пути.

– Неужто вы думаете, будто Дунай в ноябре замерзнет?

– Я не думаю, а знаю. В комаромском календаре так сказано. Не верите – взгляните, он у меня над койкой висит.

---

² Комаром – город на Дунае, ныне Комарно.

³ Банат – историческая область в междуречье Тисы, Муреша и Дуная. По Трианонскому мирному договору 1920 г. разделена между Румынией и Югославией.

«Блюститель» еще глубже укутал нос в башлык и в сердцах сплюнул за борт табачную жвачку.

– Некстати сейчас плевать в Дунай, река этого не любит. А что до предсказаний комаромского календаря – не извольте сомневаться. Аккурат десять лет тому напророчил, что в ноябре ударят морозы. Ну, я с кораблем и торопился к дому, тогда я тоже на «Святой Варваре» плавал. Вот уж потешались все надо мной!.. А потом 23 ноября как случился враз ледостав, так половина судов и вмерзла – кто у Апатина, кто у Фелдвара. Тут уж настал мой черед смеяться. Господи, спаси и помилуй! Э-эй, навались на весла!

Яростный шквал вновь обрушился на корабль. От усердных стараний удержать правило по лицу рулевого стекали крупные капли пота, но ему не требовалась подмога. За усилия он вознаграждал себя глотком палинки, отчего глаза его еще более налились кровью.

– Только бы нам благополучно миновать этот риф. Пронеси, Господи! – молит он, а сам усердствует, не щадя сил. – А ну, парень, работай веслом, да поживее! Только бы обогнуть эту скалу!

– Обогнем эту, а там другая на пути появится.

– За ней – третья, а там и тридцать третья, и всякий раз держи за щекой монету звонарю, потому как все время одной ногой в могиле стоишь!

– Вот что я вам скажу, уважаемый, – произносит «блюститель», вытащив изо рта всю порцию табачной жвачки. – Сдается мне, ваше судно не только пшеницу везет.

Янош Фабула, заглянув под башлык в лицо собеседнику, пожимает плечами.

– Мне-то не все ли равно? Ежели на судне спрятана контрабанда, то в карантине не застрянем по крайности: раз-два, и плыви себе дальше.

– Это как же?

Рулевой сделал выразительный жест, как бы заведя полную пригоршню за спину, и «блюститель чистоты» громко расхохотался, сразу смекнув, что сие означает.

– Нет, вы только посмотрите, – заговорил Янош Фабула, – с тех пор, как я тут проходил в последний раз, течение опять изменилось. Не пусти я сейчас судно по ветру, и запросто можно угодить в новый водоворот, что под «Скалой влюбленных» образовался. Видите, бок о бок с нами все время плывет старая белуга? Вот ведь чудище адское и здоровенная какая, пудов на тридцать будет, не меньше. Коли эта злобная тварь вздумала с кораблем наперегонки состязаться, только и жди беды, помилуй нас, Господи! Уж хоть бы подплыла поближе, всадил бы я ей гарпун в спину. С нами крестная сила!.. А комиссар, нет чтобы погонщикам сигнал подать, знай себе с гречанкой язык чешет. Да и барышню эту не к добру занесло на нашу посудину. Стоило только ей на борт ступить, враз северный ветер задул, да так и не стихает. Ох, не к добру это, точно вам говорю. Лицо у ней белое, словно это и не девка живая, а дух какой. И брови, как у ведьмы, сросшиеся... Господин Тимар, погудели бы вы погонщикам!

Но господин Тимар и не подумал братья за рожок: он рассказывает белолицой барышне волшебные легенды о скалах и водопадах.

Ведь начиная с Железных Ворот и вверх вплоть до самой Клиссуры о каждом утесе, о каждой пещере по обоим берегам, о каждом рифе, острове, водовороте сложена своя история, легенда, народное сказание или разбойничья песня; о них рассказывают произведения мировой литературы или высеченные на скалах письмены, песни народных певцов и устные предания корабельщиков. Это поистине библиотека, обращенная в камень: названия скал подобны корешкам книг – кто сумеет раскрыть их, прочтет целые романы.

Михай Тимар превосходно ориентируется в этой библиотеке, ведь он с доверенным ему судном не раз проходил из конца в конец весь путь через Железные Ворота, для него любая скала, любой остров – как открытая книга.

А может, помимо жажды поделиться своими знаниями, им двигало и иное благое намерение? Ведь когда слабому созданию предстоит столкнуться с опасностью, способной повергнуть

в трепет даже закаленное сердце сильного мужчины, – разве не естественно стремление человека, уже сроднившегося со страхами, отвлечь внимание непосвященного романтическими сказками?

Тимея слушала легенды о том, как спасся герой Мирко вместе со своей верной возлюбленной Милевой на самой вершине скалы Дюбигая посреди реки; как защищал он отвесный подступ к убежищу один супротив всех наемных воинов преследователя Ассана; как долгое время кормил влюбленных горный орел – он приносил в гнездо своим детенышам козлят, а Мирко и Милева делили добычу промеж собой... Тем временем от внимания девочки ускользнул тот бешеный рев, с каким стремительные волны разбиваются о скалу Аюбигая, грозно вырастающую на пути; ей недосуг было ужасаться при виде белых гребешков пены, какими топорщится над водоворотами втиснутая в узкое русло река, – корабельщики прозвали эти волнистые гребешки «барашками».

– Лучше бы смотреть, что под носом творится, а не назад оглядываться, – ворчит рулевой и вдруг, напрягая голос, кричит что есть мочи:

– Э-гей, господин комиссар, что это там плывет навстречу?

Комиссар оборачивается к корабельному носу и видит, что предостережение рулевого не напрасно.

В этот момент судно как раз проходило через узкое, всего лишь двести саженей шириною, ущелье Таталия, где течение образует самый крутой водопад. Река здесь напоминает бурно струящийся ручей; только ведь не ручей это, а Дунай.

Но даже и этот неширокий поток делится надвое мощной скалой, вершина которой поросла мхом и кустарником; вода разбивается о ее западный склон на два потока: один, тот, что ближе к сербскому берегу, низвергается с крутого скалистого порога; по руслу второго в каменном ложе продолблен канал в пятьдесят саженей шириною, так что там могут проходить вверх и вниз по течению крупные суда. Однако сталкиваться в этом месте встречным судам нежелательно, ведь разминуться здесь не так-то просто. К северу под водой таится немало подводных рифов – наскочить на них ничего не стоит, а с юга, где два протока вновь сливаются, у подножья скалы образуется мощный водоворот, и если он подхватит корабль, то нет такой силы человеческой, которая сумела бы его высвободить.

Стало быть, рулевой и в самом деле предостерегал о весьма серьезной опасности: встречное судно в ущелье Таталия при столь высоком уровне воды да при такой силе ветра!

Михай Тимар попросил Тимею вернуть бинокль, который он только что вручил ей, чтобы девушке легче было рассмотреть убежище Мирко и прекрасной Милевы.

У западной излучины посреди реки виднелась какая-то темная масса.

Михай Тимар навел на нее бинокль и, обращаясь к рулевому, воскликнул:

– Мельница!

– Вот она, кара Господня!

Навстречу по быстрому дунайскому течению неслась водяная мельница, сорванная ураганом с цепи. Иными словами, такое плавучее сооружение, которое, по-видимому, лишено и рулевого, и команды: команда разбежалась кто куда, а «судно», покинутое на произвол судьбы, мчится опрометью, вслепую, сметая на своем пути все мельницы и загоня на мели встречные грузовые суда, которые не успевают вовремя уклониться от столкновения.

Но здесь посторониться некуда: по обе стороны Сцилла и Харибда.

Михай Тимар, не отвечая рулевому, вернул Тимею бинокль, посоветовал ей, как лучше всего разглядеть гнездо орлов, предок которых некогда спас влюбленных от голодной смерти; затем, вмиг сбросив с себя куртку, прыгнул в шлюпку к гребцам и отдал приказ: пятерым парням пересесть вместе с ним в ялик, прихватив с собой небольшой якорь и бечеву, а затем пустить ялик плыть по воле волн.

Трикалис и Тимея не понимали его распоряжений – говорил он по-венгерски, а они этим языком не владели. Не поняли они и его команды рулевому:

– Погонщикам идти вперед, судну не отклоняться ни вправо, ни влево!

Однако через несколько минут Трикалису и без слов стало понятно, какой опасности они подвергаются. Увлекаемая бурным течением мельница стремительно приближалась, и даже невооруженным глазом можно было различить вращающиеся лопасти колеса; обширное сооружение заполонило собою весь судоходный канал. Стоит ему столкнуться с груженным судном, и вмиг пойдут ко дну оба.

Ялик, где находились шестеро мужчин, с невероятными усилиями старался плыть против бурного течения. Четверо гребли, пятый управлялся с рулем, а комиссар, скрестив руки на груди, стоял на носу лодки.

Чего они рассчитывали добиться – хлипкой лодчонкой против мощной мельницы, силою одних лишь человеческих мускулов против неодолимой стихии течения, против шквального ветра?

Да будь каждый из них по силе равен Самсону, и тогда им не побороть законов гидростатики. Оттолкнешь мельницу – но с такою же силой оттолкнется и собственный челнок. Удастся зацепить мельницу – она и людей увлечет за собою. Ведь это все равно, как если бы паук задумал удержать своей паутиной жука-оленья.

Однако челнок и не думал придерживаться середины Дуная, а изо всех сил стремился достичь западной оконечности скалистого острова.

Река в этом месте вздымала волны такой высоты, что челнок с пятеркой храбрецов то исчезал в глубокой водной яме, то в следующее мгновение вновь колыхался на гребне буйной, пенящейся волны, хрупкий, беззащитный против взбудораженного течения, а вода под ним словно кипела, бурлила и клекотала!

Белая кошка

Пятеро гребцов в лодке держали совет, как быть.

Один из корабельщиков сказал, что надобно под водой сделать топором пробоину в боковой части мельницы, чтобы та затонула.

Но это не выход: стремительное течение все равно понесет затонувшую мельницу навстречу груженому судну.

Другой посоветовал зацепить мельницу баграми и затем с челнока при помощи руля задать ей такое направление, чтобы она угодила в водоворот.

Этот совет тоже не годился: ведь водоворотом был бы захвачен и сам челнок.

Тимар отдал рулевому распоряжение плыть к оконечности острова Периграда, который увенчан «Скалою Влюбленных».

Когда челнок подплыл к быстрине, Тимар поднял шестипудовый якорь и сбросил его в воду, при этом даже не качнув лодки. Тут-то и выяснилось, что при кажущейся хилости телосложения он обладает крепкими мускулами.

Якорь потянул за собой не один оборот каната: вода в этом месте глубокая.

А Тимар велел рулевому побыстрее плыть к мельнице.

Теперь наконец корабельщики разгадали его намерение: он желает поставить мельницу на якорь.

– Негоже задумано! – высказались они. – Ведь тогда мельница ляжет аккурат поперек судоходного канала и загородит нашему кораблю путь, а канат длинный да тонкий, ему такой тяжести не выдержать.

Евтим Трикалис, заметив маневр Тимара, испуганно выронил чубук и, пробежав по корабельному мостику, закричал рулевому, чтобы тот немедленно обрубил бечеву и пустил судно по течению.

Рулевой греческого не знал, однако по жестам Трикалиса догадался, чего тот требует.

Упершись плечом в руль, он с величайшим спокойствием ответил:

– Нечего попусту суетиться. Тимар знает, что делает!

Трикалис с яростью отчаяния выхватил из-за пояса кинжал, намереваясь собственноручно перерубить бечеву; однако рулевой сделал ему знак обернуться. И то, что Евтим Трикалис увидел позади, заставило его отказаться от своего намерения.

С низовьев Дуная прямо по самой середине реки двигалось судно. Привычному глазу не составляло труда распознать его даже на расстоянии мили. Судно оснащено парусной мачтой – парус, правда, сейчас спущен, – высокой кормой и двадцатью четырьмя гребцами. То, без сомнения, турецкая канонерская лодка.

Стоило только Евтиму Трикалису увидеть канонерку, и он тотчас заткнул кинжал за пояс. От зрелища, представившегося ему впереди корабля, он весь побагровел; зато при виде турецкой канонерки лицо его приобрело желтоватый оттенок.

Трикалис торопливо подошел к Тимее.

Дочь разглядывала в бинокль скалистый мыс Периграды.

– Дай-ка сюда бинокль! – проговорил Евтим охрипшим от страха голосом.

– Ах, какая прелесть! – воскликнула Тимея, передавая отцу бинокль.

– Что там такое?

– Вон на той скале живут крохотные сурки, они резвятся друг с дружкой, как белочки.

Евтим направил бинокль на плывущее следом судно, и брови его сдвинулись еще суровее, а лицо побелело, как у мертвеца. Тимея опять завладела биноклем и вновь навела его на резвых сурков. Евтим правой рукой обнял дочь за талию.

– Взгляни, как они скачут и пляшут! Один сурок гоняется за всеми остальными. Прямо глаз не оторвешь!

Тимея и не подозревала, до чего захотелось вдруг обнимавшей ее руке схватить и швырнуть ее через борт в пенистые волны.

Однако стоило Евтиму обратить взгляд в другую сторону, и к его лицу вновь вернулись краски жизни.

Тимар, подплыв к мельнице поближе, взял в правую руку длинную связку якорного каната; на конце его был закреплен стальной крюк.

Никем не управляемая мельница подобно некоему допотопному чудовищу быстро приближалась по самой середине течения. Мощные лопасти проворно вращались в разъяренных струях воды, жернов под пустой засыпкой усердно тархтел, словно перемалывал льющееся бесконечным потоком зерно.

На сооружении, которое столь стремительно несло к гибели, не было ни души; лишь белая кошка сидела на красной гонтовой крыше и отчаянно мяукала.

Тимар, поравнявшись с мельницей, резко раскрутил над головой канат с крюком на конце и метнул его в сторону мельничного колеса.

Стальной крюк впился в одну из лопастей, движимое водою колесо принялось постепенно наматывать на себя якорный канат и тем самым задавало мельнице иное направление – к периградскому острову; отлаженный механизм исправно выполнял работу, которая вела все сооружение к неминуемой гибели – к смертоносным скалам.

– Я же говорил: Тимар знает, что делает! – пробурчал Янош Фабула, а Евтим, не скрывая радости, воскликнул: «Молодец, сынок!» – и с такой силой сжал руку дочери, что та от испуга забыла даже про сурков.

– Гляди!

Тимея перевела взгляд на мельницу. Бинокля тут не требовалось, мельница и судно настолько приблизились друг к другу в узком судоходном русле, что между ними оставалось расстояние, дай бог, сажень в десять.

Впрочем, расстояние как раз достаточное для того, чтобы корабль без ущерба для себя смог разминуться с адской машиной.

Тимея не заметила ни опасности, ни счастливого избавления; она видела лишь всеми брошенную белую кошку.

А несчастная животина, увидев приближающееся судно и людей на нем, вскочила с места и с жалобным мяуканьем забегала по краю крыши, прикидывая расстояние от мельницы до судна: сможет ли она перепрыгнуть?

– Ох, бедная киска! – расстроилась Тимея. – Хоть бы нам подплыть поближе, чтобы она смогла сюда перепрыгнуть.

Однако от этой «удачи» судно спасли его святая покровительница и канат, который, все плотнее наматываясь на лопасти колеса, подтягивал мельницу к скалистому острову, подальше с пути корабля.

– Несчастливая киска! И такая красивая, беленькая!

– Не расстраивайся, доченька, – утешал Тимею отец. – Как только мельница подплывет к острову, кошка соскочит на берег, и раз там живут сурки, то и с голоду не пропадет.

Но белая киска не замечала острова по другую сторону мельницы, а знай себе металась по обращенному к кораблю скату крыши. Тимея махала платком, когда судно благополучно проходило мимо укрошенной мельницы, и кричала ей то по-гречески, то на языке, доступном всем кошкам: «Ступай, брысь! Прыгай на берег!», но обезумевшее от страха животное не внимало этим советам.

Затем, в тот момент, когда корма судна поравнялась с мельницей, бурное течение развернуло мельницу, и ее колесо закрутилось в обратную сторону; намотанный на лопасти канат

мгновенно размотался, и вырвавшаяся на свободу мельница стремглав понеслась вперед, увлекаемая прибрежным течением.

Белая кошечка, пища от страха, взбежала на конек крыши.

– Ах!..

А мельница неслась навстречу собственной гибели.

За скалою ее подкарауливал водоворот – один из известнейших водоворотов, образуемых реками-гигантами. На каждой навигационной карте это место отмечено двумя изогнутыми стрелками, указывающими противоположные направления. Горе тому кораблю, что забредет ненароком в очерченное стрелками место: по краям огромной воронки вода пузырится, словно доведенная до кипения в раскаленном котле, а спиралевидное завихрение зияет в волнах саженной глубиной. Водоворот проделал в скале углубление в сто двадцать футов, и что попадет в эту могилу, того человеку вовек не извлечь, а уж если туда угодит человек, то в день воскрешения усопших придется с ним повозиться!

И вот теперь течение увлекало высвободившуюся мельницу к этому омуту.

Но прежде чем мельницу туда затянуло, она получила пробоину в дне и, начиная тонуть, опрокинулась набок; мельничное колесо установилось вверх своей гигантской осью, белая кошка взбежала на край оси да так и замерла там, выгнув спину. Подхваченное водоворотом дощатое сооружение описало широкий круг, раз пять повернулось вокруг собственной оси, – каждая доска-балка отзывалась нещадным треском, – а затем скрылось под водой.

Исчезла и белая кошка.

Тимея, содрогаясь от ужаса, закрыла лицо тонким шарфом.

Зато «Святая Варвара» была спасена.

Каждому из возвратившихся на корабль гребцов Евтим пожал руку, а Тимара даже обнял.

Тимар надеялся, что Тимея тоже поблагодарит его.

Тимея же спросила его:

– Что теперь будет с мельницей?

– От нее останутся лишь щепки да труха.

– А как же бедная киска?

Губы девушки дрожали, а в глазах стояли слезы.

– Ей-то уж наверняка конец пришел.

– Но ведь эта мельница принадлежала какому-то бедняку! – воскликнула Тимея.

– Это правда. Но нам необходимо было спасти свой корабль, собственные жизни, иначе мы бы сами утонули: нас, а не мельницу, затянуло бы в водоворот, и наши останки выбросило бы потом на берег.

Тимея сквозь застилающие глаза слезы посмотрела на человека, произносившего эти слова.

И сквозь слезы она заглянула в чуждый, непостижимый ее разумению мир:

«Неужели нам дозволено столкнуть в омут мельницу безвестного бедняка лишь для того, чтобы спасти собственный корабль? Неужели нам дозволено утопить несчастную кошку лишь для того, чтобы самим не погибнуть в пучине?»

Она не желала этого понять.

И с этого момента больше не слушала волшебные сказки Тимара, а сторонилась его.

Сальто-мортале мамонта

Впрочем, и у Тимара пропала охота рассказывать сказки: не успел он толком отдышаться после жестокой схватки не на жизнь, а на смерть, как Евтим сунул ему бинокль и жестом показал, куда смотреть.

Тимар обернулся, навел бинокль на виднеющийся вдали корабль и медленно, словно разжевывая во рту каждое слово, проговорил:

– Канонерская лодка... Двадцатичетырехвесельная... название ее «Салоники».

И он не отрывал глаз от бинокля до тех пор, пока скалистые зубцы острова Периграда окончательно не заслонили турецкий корабль.

Тогда он вдруг положил бинокль и, поднеся к губам рожок, подал сигнал короткими, отрывистыми звуками: сперва три гудка, затем еще шесть, – после чего погонщики принялись подстегивать лошадей, чтобы те бежали порезвее.

Дунай омывает периградский скалистый остров двумя протоками. Один – тот, в котором вдоль сербского берега прорублен канал, чтобы грузовые суда могли подниматься вверх по Дунаю. Этот путь удобнее, надежней и дешевле, ведь здесь для продвижения судна требуется вдвое меньше тягловой силы. У румынского его берега вдоль прибрежных скал тоже есть узкий каменистый канал – как раз такой, чтобы там могло поместиться одно судно; однако, чтобы сдвинуть его с места, требуются уже не лошади, а волы, и в лямки впрягают иногда по сто двадцать тягловых животных. Другой проток Дуная, с противоположной стороны острова Периграда, стиснут островом поменьше, но зато перегордившим его поперек. Название этого острова – Рескивал. (Теперь этот остров наполовину взорван, однако во времена нашего повествования еще существовал полностью.) В ущелье, образуемом этими двумя островами, река мчится стрелой, а за его пределами, вверх по течению, разливается полноводно, заполняя пространство меж двух скалистых стен подобно широкому озеру.

Вот только зеркальной поверхности то озеро не образует: оно непрестанно подернуто зыбью и не замерзает даже в самые жестокие морозы.

Дно озера сплошь усеяно рифами; иные из них коварно прячутся под водой, другие на несколько саженей вздымают свои уродливые выступы, стремясь неуклюжей своею формой заслужить одобрительное или порицательное название.

Там стоят друг против друга Голубачка-Маре и Мика, усеянные гнездами диких голубей; там высовывается из воды, грозно наклонясь вперед, Разбойник; Горан-Маре лишь голову высунул из воды, а по плечам его нескончаемой чередой прокатываются волны. Зато Пятра Климере вынуждает повернуть вспять мощный поток воды, штурмующий ее твердыню, а группа рифов, так и не удостоившихся названия, выдает себя всплесками волн, разбивающихся об острые выступы.

Это самое гиблое место для всех корабельщиков мира. Испытанные моряки – англичане, турки, итальянцы, – свыкшиеся со всеми подвохами моря, и по сию пору не без дрожи приближаются к этому скалистому руслу.

Здесь, в этом месте, погибло больше всего кораблей. Здесь разбился и великолепный стальной корабль «Силистрия» – гордость турецкой военной флотилии; отряженный под Белград, он, глядишь, повернул бы восточные дела совсем в ином направлении, если бы один из миролюбивых и исполненных политической мудрости рифов острова Рескивал не пропорол борт корабля с такой силой, что «Силистрия» так и осталась тут навеки.

И все же через это грозно вздыбившееся рифами озеро существует проход, но о нем мало кто из корабельщиков знает, и еще меньше число храбрецов, кто когда-либо отважился им воспользоваться.

Этот переход дает возможность грузовому судну перебраться со стороны сербского берега в канал у берега румынского.

Упомянутый канал по всей его длине отгораживает от дунайского протока непрерывная гряда скалистых уступов, войти в него можно лишь у Свиницы, а выйти только у Склела Гладовы.

Однако опытные лоцманы владеют секретом, как провести груженое судно из сербского канала в румынский: в том месте за Пятра Калугера, где Дунай образует широкий разлив, его можно пересечь наискось. Но это равносильно тому, чтобы заставить плывущего мамонта сделать сальто-мортале. Рожок трубит трижды, затем еще шесть раз кряду, и погонщики знают, что этот сигнал обозначает. Головной погонщик спешивается – у него есть на то своя причина, – и люди начинают криками, щелканьем кнута подстегивать лошадей. Корабль ходко идет против течения. Рожок трубит девять раз.

Погонщики нещадно бьют лошадей, а те, бедняги, понимая крики и чувствуя удары, мчатся стремглав. Пять минут такой гонки даются им труднее, нежели целый день обычной работы. Сигнал корабельного рожка звучит двенадцать раз подряд. Люди и животные напрягаются, не щадя сил; последнее усилие выматывает их до полного изнеможения. Корабельный трос – бечева в три пальца толщиной – натянута как тетива, а стальная тумба на носу корабля, через которую трос перекинут, раскалена, словно огненная. Судовой комиссар стоит у троса с острым корабельным топором наготове.

И в тот момент, когда корабль набирает наивысшую скорость, Тимар одним ударом топора перерубает трос.

Туго натянутый трос, подобно гигантской лопнувшей струне, жалобным стоном сотрясает воздух, и обрубленный конец взвивается высоко вверх; тягловые лошади валятся кучей друг на дружку, у передней лошади оказывается сломанной шея – оттого-то главный погонщик и слез с нее загодя. А корабль, освободившись от троса, вмиг меняет курс, поворачивает носом к северному берегу и начинает пересекать реку поперек течения.

Корабельщики называют этот дерзкий маневр «пересёком». Теперь уже тяжелое судно ничто не приводит в движение: ни пар, ни усилия гребцов; даже волны идут против него; лишь инерцией полученного толчка несет его к противоположному берегу. Вычислить эту двигательную силу и соразмерить ее с расстоянием, с силой противодействия составило бы честь даже любому образованному механику. А вот простой корабельщик освоил эту науку на собственном опыте.

С того момента, как Тимар обрубил трос, жизнь всех людей на корабле находится в руках одного-единственного человека: рулевого.

И тут-то Янош Фабула показал, на что он способен.

– Господи, спаси и помилуй! Господи, помоги! – бормочет рулевой, но и сам старается не оплошать. Поначалу корабль мчится с необычайной скоростью, направляясь к центру образуемого Дунаем озера; теперь, чтобы управиться с рулем, нужны два человека, но и им едва удается сдержать ход разогнавшейся громадины. Тем временем Тимар, стоя на носу корабля, с помощью свинцового грузила каждую минуту замерял глубину; одной рукой он придерживал шнур, а другую поднял вверх, показывая рулевому на пальцах, сколько футов глубины под днищем судна.

– Господи, помоги!

Рулевой до такой степени изучил рифы, мимо которых они проплывали, что мог бы сказать, на сколько футов поднялся уровень Дуная по сравнению с прошлой неделей. Кормило сейчас в надежных руках; стоит рулевому промахнуться хоть на пядь, стоит кораблю получить малейший толчок, чтобы ход его замедлился хоть на мгновение, – и тогда «Святая Варвара» со всеми путешественниками отправится в двадцатисаженный периградский омут, поглотивший мельницу, а прекрасное белоликое дитя постигнет участь прелестной белой кошечки.

Путники благополучно миновали каменистую мель, за которой начинаются рифы Рескивала. Это самое коварное место; бег корабля замедляется, силу разгона постепенно поглощает мощное встречное течение, а речное дно сплошь усеяно острыми скалами.

Тимея, перегнувшись через борт, смотрит на воду. В световом преломлении прозрачных волн скалистые массивы, казалось, находятся так близко; зеленые, желтые, красные каменные глыбы своими живыми, яркими красками напоминают гигантскую мозаику, а среди камней нет-нет да и мелькнет проворно серебристая рыбка с красными плавниками. Как наслаждалась юная девушка этой картиной!

Настала минута глубокого молчания: все знали, что проплывают сейчас над собственным кладбищем, и если какой-либо из множества камней внизу не станет для них могильной плитой, то, значит, Бог уберет милостью своей. И лишь Тимея, как дитя, не ведает страха.

Теперь судно вошло в окруженный скалами залив. Корабельщики называют это место «ружейными скалами», должно быть, потому, что гул разбивающихся о камни волн напоминает непрерывную ружейную пальбу.

Здесь основной рукав Дуная замедляет течение и образует глубокий водоем. Подводные рифы не представляют опасности – они далеко на дне; там, в зеленоватом полумраке, виднеются огромные, неповоротливые туши – им даже лень пошевелиться: то гости из моря, белуги; и видно, как подводный хищник – стокилограммовая щука своим появлением вспугивает пестрые стайки рыб.

Тимея любовалась забавами подводных обитателей; чем не амфитеатр – только с высоты птичьего полета!

И вдруг, не успела она опомниться, как Тимар схватил ее за руку, оттащил от борта и толкнул в каюту, резко захлопнув дверь.

– Э-гей, поберегись! – одновременно вырывается у всех корабельщиков.

Тимея не могла взять в толк, что же случилось и отчего с нею обошлись так грубо; она подбежала к окошку и выглянула.

А случилось вот что. Корабль благополучно миновал залив «ружейных скал» и собирался войти в румынский канал, однако вода из залива, в особенности при сильном ветре, с такой стремительностью бежит в канал, что образует самый настоящий водопад. Тут-то и настает опаснейший момент сальто-мортале.

Выглянув из оконца, Тимея успела увидеть лишь Тимара, который стоял на носу корабля с багром в руках; затем раздался оглушительный грохот, и огромная, как гора, волна, вскипая белой пеной, обрушилась на носовую часть корабля, плеснула в оконные стекла хрустально-зеленоватой массой воды, на миг ослепившей девушку. В следующее мгновение, когда Тимея опять выглянула, она уже не увидела комиссара на носу корабля.

Снаружи поднялся шум и крик. Тимея бросилась к двери и столкнулась с отцом.

– Мы тонем? – спросила она.

– Нет. Корабль спасен, а вот комиссар свалился в воду.

Тимея и сама это видела, ведь у нее на глазах Тимара смыло волной. Однако сердце ее не дрогнуло при словах отца.

Ну не странно ли? При виде белой кошки, гибнущей в волнах, она пришла в отчаяние и даже не в силах была сдержать слезы, а теперь, когда волны проглотили комиссара, у нее не вырвалось даже возгласа: «Ах, бедняга!»

Да, но ведь белая киска так жалобно умоляла всех и каждого помочь ей, а этот человек держался так вызывающе! К тому же кошечка была прелестным созданием, а судовой комиссар – всего лишь некрасивый мужчина. Ну и наконец, несчастное животное не могло спастись собственными силами, а комиссар – мужчина сильный, ловкий, наверняка сумеет вызволить себя из беды, на то он и мужчина.

Корабль после завершения сальто-мортале был спасен и плыл по надежному руслу канала; команда, прихватив багры, бросилась к шлюпке – плыть на поиски исчезнувшего комиссара. Евтим, высоко подняв кошелек, показывал им: мол, получают награду, если спасут комиссара. «Сотня золотых тому, кто вытащит его из воды живым!»

– Попридержите свои золотые, сударь! – раздался с другого конца корабля голос разыскиваемого мужчины. – Я и сам по себе отыскался.

Ухватившись за якорный канат, Тимар взобрался на корму. Не стоило за него опасаться – такой не пропадет.

И вмиг, словно ничего не случилось, принялся отдавать распоряжения.

– Бросай якорь!

Двадцатипудовый якорь был спущен в воду, и «Святая Варвара» стала посреди прохода, полностью заслоненная скалами со стороны главного рукава Дуная.

– А теперь в лодку и – на берег! – скомандовал Тимар трем корабельщикам.

– Вы бы переоделись в сухое! – посоветовал ему Евтим.

– К чему тратить время попусту! – ответил Тимар. – Сегодня еще не раз предстоит пройти через такое крещение. Теперь мне, по крайности, нечего воды бояться... Нам надобно спешить.

Последние слова он произнес шепотом.

У Евтима блеснули глаза: он явно одобрял намерение комиссара.

И Тимар торопливо соскочил в лодку; он даже сам правил, чтобы поскорее добраться до будки переправы, где можно заполучить конную тягу. Там ему вскорости удалось набрать восемьдесят голов тяглого скота. На корабле тем временем прикрепили новую бечеву и впрягли в нее волов; не прошло и полутора часов, как «Святая Варвара» продолжила свой путь через Железные Ворота, причем не у того берега, где начала, а вдоль противоположного.

К тому времени, как Тимар возвратился на корабль, вся одежда на нем высохла от тяжелого труда.

Корабль был спасен, можно сказать, дважды, а вместе с ним спасены и судовой груз, и Евтим, и Тимея. И спас их Тимар.

А что ему, Тимару, до них? Чего ради надо было так надрыватьсь? Ведь он всего-навсего судовой комиссар, жалкий писарь, получает свое годовое жалованье – впрочем, весьма скудное, и ему должно быть совершенно безразлично, загружено ли судно пшеницей, контрабандным табаком или чистым жемчугом: его вознаграждение от этого не станет больше.

Примерно такие же мысли одолевали и «блюстителя чистоты», когда он, после того как судно вошло в румынский канал, возобновил разговор с рулевым, отложенный по причинам, уже известным читателю.

– Признайтесь, почтеннейший: сроду мы не были так близки к тому, чтобы отправиться в тартарары, как сегодня.

– Что правда, то правда! – согласился Янош Фабула.

– Но что за нужда была испытывать судьбу – может или не может человек потонуть в день святого Михаила?

– М-да! – крякнул Янош Фабула и хлебнул глоток из заветной фляжки. – Сколько жалованья вам положено за день?

– Двадцать крайцаров! – отвечал «блюститель».

– Кой черт принес вас сюда помирать за двадцать крайцаров? Я вас сюда не звал – уж это точно. Мне в день положены цельный форинт да вольные харчи, стало быть, на сорок крайцаров больше резону рисковать головой, чем вашей милости. Ну, так чего вы ко мне привязались?

«Блюститель» покачал головой и даже сдвинул с шапки башлык, чтобы подходчивее растолковать свою мысль.

– А я вам, уважаемый, вот что скажу. По моему разумению, турецкая канонерка, что плывет за нами, преследует ваше судно, и «Святая Варвара» решила дать деру.

– Гм!.. – враз поперхнулся рулевой, да так сильно, что слова не мог из себя выдавить.

– Мое дело – сторона, – пожав плечами, продолжал «блюститель», – я на службе у австрийского государства, и на турок мне наплевать, но уж что я знаю – то знаю.

– Ну, тогда знайте то, чего не знаете! – вновь обрел голос Янош Фабула. – Преследует нас турецкий корабль, ясное дело, и в проток этот мы перебрались лишь затем, чтобы сбить турок со следа. А вся беда в том, что барышню эту белолицую собирались забрать в гарем султану, да отец ее воспротивился, вот и пришлось им из Турции бежать. И для нас теперь наипервейшая задача – поскорее на венгерской земле очутиться, а там уж султан не посмеет их преследовать... Вот, значит, я вам все как на духу выложил, и вы ко мне с расспросами больше не приставайте. Шли бы лучше к преславному образу Святой Варвары, и ежели волной загасило лампаду, то не грех бы снова ее затеплить. Да не забудьте возжечь три веточки освященной вербы, ежели, конечно, вы правоверный католик.

«Блюститель» достал из кармана огниво и, прежде чем уйти, не спеша отвечивал рулевому:

– Я-то, конечно, правоверный католик, а вот про вас сказывают, будто вы на корабле папист, а на суше кальвинист. Пока по воде плывете – молитесь, а сами ждете не дождетесь поскорей бы на берег да власть выбраться, чтобы душу отвести. И еще поговаривают, что не зря вас Янош Фабула кличут: фабула по-латыни означает «сказка». Ловко вы мне тут наплели, но я, конечно, всему поверил, так что уж вы на меня не сердчайте.

– Вот так-то оно лучше. А теперь ступайте восвояси и сюда больше не показывайтесь, пока сам не позову.

Двадцати четверем гребцам понадобилось три часа, чтобы с того места, где их впервые заметили со «Святой Варвары», добраться до периградского острова, у которого Дунай делится на два рукава. Скалистые массивы острова целиком скрывали русло реки вверх по течению, и с канонерки невозможно было разглядеть, что происходит за скалами.

Уже на подходе к острову турки увидели плавающие корабельные останки, выброшенные на поверхность воды бурным водоворотом. Правда, то были обломки затонувшей мельницы, но поди тут разбери, корабль ли потерпел крушение или какая другая деревянная постройка развалилась.

Как только канонерка миновала Периграду, глазам турок предстал широкий рукав Дуная, обозримый на полторы мили.

Ни одного грузового судна не было видно ни на реке, ни на прибрежной стоянке. У берега колыхались на воде лишь рыбацкие лодки и плоскодонки.

Канонерка поднялась еще выше по течению, крейсируя в некоторых местах до середины Дуная и вновь возвращаясь к берегу. Турецкий судовой офицер выспрашивал у береговых стражников про грузовое судно, шедшее впереди. Но стражники ничего не видели, никакое судно мимо не проходило.

Поднявшись еще выше, турки настигли погонщиков «Святой Варвары». Командир канонерки и их подверг расспросам.

Погонщики – добрые славные сербы – как следует просветили турок, где им искать «Святую Варвару».

«Была, да сплыла: поглотил ее периградский омут с людьми, с поклажей, вот видите, даже трос оборвался».

Турки отпустили погонщиков, и те побрели дальше с громкими причитаниями: кто, мол, теперь станет с ними расплачиваться? (А сами у Оршovy вновь встретятся со «Святой Варварой» и потянут судно дальше.) Канонерке не оставалось ничего другого, кроме как повернуть несолоно хлебавши и плыть вниз по течению.

Возвратясь опять к периградскому острову, турки увидели пляшущую на волнах доску, которую почему-то не уносило течением. Выловили доску из воды и обнаружили, что в нее вбит железный крюк, от которого тянулся вниз канат: то была доска от лопасти мельничного колеса.

Когда вытянули канат, оказалось, что на конце у него прикреплен якорь: втащили якорь на борт: на якорном стержне крупными буквами было выжжено название судна – «Святая Варвара».

Как разыгралась катастрофа, было яснее ясного. Сперва лопнул трос, с помощью которого тянули «Святую Варвару»; судно бросило якорь, но якорь не выдержал нагрузки, корабль угодил в водоворот, и вот теперь его обломки плавают на волнах поверху, а люди покоятся на дне в глубокой каменной могиле.

– О, Аллах милосердный! Дозволь нам не следовать туда за ними.

Пристрастный досмотр

Двух опасностей – острых скал Железных Ворот и столкновения с турецкой канонеркой – «Святой Варваре» удалось избежать; оставались еще две: бора и карантин в Оршове.

У Железных Ворот вздымающиеся по обе стороны Дуная отвесные скалы втискивают гигантскую реку в узкую, стосаженную горловину; устрашающий поток несетя меж каменных стен, образуя водопады, и в иных местах низвергается с высоты двадцати восьми футов. Скалистые утесы словно бы слагаются из разных пластов, чередуя желтые, красноватые, зеленые оттенки, а верхний выступ их, подобно взлохмаченному зеленому чубу, венчают девственные леса из деревьев всевозможных пород и видов.

В вышине, по-над скальными пиками, величественно-спокойно парят горные орлы, выписывая круги на узкой полоске неба; его незамутненная голубизна отсюда, из смертоносной глуби ущелья, кажется хрустальной. А мощные скалы, устремившиеся вверх на три тысячи саженей, по мере продвижения судна становятся все выше. Зрелище сие поистине способно раздосадовать нечистую силу: в узком каменистом русле плывет беспомощное суденышко, нагруженная до краев ореховая скорлупка; нет у этого хлипкого сооружения ни рук, ни ног, ни плавников, и все же оно упрямо движется против течения, движется вперед, неся на борту кучку людей, гордых своим умом, отвагой, красотой.

Здесь против людей бессильна даже бора: два ряда каменных стен укрывают их от ветра. Рулевому и погонщику лошадей сейчас приходится куда легче.

Однако бора начеку!

Перевалило далеко за полдень. Рулевой передал правило свое – помощнику, а сам устроился на корме подле очага; развел огонь и принялся готовить «разбойничье жаркое». Для этого требуется особое умение: на длинный деревянный вертел насаживают вплотную друг к другу кусочки говядины, кусочки сала, свинины и снова в той же самой последовательности, а затем, непрестанно поворачивая, поджаривают на открытом огне, покуда мясо не станет съедобным.

И вдруг узкая полоска неба меж двух почти смыкающихся каменных стен мгновенно потемнела.

Бора напомнила о себе: буря разыгрывается с такой стремительной силой, что в мгновение ока застилает голубеющую полоску небосвода и в ущелье воцаряется ночной мрак. Вверху теснятся грозные тучи, по обеим сторонам ущелья вздымаются угрюмые стены. Время от времени небо прорезают зеленоватые зигзаги молний, оглушительные раскаты грома внезапно распадаются, не успев отгреметь до конца: глубокая теснина способна ухватить лишь один аккорд из этого мощного органного звучания. Но вот молния ударяет в Дунай перед самым носом корабля, ее нестерпимый блеск на миг адским пламенем озаряет каменный храм, а сокрушительный громовой грохот проносится вдоль гулкого ущелья, словно возвещая конец света. Дождь льет как из ведра.

Но корабль, несмотря ни на что, должен идти вперед. Он должен плыть, чтобы ночь не застала его в Оршове.

Вокруг – тьма непроглядная, увидеть что-либо можно лишь при вспышке молнии; подавать сигналы с помощью рожка нельзя, его звуки слышны не только на румынском берегу. Однако, если у человека голова на плечах, он и в таком положении не растеряется.

Комиссар встает на носу корабля и, вынув кресало и огниво, высекает огонь.

С этим огнем ливню не совладать; он виден погонщикам на берегу даже сквозь густую завесу дождя – знай себе вспышки считай, а по числу их сообразишь, что тебе делать велят. Такими же вспышками и с берега подают ответ – этой тайной телеграфической связью пользуются корабельщики и контрабандисты Железных Ворот. Отрезанные друг от друга обитатели двух берегов достигли невероятного совершенства в этом немом языке.

Тимее зрелище бури доставило удовольствие.

Натянув на голову капюшон своего турецкого одеяния, она выглянула из окна каюты и обратилась к судовому комиссару:

– О, да никак мы в склепе?

– Нет, – ответил Тимар, – но в преддверии его. Видите вон ту высокую скалу, что при каждой вспышке молнии сияет, как огненная? Это могила святого Петра, *Grupa lui Petro*. А два каменных идола подле него – две старухи.

– Какие такие старухи?

– Народная молва гласит, что некогда две женщины – мадьярка и румынка – затеяли свару: каждая из них пыталась доказать, будто бы могила святого Петра находится на ее исконной земле. Своими криками они потревожили вечный сон апостола, и тот во гневе обратил спорщиц в камни.

Тимею не рассмешила эта забавная деталь народного мифа. Ведь она даже понять не могла, в чем тут шутка.

– А откуда известно, что это могила апостола? – спросила девушка.

– На этом месте растет множество лекарственных трав, врачующих самые различные болезни. Травы эти собирают и развозят по дальним странам.

– Значит, апостолом называют того, кто даже за гробом творит добро людям? – допытывалась девушка.

– Тимея! – послышался из каюты повелительный окрик Евтима.

Девушка втянула голову в окошко и опустила жалюзи. Тимар, обернувшись, увидел лишь святой образ.

Судно наперекор грозе плыло вперед.

И вдруг выбралось из мрачного каменного склепа.

А как только скалистые стены раздвинулись, мрачный свод в вышине тоже очистился. С той же быстротой, с какою бора принесла непогоду, она погнала вихрь и громы прочь, и взору путешественников предстала вдруг во всей своей красе долина Черна. Склоны обоих берегов покрыты виноградником и фруктовыми садами; освещенные лучами заката, в зеленой дали виднелись белые домики, стройные башни с красными крышами, а сквозь прозрачно-хрустальные капли дождя сияла радуга.

Дунай утратил свой устрашающий вид; вырвавшись на широкий простор, он вновь обрел приличествующее ему русло, и среди простирающейся к западу сапфирово-синей водной глади показалась перед путешественниками выстроенная на острове Оршова.

Четвертая и самая страшная опасность для корабля!..

Солнце опустилось за горизонт, когда «Святая Варвара» подошла к Оршове.

– Назавтра жди ветра покрепче! – пробурчал рулевой, глядя на багровое небо.

По закатному небосводу словно разлились потоки раскаленной лавы, захлестывая друг друга и отливая всеми оттенками пламени и крови, а когда пылающая облачная завеса в одном месте вдруг прорвалась, проглянувший сквозь отверстие клочок неба казался не синим, а изумрудно-зеленым. Горы, долина, лес, селение – все было озарено огненным светом небосвода, мучительным сиянием, не отбрасывающим тени, в центре – Дунай, подобный огненному Флегетону, а посреди него остров с колокольнями и массивными домами, и все эти строения раскалены, словно составляют собою огромную плавильную печь, через которую, как через чистилище, надлежит пройти каждому человеческому созданию, намеревающемуся преступить границу меж зачумленным востоком и чистыми от скверны западными землями.

Однако в этом зловещем огненном зареве тягостнее всего действовала на нервы небольшая, выкрашенная в желто-черные полосы лодка, приближавшаяся к судну со стороны Скелы.

Скела – это двойная решетка, через которую дозволено переговариваться, торговаться, заключать друг с другом сделки жителям соседних стран с обоих берегов Дуная.

«Святая Варвара» стала у острова на якорь, поджидая приближающуюся лодку. В лодке сидели трое вооруженных людей, причем двое из них – при ружьях со штыками, а кроме того, двое гребцов и рулевой.

Евтим беспокойно расхаживал взад-вперед по маленькой площадке перед каютой. Тимар, подойдя к нему, негромко доложил:

– Таможенный наряд едет.

Евтим вытащил из-за кожаного кушака шелковый кошелек, достал оттуда два свертка трубочкой и вручил их Тимару.

В каждой трубочке было по сто золотых.

Лодка вскорости причалила к судну, и трое вооруженных мужчин взошли на борт.

Один из них – таможенный досмотрщик, инспектор, в задачи коего входит проверка судового груза: нет ли там контрабандного товара или запрещенного к перевозке оружия. Два других доблестных мужа – финансовые инспекторы, отряженные в качестве вооруженной подмоги, а равно и для контроля над самим досмотрщиком, что досмотр произведен им со всем тщанием. «Блюстителю» же выступает в роли полуофициального соглядатая, присматривая за обоими инспекторами, чтобы те как следует проверяли досмотрщика. Ну а вся вооруженная троица, вместе взятая, составляет официальный трибунал, коему вменено в обязанности подвергать допросу «блюстителя», не замечено ли за путешественниками чего подозрительного, не пристала ли к ним моровая язва.

Ну чем не совершенная система? Один чиновник проверяет другого, и таким образом все должностные лица оказываются друг у друга под надзором.

За эту официальную процедуру положено вознаграждение: сто крайцаров таможенному инспектору, финансовым инспекторам по двадцать пять на брата и полсотни «блюстителю». Цены – согласитесь – божеские!

Досмотрщик ступает на борт, «блюстителю» идет ему навстречу. Таможенник чешет ухо, «блюстителю» почесывает нос. Более они между собой и не общаются.

Тогда досмотрщик поворачивается к судовому комиссару, а финансовые инспекторы примыкают к ружьям штыки. Но по-прежнему держатся на расстоянии: как знать, не подпишешь ли от комиссара заразу?

Начинается допрос.

– Откуда? – Из Галаца. – Владелец судна? – Атанас Бразович. – Владелец груза? – Евтим Трикалис. – Подтверждающие документы?

Вручение бумаг производится с должной предосторожностью.

На мостике устанавливается жаровня с древесным углем, куда насыпают сосновые семена и польнь; каждую бумагу, подлежащую проверке, сперва окуривают со всех сторон, затем таможенный инспектор ухватывает ее металлическими щипчиками, прочитывает, держа на изрядном расстоянии, после чего возвращает.

К судовым документам пока что придинок нет.

Жаровню уносят, а на ее место ставят кринку с водой.

Собственно говоря, это и не кринка, а большущий глиняный кувшин с таким широким горлом, что туда любой кулак пролезет. А как же иначе, если на этом основан способ передачи законного вознаграждения!

Как известно, распространенная на Востоке моровая язва легче всего передается именно через монеты. А посему прибывающий с Востока корабельщик первым делом должен погрузить мзду в кувшин с водой, откуда хранитель западной чистоты достает их уже очищенными. Таково общее правило: у Скелы все переходящие из рук в руки деньги надлежит вылавливать из сосуда с водой.

Тимар погружает в кувшин стиснутый кулак, а вынимает руку, разжав пальцы.

Затем туда же запускает пятерню досмотрщик: вытаскивает плотно сжатый кулак и засовывает его в карман.

Опытному инспектору нет надобности разглядывать при огненном зареве неба, что за монеты достались ему на сей раз: он чувствует на ощупь, ощущает по весу, – золото может отличить даже слепой. Однако он не выдает себя ни единой черточкой лица.

Настает черед финансовых инспекторов. Те также с подобающей должностным лицам серьезностью вылавливают со дна кувшина предназначенную им мзду.

Затем вперед протискивается «блюстителю чистоты». Выражение лица у него суровое, даже грозное. Ведь достаточно одного его слова, и судно вкупе со всеми путниками на десять, а то и двадцать дней застрянет в карантине. Однако и у этого стража законности, когда он запускает руку в кувшин и вытаскивает ее обратно, лицо не меняет выражения.

Оно и немудрено: все они – люди хладнокровные, помышляющие сугубо о выполнении служебного долга.

Досмотрщик строжайшим тоном требует открыть доступ в трюм. Требование его удовлетворяется, и трое заходят внутрь корабля; из корабельной команды присутствовать при досмотре никому не положено. Оставшись с глазу на глаз, все трое сбрасывают напускную суровость и ухмыляются друг дружке; «блюститель» пребывает на мостике в одиночестве и улыбается самому себе, пряча улыбку под башлыком.

Инспекторы развязывают первый попавшийся мешок наугад – а там и в самом деле пшеница.

– Да-а, пшеница-то сорная! – глубокомысленно замечает таможенный досмотрщик.

По всей вероятности, в остальных мешках также находится пшеница и вся она, надо думать, одинаково сорная. При проверке составляется протокол; один из вооруженных господ держит при себе письменные принадлежности, другой – книгу протоколов, куда и заносятся результаты осмотра. Сверх того, таможенный досмотрщик пишет несколько строк на отдельном листке, складывает его, запечатывает официальной печатью, однако же адреса не надписывает.

Затем, дотошнейшим образом обшарив каждый уголок-закоулок, где совершенно невозможно обнаружить какой бы то ни было подозрительный предмет, трое инспекторов вновь показываются на белый свет. А точнее говоря, на лунный свет, так как солнце успело скрыться окончательно, и сквозь несущиеся облака проглядывает кривая физиономия луны, делающей вид, будто это она во всю мочь несется по небу, то скрываясь за неплотной завесой облаков, то выныривая оттуда.

Таможенный досмотрщик велит позвать судового комиссара и строгим, официальным тоном доводит до его сведения, что запретного товара на судне не обнаружено; столь же непрекаемым тоном он призывает «блюстителю чистоты» доложить о санитарном состоянии судна.

«Блюститель», сославшись на официальную присягу, подтверждает, что все сущее на корабле лишено какой бы то ни было скверны.

Тогда комиссару выдается свидетельство о том, что судовые документы оформлены по всем правилам. Одновременно составляются расписки в получении мзды: сто крайцаров таможенному досмотрщику, по двадцать пять обоим финансовым инспекторам и пятьдесят «блюстителю». Двести крайцаров тютелька в тютельку. Расписки пересылаются владельцу груза, который за все это время из своей каюты и носа не высунул – он занят ужином. От него требуется обратная расписка о переданных им суммах.

Сверив расписки с обратными расписками, владелец груза и строгие блюстители закона смогут удостовериться в том, что судебный комиссар действительно передал доверенные ему деньги полностью и ни единого крайцара себе не присвоил. Но крайцары-то ведь не простые, а золотые!

Что греха таить, шевельнулась было у Тимара мысль: вздумай он, к примеру, вместо полсотни золотых, предназначенных для этого грязнули «блюстителя» (куда ему столько?), сунуть в кувшин только сорок монет, никому сроду не дознаться, что он присвоил себе десять золотых. Он смело мог бы удержать хоть половину всей суммы – кто его проверит? Те, кому эти деньги предназначены, даже половинной суммой были бы вознаграждены с лихвою.

Однако искусительной мысли тотчас же сыскалось возражение:

«То, что ты сейчас проделываешь, есть самый настоящий подкуп. Но взятку ты даешь не из своих средств: Трикалис – лицо заинтересованное, вот он и выкладывает денежки. Твое дело только передать, а стало быть, и виновен ты не больше, чем кувшин с водой. Чего ради подкупает досмотрщиков Трикалис – тебе неизвестно. Может, на судне спрятана контрабанда, может, скрывается политический беженец, а может, герой некоего романтического приключения не жалеет денег, лишь бы поскорее уйти от преследования. Все это не твоя забота. Но если хоть одна-единственная монета пристанет к твоим рукам, ты окажешься соучастником любого греха, который, возможно, гнетет душу этого человека. Не оставляй себе ни крайцара из этих денег».

Досмотрщик дал разрешение кораблю продолжать путь, в знак чего велел поднять на мачте бело-красный флаг с черным орлом⁴.

А затем, коль скоро официально было признано, что идущий с востока корабль никакой заразой не опасен, досмотрщик безо всякого омовения пожал руку судового комиссара и сказал ему:

– Вы ведь житель Комарома, верно? В таком случае вам нетрудно будет отыскать господина Качуку, он там главный по интендантской части. Как только доберетесь домой, передайте ему это письмецо. Адреса на нем, правда, нет, но он вам без надобности. Имя вы не забудете, оно напоминает название испанского танца. Вручите ему это письмо, не пожалеете.

С этими словами он милостиво похлопал комиссара по плечу, словно тот по гроб жизни должен быть ему благодарен, после чего все четверо посторонних убрались с судна; сели опять в свою желто-черную полосатую лодку и поплыли обратно к Скеле.

«Святая Варвара» могла беспрепятственно продолжать свое плаванье по Дунаю, и будь она сверху донизу забита мешками с солью, кофе, турецким табаком, а ее пассажиры с головы до пят покрыты черной оспой или проказой, никто не посмел бы ее задержать.

Не было на судне ни контрабандного товара, ни моровой язвы, зато было кое-что другое...

Тимар, пряча в бумажник послание без адреса, гадал про себя, что же там может быть написано. А там было написано следующее:

«Кум! Настоятельно рекомендую твоему вниманию подателя сего письма. Это золотой человек!»

---

⁴ Государственный флаг Австрии.

Ничей остров

Оставленные на сербском берегу погонщики, воспользовавшись паромами, вместе с тягловыми лошадьми той же ночью перебрались на венгерский берег; обрубленную бечеву они прихватили с собою, распространяя по пути слух, будто бы в опасном месте, у периградского водоворота, бечева оборвалась сама и судно вкуче с людьми и грузом пошло ко дну.

А наутро в Оршове о «Святой Варваре» не было ни слуху ни духу. Даже если бы капитана турецкой канонерки случаем осенила мысль подняться вверх по центральному каналу Железных Ворот хотя бы и до самой Оршовой, его поиски не увенчались бы успехом, уж за пределами Оршовой вплоть до Белграда в его власти лишь половина Дуная – на венгерском побережье он не волен распоряжаться. Только лишь крепость на острове Новая Оршова принадлежит туркам.

«Святая Варвара» покинула окрестности Оршовой в два часа пополудни. Ветер после полуночи обычно устраивал себе передышку, и надобно было использовать благоприятную погоду. Корабельщикам – чтоб работалось веселее – выдали двойную порцию палинки, и когда Оршова осталась позади, утреннюю тишину вновь огласили меланхолические звуки корабельного рожка.

Отплытие произошло в совершенном безмолвии, лишь в Новой Оршове протяжными возгласами перекликались меж собой турецкие часовые на крепостных стенах. Корабельный рожок подал сигнал только после того, как даже пик Аллион скрылся за другими мощными скалами.

При звуках рожка Тимея показала на пороге каюты, где она проспала несколько часов, и, накинув белый бурнус, прошла в носовую часть корабля в поисках отца, который всю ночь так и не прилег, даже не зашел в каюту и – что самое странное – ни разу не закурил трубку. Ночью на судне нельзя было зажигать огонь, чтобы не привлечь внимание сторожевых в новооршовской крепости.

Тимея чувствовала, что должна исправить свой промах, и теперь уже она сама обратилась к Тимару, выспрашивая его о встречающихся на пути достопримечательностях. Инстинкт детского сердца подсказал ей, что она обязана этому человеку благодарностью.

Сумерки застали корабль в окрестностях Оградины; там-то и обратил судовой комиссар внимание Тимеи на исторический памятник восемнадцативековой давности: скрижаль Траяна. Каменную таблицу, высеченную на крутой скальной стене, поддерживают два крылатых амура, уголки ее окружены дельфинами, а в самой скрижали перечислены земные деяния богоподобного императора.

Тимар протянул Тимее бинокль, чтобы девушка смогла прочесть высеченные на скале строки.

– Но я не знаю этих букв! – молвила Тимея.

Буквы скрижали были латинские.

Когда вершина мощной горы Стербец на сербском берегу скрывается из виду, следует очередной скалистый коридор, втискивающий Дунай в стремнину пятисот десяти футов шириною. Это ущелье носит название «Казан». По обе стороны его тянутся крутые каменные стены высотой в две-три тысячи футов, скалистые изгибы которых теряются в нежно-опаловой дымке. Из пещеры в одной из этих крутых скалистых стен с высоты в тысячу футов низвергается ручей, подобный тонкому серебристому лучу, и расплывается в туман, прежде чем успевает достигнуть дунайских вод. Скалы по обе стороны тянутся сплошной стеной; лишь в одном месте утесы расступаются, и из мрачного горного ущелья сквозь расселину открывается дивный вид: цветущий край, вдали маячит стройный, белый шпиль. Это Дубова – там уже Венгрия.

Тимея не сводила глаз с этой чарующей картины, пока корабль не миновал расселину и суровые утесы вновь не сомкнулись стеной, погрузив в тень глубокое ущелье.

– Мне кажется, – сказала Тимея, – будто бы я по длинному-предлинному тюремному коридору пробираюсь в страну, из которой нет возврата.

Стены по бокам становились все выше, дунайская вода на дне ущелья приобретала все более мрачный оттенок, и, дабы завершить эту суровую панораму, к северу, в отвесной скале вырисовывалась пещера, устье которой было укреплено бруствером с бойницами для пушек.

– Это пещера Ветеранов! – поясняет комиссар Тимее. – Здесь сто сорок лет назад три сотни людей с пятью пушками сражались против целой армии турок и держали оборону сорок дней.

Тимея покачала головой.

А комиссар продолжал:

– И сорок лет сравнялось с тех пор, как наши вновь отстаивали эту пещеру в кровавой борьбе против турок. Две тысячи врагов сложили свои головы у подножья этих скал.

Тимея нахмурила свои тонкие брови и таким ледяным взглядом пронзила рассказчика, что у того вмиг замерли на устах похвалы ратным подвигам венгров. А девушка, прикрыв лик бурнусом, повернулась к Тимару спиной, ушла к себе в каюту и до самого вечера не показывалась оттуда.

Лишь из окошка каюты она наблюдала, как вдоль берега сменяют друг друга развалины крепостей, старинные массивные сторожевые башни, покрытые лесом скалы в долине Клиссура, смотрела, как посреди Дуная встают навстречу судну гигантские утесы, тресковацкая каменная гряда водопадом за нею, и тридцатисаженный Бабагай с его иссеченными склонами. Не спрашивает Тимея, какова история вон той восьмигранной крепостной башни и по соседству трех башен поменьше, обнесенных бастионом. А ведь поинтересуйся она, и могла бы услышать историю прекрасной Цецилии Розгони и военных походов Жигмонда, короля венгров, узнать о падении бывшего мадьярского величия. Ведь перед нею – развалины крепости Голубац.

Оба скалистых берега от начала до конца являют собой историю – историю двух народов, по прихоти судьбы избранных для того, чтобы уничтожать друг друга, и здесь происходило их первое столкновение. Берега эти – сплошные, длинные катакомбы, хранящие останки сотен и сотен тысяч героев.

Ни в тот день, ни назавтра Тимея больше не выходила из каюты, чтобы побеседовать с Тимаром. В свой альбом для набросков она зарисовывала отдельные пейзажи; корабль шел тихим ходом, давая ей возможность свободно писать с натуры.

Минуло трое суток, прежде чем судно добралось до того места, где в Дунай впадает Морава. В устье реки расположена крепость Смедерево. На тридцати шести ее башнях также не раз сменяли друг друга хоругви с изображением Пресвятой Девы и знамена с полумесяцем, а ее бурые стены обгаляли своей кровью сыны самых разных народов.

В устье другого рукава Моравы рушатся под натиском времени голые стены старой крепости Кулич, а за островом Острова на вершине горы видны крепостные развалины Рамы – сплошь гигантские каменные надгробья.

Однако сейчас недосуг разглядывать исторические руины и сокрушаться над минувшей славой наций, ныне пришедших в упадок: у путников своих бед и хлопот хватает.

По мере того, как открывается Венгерская равнина, северный ветер с такою силой набрасывается на судно, что погонщики на берегу не в состоянии его удержать; корабль того гляди вышвырнет на противоположный берег.

Ничего не попишешь, дальше плыть нельзя!

Трикалис о чем-то пошушукался с Тимаром, и тот направился к рулевому.

Мастер Фабула закрепляет правило канатом и покидает свой пост.

Затем отзывает гребцов из шлюпки и кричит на берег погонщикам, чтоб те остановились: сейчас не поможешь ни греблей, ни тягловой силой.

Прямо перед судном стоит остров Острова; длинная, острая коса врезается в Дунай, северная часть острова, крутая и обрывистая, поросла огромными старыми ивами.

Теперь у корабельщиков задача – переправить судно к южному берегу острова, где «Святая Варвара» могла бы, как в гавани, спастись от северного ветра и скрыться от любопытных людских глаз. Ведь тот более широкий рукав Дуная, который охватывает остров со стороны Сербии, изобилует отмелями, бродами и считается несудоходным.

Однако подобраться к южной стороне острова не так-то просто.

Лошадьми корабль туда не перетянешь – вдоль берега нет подходящей дороги; известен, правда, корабельщикам и другой прием: пустить лошадей против течения вскачь и резко перерубить натянутую бечеву – тогда судно, получив толчок, само отлетает к берегу. Однако же и этим способом не воспользуешься: из-за сильного ветра судну не пойти против течения. Единственная надежда на «перематывание троса». Корабль бросает якорь посреди Дуная, лошадей выпрягают и бечеву втаскивают на палубу. Затем к концу троса прикрепляют другой якорь и загружают его в шлюпку; гребцы плывут по направлению к острову и, когда трос кончается, бросают якорь и возвращаются на судно.

Теперь первый якорь вытаскивают из воды, а трос второго прикрепляют к вороту, и четверо мужчин начинают сматывать его.

Трос постепенно наматывается на ворот, и корабль медленно продвигается к опущенному на дно реки якорю. Тяжкий, изнурительный труд!

Когда судно подходит к сброшенному якорю, корабельщики вновь грузят вторую «кошку» в шлюпку, плывут вперед, снова бросают якорь, а канат от него опять наматывают на ворот. Так, ценой мучительных усилий, шаг за шагом движется судно против течения, против бешеного ветра. Этот прием и называют «перематыванием троса».

Проходит не меньше полдня, прежде чем с помощью одной лишь человеческой силы удастся перетащить тяжелое, груженое судно с середины Дуная в проток за мысом острова.

Для тех, кто трудится, время это будет долгим и изнурительным, а для тех, кто наблюдает за работой, – скучным.

На судне в такую пору и правда нечем развлечься.

Судоходный рукав Дуная, где попадались встречные корабли, где однообразие пути скрашивали развалины старинных крепостей и вереницы грохочущих мельниц вдоль берегов, остался позади; «Святая Варвара» забралась в укромный залив, защищенная справа вытянутым в длину пустынным островом, – на первый взгляд, кроме ив и осокоря здесь и нет другой растительности, да и никаких признаков человеческого жилья на берегу не видно; слева же дунайская вода как бы теряется в зарослях темного камыша, и лишь на небольшом пятнышке возвышаются серебристые тополя, напоминая о близости суши.

В этом приюте тишины, не омраченной присутствием человека, отдыхает «Святая Варвара».

Однако беды путешественников не кончились: иссякли все запасы провианта. Отправляясь из Галаца, корабельщики рассчитывали сделать, как обычно, длительную остановку в Оршове и закупить свежей провизии, но оттуда пришлось удалиться ночью и к тому же поспешно, так что теперь на судне не оставалось съестного, если не считать горстки кофе и сахара, ну и коробки турецких сладостей – засахаренных фруктов. Впрочем, коробка эта принадлежала Тимее, а девушка предназначала ее кому-то в подарок и не желала открывать.

– Ничего страшного, – успокаивал путников Тимар. – На каком-нибудь из двух берегов да сыщется хоть одна живая душа. Барашки и козлята пока что не перевелись в этих краях, за деньги все можно раздобыть.

Но тут обнаружилось еще одно осложнение. Едва успели поставить судно на якорь, как вздымаемые ветром волны подвергли его качке. У Тимеи разыгралась самая настоящая морская болезнь, девушка была сама не своя от приступов дурноты и страха.

Следовало поискать и какого-нибудь прибежища, где Тимея вместе с отцом могла бы спокойно провести ночь.

Тимар острым взглядом заприметил, что над верхушками деревьев, растущих среди камыша, подымается тонкая струйка дыма. Стало быть, там человеческое жильё.

– Взгляну-ка я, кто там обитает!

Была на судне лодка-душегубка: комиссар пользовался ею при охоте, если приходилось простаивать без дела и можно было пострелять диких уток.

Тимар спустил лодку на воду, прихватил с собой ружье, ягдташ и бредень – никогда не знаешь, что подвернется: дичь или рыба, – и в одиночку поплыл к камышам, подгребая и правя веслом.

Будучи опытным охотником и пловцом, он вскорости отыскал проход в камышовых зарослях, а дальше водяные растения подсказывали ему дорогу. Там, где на поверхности воды колышались листья нимфеи, поддерживая зеленовато-белые чашечки цветов, – до дна не достать, так как почва вместе с растительными остатками течением уносится прочь; в иных местах водная гладь подернута зеленой ряской, из этого бархатного ковра вытарчивает омежник, дявольское порождение растительного мира; синий, круглый, надутый, по виду он напоминает кольраби, а для любого животного – смертельный яд. Лопается, как гриб-дождевик; стоило Тимару задеть одну «кочерыжку» веслом, и из нее словно синеватые искры посыпались, разметывая по сторонам ядовитую пыльцу. Корнями растение это уходит в вонючий ил, способный засосать ненароком забредшего сюда человека или зверя. Природа отвела этому виртуозному убийце такое место, где он лучше всего укрыт. Там же, где водяной лаконос обвивает увенчанные султаном стебли камыша, где прекрасные зонтичные соцветья сусака грациозно клонятся среди зелени рогоза, почва на дне каменистая, какую не всегда встретишь под водой. Ну и наконец, попадаете место, где горец и манник образуют густые заросли; пробравшись через них, Тимар обнаруживает, что поля его шляпы сплошь усеяны мелкими зернышками – это и есть еда бедняков, степная манна; трава эта лишь нижней частью стебля уходит под воду, а значит, путник вот-вот выберется на твердую землю.

Если язык этих растений не знаком лодочнику, ему ничего не стоит заблудиться в камышовых зарослях так, что за день оттуда не выберешься.

Продравшись сквозь эти заросли с их розоватыми опахалами, образующие здесь настоящие джунгли, Тимар нашел то, что искал: остров.

Остров этот был наносного и весьма недавнего происхождения, его пока еще не обнаружишь даже на новейших картах.

В русле правого рукава Дуная из воды долгое время торчала каменная гряда, в низовье которой ленивый поворот течения намыл отмель. Потом, во время большого весеннего половодья лед обрушился на остров Острову, отторгнув от него выступ и увлекая за собой землю, камни и чуть ли не целый лес деревьев; этот гигантский ком льда, камней и древесных стволов застрял на мели за скалою да так там и остался. А затем в течение полувека из года в год весенним паводком сюда наносило новые и новые слои ила, за счет новых заторов из камней расширялась территория, на почве, удобренной сгнившими стволами деревьев, пробилась буйная девственная зелень и разрослась невероятно быстро; и образовалось на этом месте творение природы новейших времен, безымянный остров. Он никому не принадлежит, не властвует над ним ни помещик, ни король, ни светский владыка, ни духовный; не причислен он ни к одной стране, ни к какому комитату⁵ или к церковному приходу. На турецко-сербской границе

---

⁵ Комитат – единица административного деления в Венгрии.

сыщется немало таких райских уголков, где никто не пашет, не косит и скотину не пасет. Здесь полное раздолье дикорастущим цветам да зверям. И бог знает кому еще...

Северный берег острова со всей очевидностью подтверждает его происхождение. Речные камни там сгрудились целыми завалами, иные из камней размером с человечесью голову или с бочонок: промежутки меж ними заполнены камышовыми корнями и древесной трухой, мелководные заводи сплошь усеяны зелеными и коричневыми дунайскими раковинами. Илистый береговой склон весь изрыт отверстиями, напоминающими маленькие кратеры, куда при звуке приближающихся шагов поспешно прячутся сотни черепашек.

По всей своей протяженности берег покрыт низкорослыми кустами краснотала; каждый год во время ледохода их начисто срезает льдом. Здесь Тимар и вытащил на берег свою лодчонку и привязал ее к стволу ивы.

Направляясь в глубь острова, Тимар вынужден был продираться сквозь нетронутые заросли гигантских ив и тополей, зачастую поваленных бурей; бурелом густо оплетен колючими вьющимися плетями ежевики, а пряный аромат валерианы, разросшейся на торфянистой почве, смешивается с лекарственным запахом тополей.

В глубокой низине, где не растут ни кусты, ни деревья, под ногами хлопает вода, буйной травой укрытая от глаза, горделиво возносят зонтики своих соцветий сочные стебли бутния и пахнущий корицей ветреник; отдельной группкой, словно обособленная аристократия флоры, красуется вымахавшая в сажень черная чемерица с огненно-красными цветами; в траве густо разрослись незабудки, ярко пестреют красные медоносные цветы окопника. Неудивительно, что в дуплах трухлявых ив роится такое множество диких пчел. А среди цветов выделяются зеленые, коричневые, красные шары, напоминающие какие-то диковинные плоды; не каждый человек разберет, что это такое, а между тем перед ним – семенные коробочки луковичных растений, отцветших весной.

Цветущую лужайку вновь сменяют густые заросли – на сей раз ивняк и тополя вперемежку с дикой яблоней, а нижний ярус порос боярышником. Это уже более высокое место.

Тимар остановился, прислушиваясь. Ни шороха, ни шума. Млекопитающих на острове нет – они гибнут во время паводка. Тут обитают лишь птицы, крылатые насекомые да пресмыкающиеся.

Но и из птиц сюда не заманишь ни жаворонка, ни дикого голубя – им на острове не прижиться, им надобно место вблизи человека, где пашут и сеют.

И все же существуют два вида живых тварей, кто даже на пустынном острове выдает присутствие человека: оса и желтый дрозд. Оба они питают пристрастие к садовым плодам.

Там, где с деревьев свисают большущие осиные гнезда, а желтый дрозд в перелеске заливается зазывными трелями, непременно должно быть саду.

Тимар двинулся на посвист дрозда. Насилу продрался сквозь колючие заросли боярышника и кизила, своими острыми шипами нещадно пронзающими тело даже сквозь одежду, и внезапно замер на месте как замороженный. Он увидел перед собою сущий рай. Хорошо ухоженный сад хольдов в пять-шесть, с плодовыми деревьями, высаженными хоть и не рядами, но правильными группами; ветви клонятся к земле под тяжестью золотистых, румяных яблок и груш; сливовые деревья стоят как обсыпные и похожи на гигантские букеты роз или лилий; в траве под ногами стелется сплошной ковер из паданцев: урожай столь обилен, что их даже не подбирают. Кусты малины, смородины, крыжовника сплелись в густые заросли, а промежутки меж развесистых деревьев заполняют свисающие книзу, усыпанные золотистыми плодами ветви еще одного фруктового дерева – сидонского яблока, или айвы.

В лабиринте плодовых деревьев не проложено тропинок, все пространство под ними густо поросло травой.

А сквозь просвет между деревьями прищельца манит к себе цветник, составленный из восхитительных полевых цветов, каких не встретишь в обычных садах. Островки синих коло-

кольчиков, блестящие, шелковистые опухавшие ваточника, крапчатые лилии, кровавые грозди ипомеи, дивные офрисы с их похожими на бабочек цветами – все эти незатейливые полевые растения, каким-то непостижимым образом превращенные в садовые культуры, свидетельствуют о присутствии здесь человека. Окончательным подтверждением служит и само жилище, из трубы которого струится дым. Скромное обиталище это выглядит весьма своеобразно. Позади него находится огромная скала, а в скале есть углубление; по всей видимости, там кухня, где стоит очаг, и отсюда же ведет спуск в нижнюю пещеру, служащую подвалом. На вершине скалы виднеется труба, откуда выходит дым. К скале прилепилось и собственно жилище, сооруженное из камня и самана; в нем два окна и две комнаты. Одно окошко поменьше, и одна из комнат пониже; обе крыты камышом. К этой части жилья сбоку приделано деревянное крыльцо, образующее открытую террасу, затейливо украшенную неумело сколоченными деревянными обломками.

Впрочем, совсем не легко разглядеть, из чего именно сооружена эта необычная постройка: из камня, самана или дерева, настолько густо оплетена она ползучими растениями. С южной стороны ее обвивает виноград, множество бордовых и синевато-лиловых гроздьев которого задорно проглядывают сквозь белесо-зеленую листву, а с севера – хмель, спелые шишечки которого нежным золотом покрывают даже выступ высоченной скалы. И дабы не оставалось на скале ни единого уголка без зелени, даже лысая вершина ее засажена заячьей капустой.

Здесь живут женщины.

Альмира и Нарцисса

Тимар направился к потаенному обиталищу. Через цветущую лужайку вела тропка к жилью, но она совершенно заросла травой, так что и звука шагов не было слышно. Тимар бесшумно подошел к небольшой веранде.

Ни вблизи, ни в отдалении людей не было видно.

Зато перед верандой вытянулся на земле огромный черный пес – ньюфаундленд; представители сей славной породы отличаются редкостным умом и внушают такой респект, что им не решишься говорить «ты», а с первой же встречи вынужден обращаться уважительно.

К тому же вышеупомянутый четвероногий господин рослый, мускулистый – являл собою один из прекраснейших экземпляров породы; растянувшись перед верандой во весь свой мощный рост, собака заполонила собою все пространство меж двумя столбами. Черный страж изволил притворяться спящим, вроде бы не замечая ни приближающегося чужака, ни своего четвероногого собрата, который в своей отчаянной дерзости предпринял все возможное, дабы подвергнуть испытанию величественное терпение мощного пса. То была белая кошечка, которая совершенно непочтительно кувыркалась вдоль и поперек по распростертой громаде собачьего тела, дразнила пса, лапками хватая его за нос, но и этого ей показалось мало: киска улеглась на спину вплотную к собаке и, ухватив всеми четырьмя лапками переднюю лапу мощного животного, принялась играть ею, словно тряпичной куклой. Когда достойному черному господину становилось щекотно невтерпеж, он выдергивал у кошки свою лапу и подставлял ей другую – забавляйся, мол.

Тимару даже не пришло на ум, что если это могучее черное существо вцепится в глотку, ему несдобровать; его занимала другая мысль: вот обрадуется Тимея, когда увидит эту белую кошечку!

Войти в жилище было нельзя: собака лежала поперек дороги. Тимар покашливанием решил дать знать о своем присутствии. В ответ на это величественный зверь спокойно приподнял голову, окинув пришельца большими, умными, карими глазами, взгляд которых не отличается от человеческого: они точно так же умеют плакать и смеяться, сердиться и ластиться; затем пес снова опустил голову на землю, словно желая сказать: «Подумаешь, какой-то человек! Стоит ли ради этого подниматься!»

А Тимар рассудил так: ежели из трубы идет дым, стало быть, кто-то в доме топит печь. И он рассыпался в приветствиях, желая доброго дня этому невидимому снаружи человеку на трех языках: по-венгерски, по-сербски и на румынском.

Ему отозвался женский голос по-венгерски:

- Добрый день! Кто там? Да заходите же!
- Я бы зашел, да собака лежит у порога.
- А вы перешагните через нее.
- Не укусит?
- Добрых людей она не трогает.

Тимар, собравшись с духом, перешагнул через преграждавшее путь огромное животное; однако собака даже не шевельнулась, лишь чуть приподняла хвост как бы в знак приветствия.

Взойдя на веранду, Тимар увидел перед собой две двери: одна вела в сложенную из камня лачугу, другая – в выдолбленную в камне пещеру. Второе помещение оказалось кухней. Там он увидел стоящую у очага женщину с ситом в руках, которое она встряхивала над огнем. Тимар сразу смекнул, что занятие это не имеет ничего общего с колдовскими приемами ведьмина ремесла: женщина просто-напросто калила на огне кукурузу, и дело это не прервешь в угоду непрошеному гостю.

Каленая кукуруза – излюбленное кушанье в Венгрии, а потому, думается, у нас нет нужды никому растолковывать, что это такое да с чем его едят; зато на Всемирной выставке в Нью-Йорке несколько лет назад присудили золотую медаль некоему дошлomu янки, который у себя в Америке изобрел способ приготовления каленой кукурузы. Ох уж эти американцы, до всего-то они додумаются! Каленая кукуруза – и впрямь отменная еда. Ешь вволю, сколько влезет, а все равно ею не насытишься: едва набил желудок, ан – уж опять проголодался.

Женщина, хлопотавшая у плиты, была темноволосая, сухощавая и несколько нервического типа, но сильная; суровое выражение стиснутого рта смягчали глаза: добрые, располагающие к доверию. По лицу – смуглому, загорелому – ей можно было дать лет тридцать с небольшим. Одежда ее, лишенная какой бы то ни было пестроты и яркости, не была похожа на одежду местных крестьянок, но и господской ее не назовешь.

– Что ж вы, сударь, проходите да садитесь! – пригласила его женщина; голос у нее был чуть грубоватый, но при этом совершенно спокойный. Она высыпала добела каленую кукурузу в плетеную корзиночку и предложила Тимару угощаться. Затем взяла с пола кувшин и протянула гостю – вишневая настойка, тоже свежего приготовления.

Тимар занял предложенное место; стул также был необычный – искусно сплетенный из всевозможных прутьев, другого такого не увидишь. Тут и черный страж оставил свой лежачий пост, прошествовал на кухню и уселся напротив гостя.

Женщина дала горстку лакомства и ньюфаундленду, и тот принялся хрустеть с полным знанием дела. Белая киска вознамерилась было последовать его примеру, но первое же зернышко каленой кукурузы застряло у нее в зубах, так что больше угощения и не потребовалось; кошка трясла лапкой, будто именно ею угодила во что-то липкое. Затем она вскочила на плиту, с живым интересом принюхиваясь к горшку у огня; в нем пыхтела и булькала стряпня, должно быть, более подходящая на кошачий вкус.

– Великолепная псина! – восхитился Тимар собакой. – И смиренная на удивление, ни разу даже не рыкнула.

– Хорошего человека она сроду не обидит, сударь. Ведет себя смиренно, какой бы чужак к нам ни пожаловал, лишь бы добрый был человек; она сразу распознает и лаять не станет. Но попробуй только вор сунуться!.. Вора она с другого конца острова почует, и горе тому, кто ее клыков отведаст. Страшный зверь делается! Прошлой зимой сюда по льду пробрался волк – на коз на наших польстился. Вон она, волчья шкура, в комнате расстелена. Собака вмиг с волком расправилась. Зато хорошего человека нипочем не тронет, хоть он на спину ей садись.

Тимара весьма утешило столь бесспорное подтверждение его человеческой добропорядочности. А оставь он давеча у себя в кармане парочку золотых, глядишь, и собака совсем по-другому его встретила бы.

– Итак, сударь, откуда пожаловали и что вам от меня надобно?

– Первым делом, сударыня, прошу прощения, что вторгся в ваш сад через заросли. Судно мое бурей отнесло от того берега, вот и пришлось мне спастись у Острова.

– Верно! Я еще подумала, что ветер, должно быть, разбушевался не на шутку, вон как завывает.

Маленькое поселение до того надежно было укрыто густыми зарослями, что ветер угадывался лишь по шуму.

– Ну а теперь мы вынуждены здесь простаивать, пока ветер не выпустит. Продовольствие у нас кончилось, вот и пришлось мне отыскивать первое попавшееся жилье, где дым над трубой виднеется, да честь по чести просить хозяев, не дадут ли съестного на всю нашу братию за приличествующую плату.

– Как не дать? Конечно, дам, сударь. И плату приму, потому как я этим живу. Есть у нас козлята, кукурузная мука, сыр и фрукты разные. Выбирайте что угодно, для того мы и припасы

заготавливаем. У нас, как правило, урожай забирают купцы, что на судах из соседних краев плывут. Мы, сударь, садоводством занимаемся.

(Кроме этой женщины, Тимар никого не видел, но, поскольку говорила она о себе во множественном числе, должны были здесь находиться и другие люди.)

– Премного вам благодарен; все, что вы предложили, нам годится. Я пришлю рулевого и парней из команды, они и доставят на корабль все припасы. А вы, сударыня, скажите, сколько заплатить. Нам потребуется трехдневный запас продовольствия на семерых человек.

– Не вытаскивайте кошелек, сударь; со мной деньгами не расплачиваются. Что мне делать с деньгами тут, на острове? Разве что грабителей приманивать – вломятся да убьют из-за денег. А так всем в округе известно, что на этом острове и полкрайцара не сыщешь, вот мы и спим спокойно. Я, сударь, товарообмена придерживаюсь. Даю людям фрукты, мед, воск, лечебные травы, а мне взамен привозят пшеницу, соль, материю на одежду, посуду, какой потребуется инструмент.

– Как на островах Австралии.

– В точности.

– Договорились, сударыня. У нас на судне есть и пшеница, и соль; вы уж на меня положитесь, а я подсчитаю, какова цена тому, что вы дадите, и сколько чего взамен будет дать надобно. Я вас не обману.

– Я вам верю, сударь.

– Ну а теперь у меня к вам еще одна просьба. На судне моем находится господин со своей юной дочерью. Девушка непривычна к бурному плаванию, так что даже расхворалась. Не приютили бы вы у себя этих моих пассажиров, покамест буря не утихнет?

Женщину и эта просьба не смутила.

– Отчего же не приютить, сударь! Взгляните сами: у нас две небольшие комнатухи, в одной мы сами устроимся, а в другой, коли доброму человеку кров требуется, можно сыскать то, что надобно: покой и самые малые удобства. Ну а вам, сударь, коли тоже пожелаете тут заночевать, придется довольствоваться чердаком: ведь в обеих комнатах расположатся женщины, вам посторонние. Зато чердак полон свежего сена, а корабельщики – народ неприхотливый.

Тимар, как ни ломал голову, не мог догадаться, кто эта женщина: слова подбирает умело, мысли свои излагает складно и с достоинством. Окружающая обстановка – пещера, приспособленная под убогое жилье, пустынный остров – тоже не давали ему никакой зацепки.

– Покорно благодарю, сударыня, за вашу обходительность. Сей же момент отправлюсь на судно и доставлю сюда своих спутников.

– Вот и славно. Только к лодке возвращайтесь не той дорогой, какой сюда шли. По топким местам да колючим зарослям благородную барышню негоже водить. Есть тут удобная тропка, вдоль берега ведет; правда, заросла она, ведь люди по ней редко ходят, а на нетоптаной земле трава сразу в рост пускается. Велю вас сопроводить до того места, откуда вы к лодке своей выберетесь, а на обратном пути, если приплывете на другой лодке, побольше, можно будет и ближе пристать к нашему дому. Провожатого я вам дам. Альмира!

Тимар огляделся по сторонам, пытаясь определить, из какого уголка дома или сада появится таинственная Альмира, чтобы вывести его к проторенной дорожке. Огромный пес ньюфаундленд поднялся со своего места и завил хвостом, колотя по отворенной двери, как по старому барабану.

– А ну, Альмира, проводи этого господина к берегу! – сказала хозяйка, а та, к которой относилось это приказание, что-то проворчала Тимару на своем собачьем наречии и, ухватив его зубами за край плаща, легонько дернула, понуждая следовать за нею.

– Ах, стало быть, это и есть моя провожатая! Весьма польщен, барышня Альмира! – смеясь, проговорил Тимар и взял свою шляпу и ружье. Вверив хозяйку дома божьему попечению, он направился вслед за собакой.

Альмира, не выпуская из зубов кончика плаща, бережно вела гостя через фруктовый сад, где приходилось ступать со всей осторожностью, дабы не подавить сливу, густо осыпавшуюся с деревьев.

Белая кошечка тоже увязалась за ними, любопытствуя узнать, куда это Альмира ведет незнакомца. Она носилась по мягкой траве, то забегая вперед, то держась позади них.

Они добрались уже до конца сада, когда откуда-то сверху звонкий голос крикнул:

– Нарцисса!

Голос принадлежал юной девушке; в нем звучали легкий укор, нежная любовь и с трудом перебарываемая робость. На редкость приятный голосок.

Тимар огляделся по сторонам, сперва высматривая того, кто крикнул, а уж затем того, к кому этот зов был обращен.

Ответ на второй вопрос стал ясен тотчас же, так как белая кошка мгновенно отскочила в сторону и, распушив хвост, напрямик взлетела на раскидистую грушу, в густой кроне которой промелькнула белая женская одежда; однако разглядеть того, кто заманивал к себе Нарциссу, так и не удалось. Альмира издала какой-то глухой гортанный звук, на языке четвероногих, по всей видимости, означавший, что нечего, мол, заглядываться, куда не следует, и Тимар, не желая рисковать полой плаща, зажатой в собачьих зубах, вынужден был поспешить за своей провожатой.

По очаровательной, заросшей травой тропинке, вьющейся вдоль берега, Альмира довела его до того места, где он оставил свою лодку.

И в этот миг, с резким свистом рассекая воздух, к острову пронеслись два бекаса.

Тимару и секунды хватило сообразить, что Тимее обеспечен вкусный обед; в следующий миг он сорвал с плеча ружье и двумя выстрелами сразил обеих птиц на лету.

Но в следующее мгновение и сам он был сбит с ног.

Как только он выстрелил из ружья, Альмира налетела молнией и, схватив его за шиворот, повалила на землю. Тимар попытался было подняться, но почувствовал, что противник будет посильнее и с ним лучше не шутить. Альмира не причиняла ему боли, она всего лишь крепко держала его за ворот, не давая подняться.

Тимар всячески старался ее улестить, величал и барышней Альмирой, и славной, доброй подружкой, и втолковывал ей, что он, мол, просто вздумал поохотиться. Черт знает что за собака такая, охотника хватает! Нет чтобы поискать в кустах упавшую туда добычу... Но Альмира не склонялась ни на какие уговоры.

Из бедственного положения его выручила женщина-островитянка: она прибежала на звук выстрела, издала выкликая имя собаки; в ответ диковинная приятельница выпустила из зубов ворот Тимара.

– Ах, сударь! – жалобно причитала женщина, не разбирая дороги примчавшаяся на место происшествия. – Я и забыла вас предупредить, чтобы вы не стреляли, иначе Альмира вас схватит. На выстрелы она страсть как сердится. Ну и глупая же я, как это я вам об этом не сказала!

– Ничего страшного, сударыня! – смеясь, отвечал Тимар. – Одно могу сказать: из нее вышел бы престожайший лесничий. А я всего только и согрешил, что подстрелил пару бекасов; думаю, пригодятся гостям к обеду.

– Я отыщу их, а вы ступайте к своей лодке. Но когда снова приедете, ружье лучше с собой не берите. Уж можете мне поверить, теперь стоит только Альмире увидеть у вас в руках оружие, и она сразу же отберет его. С ней шутки плохи.

– В этом я и сам убедился. Силища в ней невероятная, куда там защищаться – я и опомниться не успел, как на земле очутился. Хорошо хоть, что глотку мне не перегрызла.

– О, она никогда человека не укусит! А если попробовать от нее защищаться, так она перехватит руку зубами, словно в стальные кандалы закует. И будет держать, покуда я не подоспею. Ну что ж, сударь, до свидания!

Не прошло и часа, как челн с новыми гостями причалил к берегу.

Тимар всю дорогу от судна до берега рассказывал Тимее об Альмире и Нарциссе, чтобы заглушить в девочке физические страдания и страх перед волнами. И то и другое кончилось, как только Тимея почувствовала под ногами твердую землю.

Тимар пошел вперед, указывая дорогу, Тимея, опершись на руку отца, следовала за ним. Два матроса и рулевой, замыкая шествие, несли на шестах мешки с пшеницей и солью в обмен на продовольствие.

Уже издали послышался лай Альмиры. В нем звучали приветственные нотки: обычно так оповещает собака о приближении хорошо знакомого человека, да норовит выбежать навстречу.

Альмира встретила путешественников на полпути, для начала облаяла всю компанию, а затем перемолвилась словом поочередно с каждым: с рулевым, парнями из команды и Тимаром. После этого она пробралась к Тимее и, изловчившись, поцеловала девочку руку; но стоило собаке приблизиться к Евтиму, как она притихла, принялась обнюхивать его от самых пят, а затем, не отставая от него ни на шаг, собака все принюхивалась и принюхивалась к незнакомцу, время от времени с такой силой встряхивая голову, что уши сшибались друг с дружкой. Очевидно, по поводу этого человека у нее были свои соображения.

Хозяйка поселения ждала гостей на веранде и, стоило им только показаться из-за деревьев, громко крикнула:

– Ноэми!

В ответ на этот зов в глубине сада появилась какая-то фигура. Меж двух рядов густо разросшегося, высокого малинника, чуть ли не смыкавшегося вверху подобно зеленому своду, шла молоденькая девушка. Лицом совсем еще дитя, да и тело детское, лишь вступившее в пору формирования; на девочке белая сорочка и юбка, в подоле верхней юбки Ноэми несет плоды, только что сорванные с дерева.

Эта фигурка, вынырнувшая из зеленых зарослей, подобна идиллическому видению. Нежный цвет лица, когда девочка спокойна, соперничает с розовым оттенком белой розы и принимает краски алой розы, когда Ноэми краснеет и вспыхивает до корней волос. Ее выпуклый чистый лоб словно сама доброта, и это выражение гармонирует с мягким изгибом шелковистых бровей и невинным взглядом выразительных голубых глаз; в очертаниях тонкого рта сдержанность и детская целомудренность. Пышные косы цвета спелого ореха, отливающие золотом, позволяют догадаться, что волосы девочки вьются от природы, а переброшенная назад коса обнажает маленькое ушко. От всего ее облика веет какой-то неосознанной кротостью. Пожалуй, взятые по отдельности, черты ее лица не составили бы идеала для скульптора, да и будь они изваяны из мрамора, возможно, не показались бы красивыми; но в целом ее облик излучает какое-то симпатическое сияние, чарующее при первом же взгляде, и чем дольше на нее смотришь, тем сильнее она завораживает.

Сорочка спустилась с одного плеча девочки, но, чтобы не оставаться ему открытым, на нем уселась белая кошка, прижавшись мордочкой к лицу Ноэми.

Нежные, белые ножки девочки не обуты, ведь она ступает по ковру – великолепнейшему, царскому бархату: осенняя мурава расшита голубыми цветами вероники и красной геранью.

Евтим, Тимея и Тимар остановились у края малинника, дожидаясь приближения девочки.

Ноэми решила, что самым сердечным приемом для гостей будет угостить их собранными ею плодами – это были спелые, с красными боками груши бергамот. К Тимару она обратилась к первому.

Тимар выбрал наиболее спелый из плодов и протянул Тимее.

И обе девочки одновременно с досадой дернули плечиком. Тимея в этот момент завидовала обладательнице белой кошечки, сидящей на плече у своей хозяйки; Ноэми же досадовала оттого, что угощала она вовсе не Тимею.

– Экая ты неловкая! – прикрикнула на нее мать. – Неужто не могла сперва переложить фрукты в корзинку? Кто же так, из подола, угощает? Эх ты!

Девочка зарделась румянцем, бросилась к матери, а та тихо, чтобы другие не слышали, выговорила ей; затем, поцеловав дочку в лоб, сказала опять вслух:

– Ну а теперь ступай с корабельщиками в кладовую, покажи им, куда сложить то, что они принесли, дай им кукурузной муки да выбери для них парочку козлят.

– Не стану я выбирать, – прошептала девочка. – Пусть сами выбирают.

– Вот чудачка! – с ласковым упреком сказала мать. – Дай ей волю, она бы всех козлят берегла, не позволила бы зарезать ни единого. Ну что ж, пусть сами выбирают, тогда и жалоб-обид не будет. А я пока стряпней займусь.

Ноэми позвала корабельщиков и открыла перед ними кладовые для фруктов и круп – две обособленные пещеры в скале, каждая запертая собственной дверью. Скала, образовавшая мыс острова, являла собой один из тех камней «пришельцев», которые геологи называют *errtikus*, «блуждающими» скалами, итальянцы – *trovanti*, «подкидышами», а скандинавы – азарами, то есть инородными скалами, обломками далеких горных хребтов; такую глыбу известняка можно встретить в долине доломитовых скал или русле реки, усыпанном речной галькой. Скала эта была испещрена пещерами, мелкими и покрупнее, и первый поселенец острова находчиво воспользовался этой природной ее особенностью, самую большую пещеру с устремленным кверху отверстием-дымоходом употребив под кухню, наиболее глубокую – под погреб, наивысокую сделав голубятней, а прочие – зимними или летними хранилищами припасов. Вселился в эту Богом ниспосланную скалу, подобно пташке божьей, и свил тут себе гнездо.

Девочка произвела с корабельщиками товарообмен – разумно и по справедливости. Поднесла каждому чарку вишневки, «обмыть» сделку, и, как велит обычай, пригласила вновь навещаться за провизией, если они будут в этих краях; затем вернулась в хижину.

Не дожидаясь материнских распоряжений, Ноэми принялась накрывать на стол. Покрыла стоящий возле веранды столик тонкой соломенной рогожкой, поставила четыре тарелки, разложила ножи, вилки и оловянные ложки.

Ну а пятому едоку?

Пятый сядет за кошачий стол – да-да, именно так. У ступеней веранды стоит низенькая деревянная скамейка; на середину ее Ноэми ставит для себя глиняную тарелку, кладет маленькие нож, вилку и ложку, а по краям скамьи – деревянные плоские для Альмиры и Нарциссы. Вилки с ножом им, конечно, не положено. И когда блюдо с едой обходит по кругу сидящих за столом троих гостей и хозяйку дома, оно передается к кошачьему столу. Ноэми оделяет своих гостей по справедливости: кусочки помягче попадают в плоску Нарциссы, те, над которыми должно потрудиться зубам, идут Альмире, а напоследок юная хозяйка накладывает себе. И животным нельзя притрагиваться к еде, пока Ноэми не подует на нее, чтобы не обожглись питомцы; и как бы ни приподнимала уши Альмира, как бы ни ластилась к плечу хозяйки Нарцисса, послушаться девочки они не смеют.

Хозяйка острова, в силу доброго или дурного мадьярского обычая, решила не ударить в грязь лицом перед гостями; в особенности же ей хотелось доказать Тимару, что она вышла бы из положения и без его охотничьей добычи. Правда, бекасов она зажарила и подала с гречневой кашей, однако наперед шепнула Тимару, что эта еда только для барышень, а для мужчин у нее приготовлен отменный паприкаш из поросятины. Тимар отдал ему должное, зато Евтим к поросятине не прикоснулся, утверждая, будто он сыт, да и Тимея сразу же поднялась из-за стола. Однако у нее это вышло вполне естественно. Она и до этого без конца с любопытством оглядывалась на компанию, пирующую у ступенек веранды, так что никому не бросилось в глаза, когда она вдруг встала из-за стола и пристроилась на ступеньке подле Ноэми. Ведь девочки обычно так легко сходятся.

Правда, Тимея не понимала по-венгерски, а Ноэми не знала греческого, зато посредницей между ними выступала Нарцисса – ей не составляло труда понимать оба языка.

Беленькая киска прекрасно понимает, что от нее требуется, когда Тимея говорит: «Хорайон гатион!» – и своей белой ручкой гладит ее по спине: она с колен Ноэми перебирается на колени к Тимее; подняв голову, она нежно прижимается своей белой мордочкой к белокожему лицу гостя, приоткрыв ярко-розовый рот с острыми зубками и лукаво подмигивая ей своими фосфоресцирующими глазами; затем она взбирается Тимее на плечо, обходит вокруг шеи и вновь перебирается к Ноэми, чтобы затем вновь переключиться к гостю.

Ноэми радуется, видя, что чужой барышне так нравится ее любимица.

Однако радость ее омрачается, когда она начинает осознавать, что эта чужая барышня чересчур нежничает с ее любимицей: смотрите-ка, совсем ее себе присвоила, даже целовать вздумала. И огорчение Ноэми усиливается, когда она убеждается, что Нарциссе легко дается неверность; не прошло и нескольких минут, а она принимает сюсюканье и ласки чужой девочки, да еще и сама ластится в ответ, а когда Ноэми пытается подзвать ее, кошка и ухом не ведет. Ей милее греческие слова: «хорайон гатион», красивая киска!

Осердясь на Нарциссу, Ноэми схватила ее за хвост, чтобы притянуть к себе, а Нарцисса пустила в ход когти и расцарапала ей руку.

Запястье Тимеи обвивал золотой, украшенный синей эмалью браслет в виде змейки. Когда Нарцисса оцарапала хозяйку, Тимея сняла с себя гибкий браслет и хотела надеть его на руку Ноэми, видимо, желая смягчить подарком причиненную ей боль.

Ноэми же неверно истолковала ее намерение, решив, что чужая барышня взамен за этот браслет желает получить Нарциссу. Ну а кошка не продается.

– Не нужен мне этот браслет, все равно я не отдам Нарциссу! Держите свой браслет, Нарциссу я ни на что не променяю! Иди сюда, Нарцисса!

И видя, что Нарцисса не желает откликаться на зов, Ноэми вдруг отпустила ей такую затрещину, что испуганная кошка перепрыгнула через скамью и, чихая, фыркая, взлетела на ореховое дерево; очутившись в безопасности, она сердитым шипением выразила свое недовольство.

В этот момент взгляды Тимеи и Ноэми встретились, и обе девочки уловили в глазах друг друга какое-то странное, похожее на сон предчувствие. Бывает ведь: сомкнешь на миг глаза и за этот краткий миг успеваешь увидеть во сне годы, а пробудясь, все забываешь, помнишь только, что сон твой был долгим.

Взаимопроникновение взглядов длилось всего лишь миг, но обе девочки почувствовали, что в будущем им предстоит каким-то непостижимым образом повлиять на судьбу друг друга, что свяжет их нечто общее: радость ли или боль; и скорее всего – как в забытом сне – им даже не доведется узнать, что эту радость или боль одна из них причинила другой.

Тимея отвернулась от Ноэми; подбежав к хозяйке дома, она вручила ей браслет, а сама уселась подле Евтима, склонив голову ему на плечо.

Тимар растолковал смысл этого дара.

Барышня дарит его девочке на память. Браслет этот золотой. Едва только Тимар произнес слово «золотой», женщина испуганно выронила его из рук, точно живую змею, и в смятении уставилась на дочь, не в силах произнести даже привычную подсказку: «Поблагодари, мол, как следует».

Тут вдруг всеобщее внимание привлекла к себе Альмира. Она резко вскочила, издала протяжный вой, а затем, высоко задрав морду, принялась хрипло, яростно лаять; было в собачьем голосе что-то от львиного рыка: злобные, отрывистые звуки явно вызвали невидимого врага сразиться, но при этом собака не побежала вперед, а осталась стоять у веранды с напряженными передними лапами, задними роя землю.

Женщина побледнела. На тропинке за деревьями показалась какая-то фигура.

– С такой яростью она лает только на одного человека! – пробормотала женщина. – А вот и он сам.

Голоса ночи

Со стороны берега к жилищу приближался молодой мужчина, наряд его составляли широкий кафтан и панталоны, красный бумажный платок на шее и красная турецкая феска.

Лицо незнакомца красиво; вздумай он позировать художнику, и всякий, при взгляде на застывший портрет, сказал бы, что это герой; но когда навстречу вам идет живая натура, первой вашей мыслью будет: ба, да это же соглядатай! Правильные черты лица, большие черные глаза, густые курчавые волосы, красивый рот, казалось бы, должны располагать в пользу их обладателя; однако морщины у глаз, глубокие складки в углах рта, лоб, постоянно покрытый испариной, и неуверенный взгляд яснее ясного говорят о том, что перед вами человек, рабски преданный лишь своим собственным интересам.

Альмира злобно лаяла на приближающегося мужчину, а тот с небрежной лихостью размахивал в такт шагам руками, словно уверенный, что найдется кому его защитить. Ноэми пыталась утихомирить собаку, но та не слушалась; тогда девочка, схватив одной рукой собаку за уши, оттащила ее назад; Альмира заскулила, завизжала от боли, однако лаять все равно не перестала. Наконец Ноэми поставила ногу на голову собаки и прижала ее к земле. Тут уж пришлось покориться; собака улеглась с глухим ворчанием, позволив девочкиной ноге покоиться на огромной черной голове, словно бы не способной стряхнуть с себя этукую тяжесть.

Мужчина шел себе посвистывая и, не успев приблизиться, заговорил:

– Выходит, все еще цела у вас эта распроклятая собачища, не извели вы ее? Вот уж я доберусь до нее! Дурацкая скотина!

Поравнявшись с Ноэми, молодой человек, фамильярно ухмыляясь, потянулся к лицу девочки, словно желая ущипнуть ее за щечку, однако Ноэми мгновенно увернулась.

– А ты, моя невестушка, по-прежнему дичишься? Ну и подросла же ты с тех пор, как я тебя в последний раз видел!

Ноэми, запрокинув голову, смотрела на него. Какую страшную рожицу удалось ей скорчить вмиг! Брови нахмурила, губы выпрямила упрямо, взгляд исподлобья дерзкий, пронзительный; даже цвет лица у нее изменился: нежные розы на щеках поблекли, враз уступив место землисто-серому оттенку. Девочка и вправду могла стать некрасивой, если ей того хотелось.

Пришелец, словно бы не замечая этой перемены, продолжал:

– А уж до чего похорошела!..

Девочка обратилась к собаке:

– Да замолчи же ты, Альмира!

Мужчина уверенно, словно у себя дома, подошел к столу, первым делом поцеловал руку хозяйке, затем с любезной снисходительностью поздоровался с Тимаром и под конец с учтивыми приветствиями раскланялся с Евтимом и Тимеей; речи его лились без передышки.

– Добрый вечер, любезная тещенька! Ваш покорный слуга, господин комиссар! Приветствую вас, почтенный господин и госпожа. Позвольте представиться: Тодор Кристьян, рыцарь⁶ и капитан, будущий зять сей уважаемой дамы. Наши с Ноэми отцы были закадычные друзья, так что еще при жизни нас обручили. Обычно я каждый год провожываю своих дорогих женщин в этой обители их летнего отдохновения, чтобы взглянуть, насколько подросла моя невестушка. Очень рад встретить здесь такую почтенную компанию. С вами, сударь, – если не ошибаюсь, вас господином Тимаром кличут, – я уже однажды имел честь свидеться. Да и с другим господином вроде бы...

– Он понимает только по-гречески! – перебил его Тимар и глубоко засунул руки в карманы, совершенно лишая пришельца, с которым встречался лишь раз, возможности радостно

⁶ Титул, свидетельствующий о бывших феодальных привилегиях.

кинуться к нему с рукопожатием. Одна-единственная встреча – эка важность, ведь он торговый поверенный, все время в пути, его немудрено встретить.

Впрочем, Тодор Кристьян утратил к нему интерес, отвлеченный более практичными сторонами жизни.

– Подумать только, будто и впрямь меня дожидались! Ужин – объединение, четвертый прибор свободен. Жаркое из поросятины, да это же моя слабость! Благодарю, милая матушка, почтенные господа и барышня, благодарю, благодарю! Непременно воздам должное столь отменной еде. Весьма благодарен!

Правда, никто из перечисленных особ ни словом не обмолвился, чтобы пригласить его к столу разделить с ними трапезу, но он, поблагодарив всех и каждого, уселся на оставленное Тимеей место и принялся уписывать поросятину; несколько раз он предлагал угоститься и Евтиму, не скрывая своего удивления, как это могла сыскаться на белом свете христианская душа, которая такого лакомого блюда не принимает.

Тимар поднялся из-за стола и обратился к хозяйке:

– Пассажиры мои устали. Им сейчас не столько еда, сколько покой надобен. Не затруднит вас постелить им постели?

– Сейчас будет готово! Ноэми, помоги барышне раздеться.

Ноэми встала и последовала за матерью и обоими гостями в дальнюю комнатушку. Тимар тоже отошел от стола, а гость, оставшись в одиночестве, с жадностью уписывал оставшуюся на столе еду, при этом без умолку говорил, обращаясь к стоявшему позади него Тимару, и бросал через плечо обсосанные косточки Альмире.

– Да, должно быть, намаялись вы в пути, сударь, в этакую-то непогоду! Прямо диву даюсь, как это вам удалось пробиться сквозь Демир-ворота да через Таталию? Альмира, лови! Но только чтобы потом не злиться на меня, дурища бестолковая! А помните ли, сударь, как мы с вами однажды в Галаце встретились?.. Пожалуй, и эту тебе доглядывать, черное страшилище!

Оглянувшись ненароком, он обнаружил, что и Тимара, и Альмиры след простыл. Оба от него сбежали. Тимар взобрался на чердак и устроил себе ложе на душистом сене, Альмира же скрылась в одной из пещер, в недрах приبلудной скалы.

Тогда и Кристьян отодвинулся от стола; допил все, что оставалось в кувшине и в стаканах гостей, до последней капли и, отломав щепочку от стула, на котором сидел, принялся ковырять в зубах с видом человека, более чем кто-либо другой заслужившего сегодняшней ужин.

Настал вечер; измученных и натерпевшихся невзгод путников не требовалось убаюкивать.

Тимар с наслаждением вытянулся на пахучем сене и, погружившись в его сладостно-пряный дурман, подумал, что сегодня уснет как убитый.

Однако он ошибся. После чрезмерного напряжения, после отчаянной борьбы с опасностями сон как раз приходит труднее всего; сменяющие друг друга картины одновременно проносились в мозгу подобно сумбурному видению, где все смешалось: неотступные преследователи, грозные скалы, водопады, крепостные руины, незнакомые женщины, черные собаки, белые кошки; в ушах свистел ветер, раздавался рев рожка, шелкал кнут, заходила лаем собака, со звоном падали золотые монеты, люди смеялись, кричали, перешептывались.

Понапрасну зажмурился Тимар глаза: лавина видений и звуков захлестывала его.

И тут вдруг в комнате под чердаком послышался разговор.

Тимар узнал голоса: хозяйка и гость, прибывший последним, говорили между собой.

Перекрытием служили тонкие доски, поэтому каждое слово слышно было столь же отчетливо, словно произносимое над самым ухом. Собеседники старались говорить тихо, приглушенными голосами, лишь мужчина время от времени повышал голос.

– Ну что, матушка Тереза, поднакопила деньжонок? – начал разговор мужчина.

– Сам знаешь, нет у меня денег. Тебе ведь известно: провизию я даю в обмен, а плату деньгами не принимаю.

– И очень напрасно! Не одобряю я этих твоих чудачеств, да и не верю, чтобы у тебя деньжата не водились.

– Я правду говорю. Приходят ко мне люди за фруктами и сразу же приносят какой-нибудь другой товар, какой я могу в хозяйстве употребить. А деньги... что мне с ними делать?

– Я тебя научу: могла бы мне отдавать. Но тебе до моих забот и горя мало. Ведь если я женюсь на Ноэми, то сушеных слив в приданое не возьму. Плохая из тебя мать, совсем не заботишься о счастье собственной дочери. А помогла бы мне наперед, и тогда, считай, хорошее место у меня в кармане. Я как раз получил должность первого драгомана при посольстве, да вот дорожные расходы покрыть нечем: деньги у меня все выкрали, придется теперь должности лишиться.

– Не верю, чтобы тебя назначили на такую должность, какой ты можешь лишиться, – спокойно отвечала ему женщина. – А вот что ты находишься на такой службе, лишиться которой не можешь, – этому я верю. Верю также, что у тебя нет денег; но чтобы их у тебя украли – не верю.

– Не веришь – не надо. Я тоже не верю, будто у тебя нет денег. Должны быть! Сюда ведь и контрабандисты наведываются, а они на плату не скупятся.

– Не кричи так!.. Да, к острову иногда причаливают контрабандисты, но они либо близко к моему дому не подходят, либо если даже и заглянут сюда, то берут фрукты, а взамен дают соль. Нужно тебе соли?

– Брось свои дурацкие шуточки! А про богачей, которые у тебя сегодня ночуют, что скажешь?

– Богачи они или нет – про то мне неведомо.

– Проси с них деньгами, требуй! Нечего строить из себя святошу, раздобудь мне денег хоть из-под земли! Кончай эту дурь с товарообменом, в Австралии, вишь, себя вообразила! Если желаешь со мной жить в мире, изволь раздобыть золота. Иначе, сама знаешь, стоит мне хоть слово сказать там, где следует, и тебе конец!

– Потихе говори, мучитель ты эдакий!

– Ага, сама запросила, чтобы я говорил потихе? Могу и совсем замолчать, если будешь со мною поласковой. Дай деньжонок, Тереза!

– Не терзай ты мне душу! Нет у меня ни гроша и не хочу, чтобы были в моем доме деньги. Прокляты они для меня, раз и навсегда. Не веришь?.. Обыщи все ящики и, если что найдешь, забирай себе.

Тодор, судя по всему, внял ее призыву, так как немного погодя раздался его возглас:

– Ага, а это что у тебя? Браслет, да никак золотой!

– Золотой. Барышня, чужестранка, только что подарила Ноэми. Коли нужен тебе, бери.

– Как не взять, за него десять золотых монет выручить можно. Все лучше, чем ничего. Ты не расстраивайся, Ноэми. Вот женюсь на тебе и куплю тебе на обе руки по браслету. Да не такой, а в тридцать золотых каждый, и в середине будет оправлен сапфир. Нет, лучше изумруд. Ты какой камень больше любишь – сапфир или изумруд?

На вопрос его не последовало ответа, но молодой человек расхохотался, довольный своим остроумием.

– Ну а теперь, милая матушка, приготовь постель своему будущему зятю, дорогому Тодорику, пусть ему пригрезятся сладкие сны про малышку Ноэми.

– Негде мне стелить тебе постель. Боковушку и чердак гости заняли, а в одной комнате с нами тебе тоже не место. Ноэми уже не ребенок, и я не желаю, чтобы ты здесь спал. Ступай под крыльцо, там лыковая подстилка, на ней и заночуешь.

– Ах, какая же ты безжалостная, Тереза! Гонишь своего будущего зятя, единственного, дорогого Тодорушку, на жесткую подстилку.

– Ноэми, отдай ему свою подушку! На вот тебе мое одеяло. Спи спокойно.

– Какой там покой, когда по двору ваша распроклятая собака носится. Загрызет чего доброго, с нее, уродины, станется.

– Не бойся, я ее на цепь посажу. Бедная животина, она и не знает, как это – на цепи сидеть. Только и привязываем ее, когда ты на острове появляешься.

Терезе с трудом удалось выманить Альмиру из своего убежища. Несчастное животное заранее знало, что за этим последует: наденут ошейник с цепью. Но собака была приучена к послушанию и позволила хозяйке посадить себя на цепь.

Правда, вынужденная неволя окончательно озлобила Альмиру против истинного ее виновника.

Как только Тереза ушла к себе в комнату и на веранде остался один Тодор, собака принялась злобно лаять на него, носясь взад-вперед по узкому пространству, куда хватало цепи; Альмира вставала на задние лапы и напрягалась изо всех сил в надежде, вдруг да удастся сорвать ошейник, оборвать цепь или вырвать с корнем куст бузины, к которому она была прикреплена.

А Тодор старался обозлить собаку еще пуще. Ему доставляло удовольствие дразнить животное, которое не могло достать своего обидчика и заходило от ярости.

Мужчина подошел к собаке близко-близко, на шаг от того места, куда ее допускала цепь, присел перед Альмирой на корточки и принялся строить рожи: показывал ей нос, высовывал язык, плевал в морду, передразнивал ее лай.

– Гав, гав! Ах, как хочется меня тяпнуть, верно? Гав, гав! Видит око, да зуб неймет! Ах ты, злюка, ах ты, уродина этакая! Гав, гав! Порви цепь и иди сюда. А ну давай поборемся! Хочешь, укуси меня за палец. Да вот же он, у тебя под носом, бери!

И вдруг посреди приступа самой бешеной ярости Альмира опомнилась и перестала лаять. Должно быть, собачьим умом своим сообразила: тот, кто поумнее, должен уступить. Вскинула голову, словно желая сверху вниз смерить взглядом этого диковинного зверя, стоящего перед ней на карачках. Затем повернулась и задними лапами, как это заведено у собак, с силой лягнула разок-другой, песком засыпав назойливому зверю рот и глаза и вынудив его разразиться бранью, то бишь «человечьим лаем». Сама же Альмира, волоча за собою цепь, удалилась к себе в нору под куст бузины и больше оттуда не выходила; лаять она перестала, но выла еще долго, и от этого ее воя мороз подирал по коже.

Тимар слышал все это и так и не смог уснуть. Дверцу чердака он оставил отворенной, чтобы внутри не было темно. Ночь была лунная, и, после того как собака уgomонилась, по всей округе воцарилась тишина. Глубокая, удивительная тишина, меланхоличность которой негромкие, одинокие звуки ночи делают еще более чарующей.

Здесь не услышишь шума повозок, грохота мельничных колес, людских голосов. Это край болот, островов, заводей. Разве что раздастся изредка в ночи глухой рокот: то голос выпи, жительницы болот. Полеты ночных птиц, прорезая воздух, оставляют за собой затихающие аккорды, а притомившийся за день ветерок превращает стройные тополя в эоловы арфы, нежно перебирая их упругие струны-ветви. Вскрикет в камышах водяная собака, подражая голосу плачущего ребенка, да жужжащий жук-олень гулко стукнется о белую стену хижины. Заросли вокруг кажутся непроглядно темными, а в глубине их словно бы лесные феи танцуют с факелами в руках: призрачные огоньки стаями пляшут под трухлявыми деревьями, гоняясь друг за дружкой. Цветник же весь залит серебряным светом луны, и вокруг бутонов мальвы, сидящих на длинных стеблях подобно зернам в колоске, порхают стайки среброкрылых ночных бабочек «павлиний глаз».

Какая дивная обитель! Какое возвышенное, божественное одиночество! И как тут не раствориться в нем душою человеку, глаз которого бежит сон!

Только бы человеческие голоса не примешивались к голосам ночи.
Но и они слышны.

Там, внизу, в обеих комнатухах хижины, тоже не спят люди; какой-то злой дух похитил их покой, и голоса ночи приумножаются их тяжкими вздохами.

Из одной комнаты до Тимара доносится тихая мольба: «Господи Иисусе!..», а из другой к небу несется вздох: «О, Аллах!»

Ну как тут уснешь?

Что за горести-заботы не дают уснуть этим людям?

Думая свои думы, Тимар вдруг набредает на мысль, которая заставляет его подняться с ложа, наспех набросить постеленный под себя кафтан и по лесенке, приставленной к чердачной дверце, спуститься на землю.

Та же самая мысль в ту же самую минуту осенила и другого человека, в одной из нижних комнат.

Когда Тимар, замерев у угла дома, приглушенным голосом позвал: «Альмира!» – в тот же миг другой голос произнес с крыльца имя собаки; голоса прозвучали призрачным эхом один другого.

Несказанно удивленные, оба человека шагнули навстречу друг другу.

Вторым человеком оказалась Тереза.

– Вы спустились с сеновала? – спросила женщина.

– Мне что-то не спится.

– А зачем вам Альмира?

– Не скрою, мне пришла в голову мысль, уж не отравил ли ее этот... Как-то она вдруг смолкла.

– Смотрите-ка, да ведь и меня подняла именно эта мысль. Альмира!

На зов из своего убежища, виляя хвостом, вышла собака.

– Слава богу, она цела и невредима! – проговорила Тереза.

– А этого человека здесь нет. Постель его даже не смята. Пойдем, Альмира, я тебя высвобожу.

Огромный пес, прижавшись к ногам хозяйки, спокойно позволил отстегнуть кожаный ошейник, а затем, поставив ей лапы на плечи, вылизал Терезе лицо. После этого Альмира повернулась к Тимару и, подняв мощную лапу, протянула ему в знак своего собачьего расположения. Уж что-что, а друзей отличать она умела. Затем, встряхнувшись, она шлепнулась навзничь, дважды перевернулась с боку на бок и уютно устроилась в мягком песке. Она лежала спокойно, не лаяла.

Теперь каждый мог быть уверен, что ненавистного пришельца на острове уже нет.

Тереза подступила вплотную к Тимару.

– Вы знаете этого человека?

– Да как-то раз встречался с ним в Галаце. Он поднялся ко мне на корабль и вел себя так, что невозможно было разобрать, соглядатай он или контрабандист. В конечном счете я его спровадил прочь. В этом и состояла вся наша дружба.

– А как вам пришло в голову, что он способен был отравить Альмиру?

– Скажу по совести. Каждое слово, произнесенное внизу, в комнате, слышно на чердаке, так что я вынужден был слушать ваш разговор.

– Значит, вы слышали, чем угрожал мне тот человек? Если я не выполню его требование, ему достаточно будет обронить слово, и мы погибли.

– Слышал.

– И что вы теперь о нас думаете? Что мы вынуждены скрываться на этом отрезанном от мира острове, так как совершили какой-то невероятно тяжкий грех, не правда ли? Или же что мы занимаемся чем-то таким, что должно скрывать? А может, по-вашему, мы являемся

наследниками некоего прославленного имени и вынуждены скрываться от властей? Что вы о нас думаете?

– Ничего я не думаю, сударыня, не мое дело ломать голову над этим. Вы оказали мне гостеприимство, приютили у себя на ночь. За это я вам благодарен. Ветер стих; завтра я поплыву дальше и никогда не стану вспоминать о том, что я на этом острове видел и слышал.

– Но я не хочу, чтобы вы так вот ушли отсюда. Вы против своей воли услышали такие вещи, которые не должны остаться для вас необъясненными. Сама не знаю почему, но я с первого взгляда прониклась к вам чрезвычайным уважением; мне была бы мучительна мысль, что вы покинули наш дом с недоверием, с презрением. С такими чувствами ни вы не сможете уснуть под этим кровом, ни я. Ночь тихая, в такую ночь только и рассказывать о своих горьких тайнах. А там уж судите сами. Я расскажу вам всю правду, и только правду. И когда вы узнаете историю этого дикого острова и нашей глинобитной хижины, у вас язык не повернется сказать, что завтра, мол, уплыву далеко и никогда больше вас не вспомню. Вы станете наведываться сюда из года в год, когда дела приведут вас в эти края, и будете останавливаться на ночлег под этой мирной кровлей. Сядьте же на ступеньку подле меня и выслушайте историю нашей хижины.

История обитателей острова

Двенадцать лет назад мы жили в Панчеве, муж мой служил там городским чиновником. Фамилия его была Белловари. Молодой, красивый, славный он был человек, и мы очень друг друга любили. Мне в ту пору было двадцать два года, ему – тридцать. Родилась у нас дочка, нарекли ее Ноэми. Богатыми мы не были, но достаток в доме водился. У мужа была приличная должность, хороший дом, дивный фруктовый сад, пахотные земли; я росла сиротой и, когда он на мне женился, принесла в дом готовое состояние, так что жили мы без забот.

Муж мой водил тесную дружбу с Максимом Кристьяном, отцом того человека, который побывал здесь сегодня. Тодору тогда сравнялось тринадцать лет, такой был милый, красивый, живой парнишка, а уж до чего умный да сообразительный! Ношу я, бывало, дочку свою на руках, а мужчины знай приговаривают: надо нам будет поженить наших детей. И я, помнится, не нарадуюсь, когда мальчонка берет мое невинное дитя за крохотную ручонку и спрашивает: «Ну как, пойдешь за меня?» – а Ноэми смеется-заливается.

Кристьян считался торговцем. Но не из тех истинных купцов, кто в своем ремесле по настоящему разбирается да по свету ездит, а так, провинциальный торгаш, зато тягаться с купцами покрупнее и рисковать вслепую – тут он был мастер; если повезет, так в выигрыше, а не повезет – так в накладе останется.

Кристьяну все время везло, вот он и вообразил, что так будет всегда. Объедет по весне всю округу, посмотрит, как всходят посевы, и заключает договор с оптовыми торговцами на продажу зерна после жатвы.

Был у него постоянный заказчик – Атанас Бразович, купец из Комарома, он каждую весну вперед выплачивал Кристьяну крупные суммы под то зерно, что должно быть собрано по осени. И Кристьян обязывался по установленной цене загрузить зерно на купеческие суда. Такие сделки приносили Кристьяну хороший доход. Правда, я с той поры много над этим размышляла и пришла к выводу, что никакая это не коммерция, а чистой воды азартная игра: торгуют тем, чего пока еще нет и в помине. Бразович обычно ссужал Кристьяну крупные суммы, а поскольку у того, кроме дома, никакой недвижимой собственности не было, требовал поручительства. Муж мой охотно взялся выступить поручителем: и собственностью он владел, и к Кристьяну дружбу питал. Кристьян себя не обременял, жил припеваючи; муж мой, горемыка, целыми днями у конторки корпел, а дружок его знай себе целыми днями на террасе кафе посиживал, трубку потягивал да препирался с такими же торгашами, себе под пару. Но однажды обрушился на людей бич Господень: настал страшный 1816 год. Весной по всей стране виды на урожай были прекрасные, и можно было рассчитывать на дешевое зерно. В Банате счастлив был тот купец, которому удалось заключить сделку на пшеницу по четыре форинта за меру. А лето выдалось дождливое, шестнадцать недель каждый божий день лило не переставая. Все зерно сгнило на корню; голод грозил краю, в насмешку прозванному Ханааном, и по осени цена пшеницы стала двадцать форинтов за меру. Да и за эти деньги ее не сыскать было на продажу, весь урожай земледельцы попрिдержали на посевное зерно.

– Как же, как же, помню, – вставил словцо Тимар, – я в то время начинал свое поприще.

– И в тот год Максим Кристьян не сумел выполнить договор, заключенный с Атанасом Бразовичем. Сумма, которую ему предстояло платить, была такой чудовищной, что и не выговорить. Знаете, что он тогда удумал? Сгрел все свои деньги, какие прежде раздал в долг, набрал полную мошну в долг у простаков доверчивых да однажды ночью втихомолку и бежал из Панчева. Денежки с собой прихватил все без остатка, а сына единственного бросил.

Ничто не мешало ему так поступить: все его состояние заключалось в деньгах, а то, что он здесь оставил, было ему не дорого.

Но зачем тогда существуют деньги, если они могут причинить столько вреда человеку, которому ничто на свете, кроме них, не дорого?

Все свои долги и обязательства Кристьян переложил на плечи тех, кто одарил его своей дружбой, кто поручился за него. Среди них был и мой муж.

И тут Атанас Бразович потребовал с поручителей выполнить договор.

Все справедливо: ведь он предоставил кредит сбежавшему должнику, и мы вызвались возместить ему эти деньги. Распростились бы с половиной имущества, этого хватило бы, чтобы выплатить долг. Но Бразович не знал жалости: ему подавай полный расчет по всем условиям договора. Неважно, сколько денег он дал в свое время, главное, сколько должен был выручить. А он требовал пятикратной прибыли, и документ давал ему на то право. Мы просили, молили его удовольствоваться меньшей суммой, ведь речь шла всего лишь о том, чтобы он не так наживался на попавших в западню людях. Но Бразович был неумолим. Все свои претензии он хотел удовлетворить за счет безвинных поручителей.

Но для чего тогда существует религия, вера христиан и иудеев, если позволительно выставлять такие требования?

Дело подали в суд: судья вынес приговор, у нас отобрали дом, землю, лишили последнего куска, опечатали все имущество и пустили с молотка.

Но скажите мне, для чего тогда законы, для чего существует людское сообщество, если дозволено довести человека до нищенской суммы из-за долга, который сам он никогда не просил? Если дозволено разорить безвинного – и все из-за третьего лица, бессовестного человека, который посмеялся над простаками, да и был таков?

Мы предприняли все возможное, чтобы избавиться от крайней беды; муж самолично отправился в Буду и в Вену просить аудиенции. Подлый мошенник, сбежавший с чужими деньгами, жил в Турции, нам удалось это выведать. Мы обратились с прошением, чтобы его арестовали и доставили обратно: пускай сам удовлетворяет требования своего кредитора. И повсюду получили один и тот же ответ: не в нашей, мол, власти.

Но тогда какой прок от всех этих министерств, императоров, великодержавных властителей, если они не в состоянии защитить своих неимущих верноподданных?

Не перенеся этого ужасного удара, обрекшего нас на нищенскую долю, муж мой однажды ночью застрелился.

Он не желал видеть нищету своей семьи, слезы супруги, голодные муки ребенка и предпочел сбежать под землю.

Сбежать под землю – от нас!

О, зачем тогда существуют мужчины, если в случае беды не находят другого выхода, кроме как оставить женщину с ребенком на произвол судьбы и покончить с собою?

Но на этом ужасы еще не кончились. Нищенкой, бездомной бродяжкой меня уже сделали, теперь вознамерились сделать и безбожницей. Вдова самоубийцы понапрасну молила священника похоронить ее несчастного мужа как положено. Его преподобие – человек строгих нравов и великой святости, верность религии соблюдает неукоснительно; он отказал моему мужу в погребении по христианскому обряду, и мне пришлось смотреть, как человека, которого я любила до беспамятства, городской живодер везет на своей телеге, зарывает в яму и землю сверху ногами утаптывает, чтобы, не дай бог, холмика могильного не осталось.

Но зачем тогда священники, если они не умеют врачевать страждущие души?

Зачем тогда весь этот свет? Оставалось последнее: превратить меня в убийцу и самоубийцу. Чего проще: убить дитя и себя одновременно. Затянула я шаль на груди потуже, чтобы ребенок не выскользнул, и вышла на берег Дуная.

Я была одна, вокруг – ни единой живой души.

Раз-другой прошлась я вдоль берега, высматривая, где поглубже.

Тут кто-то сзади схватил меня за платье и потащил назад.

Я оглянулась: кто бы это мог быть?

То была собака – мой последний добрый друг из всех живых существ.

Это случилось на Острове, на том острове у нас был дивный фруктовый сад и летний домик. Все комнаты там тоже были опечатаны, и мне позволялось ходить только по кухне да по саду.

Села я тогда на берегу Дуная и призадумалась. Кто я есть? Человек, женщина. Неужто я хуже твари бессловесной? Видел ли кто когда, чтобы собака щенят своих топила и себя убивала? Не стану я убивать себя, не стану губить свое дитя! Всем смертям назло буду жить, буду дочку свою растить! Как жить? А как волки живут, как цыганки живут, у которых нет ни дома, ни хлеба. Буду просить милостыни у земли, у реки, у деревьев; только у людей никогда попрошайничать не стану!

Бедный мой муж много рассказывал мне об островке, который лет пятьдесят назад был образован Дунаем в зарослях камыша у Островы. Муж любил охотиться там в осеннюю пору и часто упоминал изрытую пещерами скалу, где он скрывался от грозы. Остров этот ничейный, говорил он, ведь его создал Дунай – себе самому и никому больше. Ни одно правительство не подозревает о его существовании, ни одна страна не обладает правом причислить его к своей территории. Там никто не пашет, не сеет. Земля, деревья, трава – ничьи. Но если они не принадлежат никому, то отчего бы им не принадлежать мне? Попрошу их у Бога, попрошу у Дуная – отчего бы им не уступить мне? А я на той земле стану растить хлеб. Какой хлеб и как выращивать? Пока не знаю. Нужда научит.

У меня оставалась лодка. Судебный исполнитель не заметил ее, иначе бы тоже отобрал. Мы сели в лодку все трое: Ноэми, я и Альмира, и я погребла к этому ничейному острову. Ни разу в жизни не бралась я за весла, но тут нужда научила.

Едва я ступила на эту землю, меня охватило удивительное чувство: я сразу как бы забыла все, что случилось со мной в том, другом мире. Манящая, умиротворяющая тишина встретила меня тут. Обойдя рощу, лесок, поле, я уже знала, чем стану здесь заниматься. В роще жужжали пчелы, в лесу цвел земляной орех, на поверхности воды колыхались цветы чилима (водяного ореха), вдоль бережка грелись на солнышке черепахи, стволы деревьев были облеплены улитками, а в болотистых зарослях поспевал манник. Боже мой, Господи, вот он – стол, обильный твоими щедротами! Да еще в роще было полным-полно дичков плодовых деревьев. Желтые дрозды занесли сюда семена с соседнего острова, и на дикой яблоне желтели плоды, а малиновый куст все еще хранил свои запоздалые плоды. Да, теперь я точно знала, что я буду делать на этом острове. Я превращу его в райский уголок и добыю этого сама, своими собственными руками, в одиночку. Займусь таким трудом, какой под силу одному человеку, хотя бы и женщине. А потом заживу, как жил в раю первый человек.

Я разыскала скалу и ее пещеры, созданные матерью-природой. В самой большой пещере была приготовлена постель – охапка сена; стало быть, это место отдохновения моего несчастного мужа и принадлежит мне по наследству. По праву вдовства. Там я покормила младенца, а затем убаюкала и положила дочку на сено, укрыв шалью. Альмире же наказала: «Оставайся здесь и стереги Ноэми, пока я не вернусь». И я поплыла опять на большой остров. Еще раз наведалься в наш бывший сад. Веранду домика закрывал большой парусиновый навес; я сняла его. Парусина нам пригодится – шатер натянуть или просто укрыться, а то и на зимнюю одежду пойдет. Я сложила все, что под руку подвернулось, кухонные да садовые инструменты, связала большущий узел, чтобы только сил хватило на спине дотащить. Богачкой, в карете, запряженной четверкой лошадей, прибыла я в дом своего мужа, а уйду с узлом на спине; и ведь не вела себя дурно, не транжирила попусту. Как знать, может, и этот узел за спиной – краденый; правда, его содержимое – моя собственность, но уношу я ее сейчас все же по-воровски. Понятия правды и несправедливости, дозволенности и запрета – все смешалось у меня в голове. С узлом за спиной я бежала прочь из собственного дома. Идя вдоль сада, я сорвала

по несколько веточек с каждого из дивных плодовых деревьев, отломала черенки смоковниц и ягодных кустов, подобрала в передник рассыпанные по земле семена, а затем... прижалась губами к ветвям плакучей ивы, под которой столько раз забывалась счастливым сном. Всему конец. Больше я никогда не возвращалась на то место. Лодка в последний раз перевезла меня через Дунай. На обратном пути меня занимали две тревожные мысли. Первая – о том, что на острове водятся и нежеланные обитатели – змеи. Наверняка они живут и в пещерах, а я ужасно их боюсь, да и за Ноэми страшно. Вторая мысль была о собаке. Сама-то я могу хоть годы продержаться, питаюсь диким медом, водяным орехом и манником, Ноэми выкормит материнская грудь, а вот что делать с Альмирой? Такое крупное животное ведь не прокормишь тем, что сама станешь есть. А без нее мне никак нельзя, я пропаду от страха и одиночества. Когда я с узлом добралась до пещеры, то увидела, как перед входом извивается хвост крупной змеи, а чуть поодаль лежит и откушенная голова. Недостающую часть между головой и хвостом съела Альмира. Умная собака лежала возле ребенка, виляя хвостом и облизываясь, словно хотела сказать: я уже отобедала. С той поры она стала все время охотиться на змей, добывая себе каждодневное пропитание. Зимой она выкапывала их из нор. Мой друг – так я ее обычно называю – сама додумалась, как ей просуществовать тут, на острове, и избавила меня от тягостных дум.

Ах, сударь, не могу вам передать, что я испытала в ту первую ночь! Ни души вокруг, со мною были только Бог, дитя и собака. Не решусь назвать свое чувство болью, скорее это было наслаждение. Мы все втроем укрылись парусиной и проснулись с первым пеньем птиц.

И начался труд – труд первобытного человека. Нужда всему научит. До рассвета надобно успеть собрать манник, росную крупу, потому-то ее так и называют. Жены бедняков ходят в болотные заросли, где произрастает это растение со сладкими семенами; задирают подол юбки, придерживая его широко расставленными руками, и начинают кружиться среди кустарника. Спелые зерна сыплются в подставленный подол. Уж это ли не манна небесная, ниспосланный Богом даровой хлеб, которым питаются «ничейные слуги»!

Сударь! Два года продержалась я на этом хлебе и каждый день, становясь на колени, возносила хвалу тому, кто заботится о пташках полевых!

Дикие плоды, мед лесных пчел, земляные орехи, черепашие мясо, яйца диких уток, припасенные на зиму водяные орехи, улитки и сушеные грибы служили мне повседневным пропитанием. Благословен Господь, подающий своим беднякам столь обильную пищу!

И все это время я днем и ночью трудилась, дабы выполнить данный мною обет. К дичкам я привила ветки плодовых деревьев из нашего сада, вскопала землю и посадила ягодные кусты, виноград и разные полезные растения. С южной стороны скалы я посеяла хлопчатник и ваточник, а из собранного урожая изготовила грубую ткань на ивовом станке, вот была нам и одежда. Из рогоза и осоки я сплела ульи, собрала в них рои диких пчел, и в первый же год у меня были мед и воск для обмена. Мельники и торговцы подпольным товаром иногда заезжали на остров, помогали мне при наиболее тяжелых работах. И никто не чинил мне обид. Люди знали, что денег у меня нет, и платили мне своим трудом да необходимыми инструментами – ведь каждому было известно, что денег я не беру! Ну а когда мои фруктовые деревья начали плодоносить, вот тут-то уж я и вовсе разбогатела. На плодородной земле этого острова любое дерево чувствует себя привольнее вдвойне. У меня есть груши, которые плодоносят два раза в год, и каждое молодое деревце после Иванова дня дает новые побеги. Деревья у меня приносят урожай обязательно каждый год. Я все время старалась изучить их секреты и поняла, что для умелого садовника не должно быть ни слишком обильных, ни неурожайных годов. Ведь если с животным говорить, как с человеком, оно вас понимает, вот и деревья, по-моему, тоже прислушиваются – присматриваются к тем, кто с любовью за ними ухаживает, они угадывают ваши сокровенные желания и гордятся, если им удастся доставить вам радость. О, деревья – существа разумные, у них есть душа. Я считаю, убийца тот человек, у кого поднимается рука срубить благородное дерево.

Для меня они все – мои друзья. Я люблю их, живу ими и благодаря им.

Ради их ежегодных даров приплывают ко мне на остров крестьяне из окрестных сел, с мельниц и привозят на обмен то, что мне для хозяйства требуется. За деньги я ничего не продаю! Денег страшусь, ведь они, окаянные, чуть не сжили меня со света, а муж мой и вовсе из-за них жизни лишился. Не хочу я их больше никогда видеть.

Но я не такая дурочка, чтобы не быть готовой к тому, что могут наступить и суровые года, когда весь кропотливый труд насмарку пойдет: могут ведь ударить поздние заморозки или урожай побьет градом. Я предусмотрела и худые времена. В подвальной пещере скалы и в проветриваемых ложбинках у меня отложено все, что можно припаси впрок: в бочках достаточно вина, в коробах – воска, тюки набиты шерстью и хлопком, чтобы избавить нас от нужды на случай голодного года, а то и двух. Видите, даже склады припасов у меня есть, а вот денег нету. Я считаю себя богатой, хотя вот уже двенадцать лет ни гроша в руках не держала!

Ведь я живу здесь, на острове, сударь, вот уже двенадцать лет – одна, а вернее, живем втроем. Альмиру я за человека считаю. Ноэми, правда, говорит, что нас четверо. Для нее Нарцисса – свет в окошке. Блаженное дитя!

Многие знают, что мы тут живем, но в этих краях предательство не в чести. Противоприродный замок, которым заперта граница двух стран, воспитал в здешних людях постоянную скрытность. Никто не суется в чужие дела и инстинктивно хранит любую тайну. Отсюда никакие сведения не просачиваются ни в Вену, ни в Буду, ни в Стамбул.

Да и с какой бы стати людям доносить на меня? Я чужого не трогаю, никому вреда не желаю. Выращиваю плоды на клочке земли, а земля эта ничейная. Господь Бог да принадлежащий королю Дунай дали мне все блага, и за то я каждодневно возношу им хвалу. Слава тебе, Господи, слава тебе, мой король!

Теперь уж и не знаю, сохранилась ли во мне какая-либо религиозность. Двенадцать лет я не видела ни священников, ни храма. Ноэми об этой стороне религии тоже ничего не знает. Я научила ее читать-писать, я рассказала ей о Боге, об Иисусе, о Моисее – какими я их себе представляю. Рассказала ей о добром, всепрощающем и вездесущем Боге, о возвышенном в своей униженности, немеркнущем в страданиях, божественном в своей человеческой сути Иисусе и о Моисее, ведущем свой народ к свободе, в голоде и жажде странствующем по пустыне, лишь бы не променять волю на сытое рабство, о Моисее, проповедующем добро и братскую любовь. Но о Боге жестоком и мстительном, проводящем различие между людьми, о Боге, требующем жертв и поклонения в богато изукрашенных храмах; об Иисусе, утверждающем собственную исключительность, требующем от людей слепой веры, призывающем платить подати богатым и подвергать гонениям ближних своих; о Моисее, вымогающем деньги и призывающем ко всеобщей ненависти, о себялюбивом Моисее, прославляемом в книгах и церковных проповедях, псалмах и колокольном звоне, – моя дочь не знает!

Теперь, сударь, вам известно, кто мы такие и чем занимаемся. И, стало быть, вам ясно, чем угрожает нам Кристьян, сын человека, за которого поручился мой муж, из-за которого он покончил с собой, а мы с дочкой были вынуждены покинуть людской мир.

Мальчику было тринадцать лет, когда нашу семью постиг крах, но удар этот и его коснулся, ведь родной отец бросил его на произвол судьбы.

Поистине не приходится удивляться, что из него вышел такой негодяй.

Покинутый, выброшенный родным отцом на свалку общества, обреченный на милостыню чужих людей, обманутый, обокраденный самым близким человеком, какого следовало бы почитать сыновней любовью, с младых ногтей заклеянный как сын мошенника... неудивительно, что он стал тем, кем вынужден был стать.

Впрочем, даже я толком не знаю, кто он такой, хотя и знаю о нем довольно много.

Люди, побывавшие на острове, немало рассказывали о нем.

Вскоре после бегства Максима Кристяна он тоже отправился в Турцию – на поиски отца, так он говорил. Одни утверждали, будто бы Тодор разыскал отца, другие уверяли, что ему так и не удалось напасть на его след. Поговаривали также, будто бы парень обокрал отца, бежал с деньгами и все разом растранил. Но наверняка никто ничего не знает. У самого Кристяна спрашивать бесполезно, он сроду правды не скажет, где был да что делал. Зато наплетет с три короба и так ловко свои небылицы порасскажет, что даже тот, кто очевидцем был и видел совсем противоположное, – и тот засомневается, уж не правду ли Кристян рассказывает. Сегодня он здесь, завтра там. Встречали его в Турции и Валахии, в Польше и Венгрии, и не сыскать в этих странах прославленного человека, с которым бы Кристян не был знаком; стоит ему с кем-либо сойтись, он непременно обманет этого человека, и обманутый может не сомневаться, что Кристян объявится снова и снова его обманет. Говорит он на десятке языков, и к какой нации сам себя причислит, за того люди его и принимают. То он выступает купцом, то солдатом или моряком, нынче он турок, завтра грек. Видели его и в роли польского графа, и жениха русской княжны, и немецкого чудо-доктора, способного якобы излечить любую хворь своими пилюлями. Чем он занимается на самом деле – не догадаться. Одно можно сказать наверняка: он – платный соглядатай. Кому он служит: туркам, австрийцам, русским? И тем, и другим, и третьим, а может, и еще каких хозяев находит. Но кому бы он ни служил, обманывает всех и каждого. На острове он появляется несколько раз в год. Приплывает на лодке с турецкого берега и той же самой лодкой переправляется на венгерскую сторону. Какие у него там дела, я и предположить-то даже не могу. Но мне кажется все же, что мучительству, всякий раз появляясь здесь, он подвергает меня собственного удовольствия ради. Он любитель вкусно поесть и за юбкой приволокнуться. А у меня всегда есть вкусная еда и есть молоденькая, подрастающая девочка, которую он не прочь поддразнить, называя своей невестой. Ноэми ненавидит его, даже не подозревая, насколько обоснована ее ненависть. Но я не думаю, что Тодор Кристян лишь ради этого навещает остров. Должно быть, с островом связаны какие-то тайны, о которых я и понятия не имею. Кристян – платный доносчик, к тому же злой человек и развращенный до мозга костей. С него все станется. Он знает, что мы с дочкой здесь на птичьих правах, никаких человеческих прав на этот остров мы не имеем, и, владея нашей тайной, прибегает к вымогательству, терзает нас обеих. Придумал для нас угрозу: если мы не станем ему подчиняться и не дадим все, что он потребует, он донесет на нас и австрийскому и турецкому правительству, а те, как только узнают, что посреди Дуная образовалась новая территория, прежде не упоминавшаяся в мирных соглашениях, тотчас выступят со своими претензиями, и, пока спор не решится в пользу одной из сторон, принудительно выселят со спорной территории всех жителей, как это было с пространством между горой Аллион и рекой Черна, объявленным «ничейной» землей. Достаточно этому человеку произнести хотя бы слово, и все, что тяжким двенадцатилетним трудом создано мною на этом пустынном острове, будет загублено, и тот райский уголок, где мы так счастливы, вновь будет превращен в дикие заросли, а мы опять станем бесприютными. И это еще не все! Ведь мы вынуждены бояться не только имперских чиновников, но и церковных служителей. Стоит только епископам, патриархам, архимандритам и деканам прознать, что на острове подрастает девица, которая с момента своего крещения не видела храма божьего, и ее тотчас же насильно отберут у меня и поместят куда-нибудь в монастырь. Теперь, сударь, вы знаете, почему тяжелые вздохи не давали нам уснуть?

Тимар задумчиво следил за диском луны меж стволов тополей, постепенно клонившихся к горизонту.

«Почему мне не дана власть вершить судьбы людей?» – думал он про себя.

– Этот человек в любой день может пустить нас по миру, – продолжала Тереза. – Единственное, что для этого требуется, сообщить в Вену или в Стамбул о вновь образовавшемся острове на Дунае, и мы погибли. Ни один человек в округе никогда нас не выдаст, на это способен только он. Но я готова на все. Своим существованием остров обязан лишь этой скале

на мысу: она удерживает изгиб дунайского рукава. Однажды, в тот год, когда турки сражались против сербского короля Милоша, сербы-контрабандисты спрятали на острове в ракитовых кустах три ящика пороха. За ними так никто и не явился; возможно, те люди, что спрятали здесь порох, были схвачены, а то и убиты. Я эти ящики отыскала и перенесла сюда, в самую глубокую пещеру. Сударь! Если с этого ничейного острова меня захотят прогнать, я брошу зажженный фитиль на ящики с порохом, и скала вместе с нами взлетит на воздух. Следующей весной после ледохода от этого острова и следов не останется... Теперь вы понимаете, отчего вам не спалось на этом месте?

Тимар, подперев голову руками, смотрел перед собой.

– Скажу вам еще кое-что! – добавила Тереза, наклоняясь ближе к Тимару, чтобы он слышал ее шепот. – Мне кажется, у этого человека была и другая причина появиться на острове именно сегодня и внезапно исчезнуть, кроме того, что он проигрался в карты в каком-нибудь распоследнем кабаке и надеялся у меня разжиться деньгами. Этот визит был адресован вам или второму господину. Пусть побережется тот из вас, у кого есть сокровенная тайна!

Луна скрылась за тополями, и небо на востоке стало светлеть. В лесу защебетали желтые дрозды. Близилось утро.

Со стороны Острова донесся протяжный звук рожка – побудка для корабельщиков.

На тропинке слышались шаги; один из матросов пришел доложить, что судно готово к отплытию, ветер стих и можно трогаться в путь.

На пороге хижины появился Евтим Трикалис с дочерью – белолицей красавицей Тимеей.

Ноэми тоже была на ногах, из свежего козьего молока готовила в кухне для гостей завтрак; поджаренная кукурузная мука заменяла кофе, а вместо сахара служил сотовый мед. Тимея не стала пить, уступив свою порцию Нарциссе, а та, к превеликому огорчению Ноэми, приняла от чужой девочки угощение.

Евтим Трикалис поинтересовался у Тимара, куда девался господин, пожаловавший сюда вечером. Тимар пояснил, что тот отбыл еще ночью.

От этой вести лицо Евтима Трикалиса омрачилось пуще прежнего.

Затем все они распрощались с хозяйкой дома. Тимея капризничала, жаловалась, что все еще неважно чувствует себя. Тимар задержался последним и на прощание вручил Терезе пестрый шелковый платок турецкой работы – в подарок Ноэми; Тереза поблагодарила его и пообещала, что Ноэми станет носить платок.

– Я еще вернусь сюда! – сказал Тимар, сжав руку Терезы.

По тропинке, поросшей мягкой травой, гости направились к лодке. Тереза и Альмира проводили их до самого берега.

А Ноэми взобралась на верхушку скалы и, усевшись на густую подстилку из мха и мясистых листьев седума, устремила мечтательный взгляд своих голубых глаз вслед удаляющемуся челну.

Прибежала Нарцисса и уютно устроилась на коленях хозяйки, грациозно изогнув шею и головой ластясь к Ноэми.

– Прочь пошла, изменница, неверная! Так-то ты меня любишь? Вмиг переметнулась к другой девочке только потому, что та красивая, а я нет! А теперь, когда она уехала, опять ко мне вернулась, теперь и я для тебя хороша? Ступай прочь, не люблю тебя больше!

Приговаривая эти слова, Ноэми обеими руками прижимала к груди ластящуюся беглянку, округлым нежным подбородком касаясь белой кошачьей головки и не сводя глаз с далекого челна. В глазах ее блеснули слезы.

Али Чорбаджи

На следующий день «Святая Варвара», пользуясь благоприятной погодой, весь день продвигалась вверх по рукаву Дуная, вдоль венгерских берегов. До вечера на судне не произошло ничего примечательного.

Вечером все рано отправились на покой, единодушно сойдясь во мнении, что прошлой ночью мало удалось поспать.

Но Тимару и в эту ночь не суждено было уснуть. Якорь был спущен, на судне царил тишина, и лишь монотонный плеск волн, ударяющихся о борта, мешал окончательно возобладать ночному безмолвию. Но даже и в этой тишине чудилось Тимару, будто соседи его всецело поглощены каким-то отнюдь не благим занятием. Из боковой каюты, лишь тонкой дощатой перегородкой отделенной от его собственной кабинки, доносились разнообразные звуки: вроде бы позвякивают монеты, а сейчас как будто вытащили пробку из бутылки; вот словно бы ложкой что-то размешивают в стакане, а затем ладонь соприкоснулась с ладонью, точно совершая вечернее омовение. И отчетливо послышался тот же вздох, что и прошлой ночью: «О, Аллах!»

И наконец Тимар услышал тихий стук в перегородку: Евтим Трикалис звал его.

– Добрый господин, зайди ко мне!

Тимар второпях оделся и поспешил в соседнюю каюту. Там помещались две койки и столик между ними. Одна койка была отгорожена занавеской, на другой лежал Евтим. На столике стояли ларец и два пузырька.

– Что прикажете, сударь? – осведомился Тимар.

– Я не приказываю – прошу.

– Что-нибудь стряслось?

– Сейчас все будет кончено. Я умираю – по своей воле, я принял яд. Не поднимай шума, сядь возле меня и выслушай, что я тебе скажу. Тимея не проснется, я напоил ее опиумом, чтобы крепче спала. В этот час ей нельзя бодрствовать. Молчи, не перебивай. Все, что ты скажешь мне, через час утратит для меня всяческий смысл, я же должен сказать тебе очень многое, а времени у меня мало, этот яд действует быстро. О нет, не пытайся меня спасти! Видишь – в руках у меня противоядие, пожалей я о содеянном, я мог бы поправить дело. Но я не хочу, и я прав. Итак, садись и внимай моим словам.

Зовут меня не Евтим Трикалис, а Али Чорбаджи, прежде я был правителем Кандии, затем казначеем в Стамбуле. Тебе известно, что сейчас происходит в Турции. Султан вводит новшества, а улемы, дере-беки и санджа-беки бунтуют. В таких условиях человеческая жизнь гроша ломаного не стоит. Одна сторона тысячами убивает тех, кто не согласен с нею, другая сторона тысячами поджигает дома власть имущих, и нет в стране лица столь высокого, какое бы не опасалось руки властителя или же руки раба своего. По приказу стамбульского наместника не так давно были задушены шестьсот знатных турецких господ, а его самого собственный раб прикончил в Софийской мечети. Даже на самого султана было совершено нападение на галацком мосту: дервиш Сачи угрожал ему смертью. Любое нововведение всегда оплачивается людской кровью: появление первого английского парохода в Босфоре было отмечено двумя сотнями отрезанных голов лодочников. Когда султан посетил Эдирне, было схвачено двадцать шесть знатных людей, из них двадцать человек обезглавлено, а шестеро подвергнуты пыткам, после чего дали чудовищные показания против виднейших людей страны. Затем эти несчастные были задушены, а те, против кого они дали показания, – улемы, военачальники, паши, министры – подвергнуты преследованию. Разумеется, не в открытую: попавшая под подозрение знать исчезла бесследно. Секретарь султана, эфенди Ваффат, был отослан в Сирию, а по дороге до смерти избит; Петрев-паша был приглашен на обед эдирнесским правителем Эмин-пашой, а когда в конце обеда был подан черный кофе, гостеприимный хозяин оповестил гостя,

что, по желанию султана, он должен испить находящийся в чашечке яд. Петрев лишь испросил дозволения высыпать в кофе принесенный с собою яд, поскольку в смертельном действии его уверен; затем он воздал хвалу султану, совершил омовение и намаз – и умер. Ныне каждый знатный турок носит при себе в перстне яд, дабы быть наготове, когда настанет его черед.

Я загодя узнал, что мой черед подходит.

В заговоре я не состоял, но у меня были две основательные причины ждать смерти. Одна из них – деньги, другая – моя дочь.

Деньги мои требовались казне, дочь была нужна сералю. Умереть нетрудно, к смерти я готов; но дочь я в сераль не отдам, да и нищей сделать не позволю.

Решил я обхитрить своих недругов и сбежать – с дочерью и со всем состоянием.

Бежать морем не было возможности: на новых колесных судах нас сразу же догнали бы. Я держал припасенным паспорт в Венгрию; обрил свою густую, длинную бороду и под видом греческого купца потайными путями пробрался в Галац. Дальше бежать по суше было уже невозможно. Поэтому я нанял твое судно, почти на все свои деньги накопил пшеницы, таким образом и средства мои остались при мне, и украсть у меня вроде бы нечего. Когда ты назвал имя твоего судовладельца, я страшно обрадовался, ведь Атанас Бразович доводится мне родственником: мать Тимей – родом гречанка – из их семьи. Я не раз оказывал добрые услуги этому человеку и теперь прошу его отплатить мне тем же. Аллах велик и мудр, и от судьбы не уйдешь. Ты, вероятно, догадался, что я – беглец, хотя и не знал, злоумышленник ли перед тобою или политический беженец; но ты как капитан судна выполнил свой долг по отношению к вверенному тебе путнику и помог мне спастись. Чудом удалось нам пробраться через скалы и водовороты Железных Ворот; дерзко ускользнули мы от преследовавшей нас канонерки; играючи миновали карантин и досмотр в Оршове, и когда все эти великие трудности оказались позади, я споткнулся о соломинку, и теперь мне одна дорога, в могилу.

Человек, который вчера вслед за нами появился на острове, – шпион турецкого правительства. Я его знаю, да и он наверняка меня узнал. Никому не удалось напасть на мой след, а эта ищейка вынюхала. Теперь можно не сомневаться, что уже у Панчева меня поджидают... Не перебивай, я знаю, что ты хочешь сказать. Там, мол, уже венгерская территория, и ни одно правительство не выдаст другому политического беженца. Да только меня будут преследовать не как политического беженца, а как жулика. Конечно, это неправда. Я взял с собой лишь то, что мне принадлежало, и если у государства есть ко мне какие претензии, – я оставил в Галаце двадцать семь домов, пусть пользуются. Но ведь меня все равно обвинят в том, что я – вор, похитил деньги из казны, а беглых воров даже Австрия обычно выдает Турции, если турецким ищейкам удастся их выследить. Этот человек меня опознал, и теперь мне конец.

На пожелтелом лбу турка выступили крупные капли пота. Лицо сделалось восковое.

– Дай промочить горло, трудно говорить. Мне еще многое нужно тебе сказать.

Самому мне не спастись, но своей смертью я спасу дочь и ее имущество. Так было угодно Аллаху, а кто дерзнет ускользнуть из-под сени его?

Поклянись своей верой и честью, что выполнишь то, о чем я тебя попрошу.

Прежде всего, когда я умру, не хорони меня нигде на берегу. Да и негоже мусульманину желать, чтобы его хоронили по-христиански. Схорони меня по флотскому обычаю: вели зашить в парусину и привязать к голове и ногам камни потяжелее, а в самом глубоком месте Дуная опустить в воду. Поступи со мною так, сын мой.

А затем так же бережно доведи судно до Комарома и как следует позаботься о Тимее.

Здесь, в ларце, мои наличные деньги – всего тысяча золотых. Остальное богатство мое – в мешках, вложено в пшеницу. На столе я оставил записку, ты спрячь ее у себя; в ней я подтверждаю, во-первых, что переел арбузов, подцепил дизентерию и по этой причине умираю, а во-вторых, что вся моя наличность – тысяча золотых! Не хочу, чтобы тебя обвинили, будто ты довел меня до смерти либо богатством моим поживился.

Тебе я ничего не дарю. Ты поступаешь по доброте сердца, и за то вознаградит тебя твой Бог. Лучшего должника тебе и не сыскать.

А затем доставь Тимею к Атанасу Бразовичу и попроси взять ее в дочери. Одна дочь у него уже есть, пускай Тимея станет ей сестрою. Вручи ему деньги, дабы обратил он их во благо моему детищу. А также передай ему судовой груз да попроси, пусть самолично проследит за тем, как мешки станут опорожнять: я засыпал их чистым зерном и не хочу, чтобы его подменили. Понятно тебе?

Умиравший вперил в глаза Тимара горящий взор, стараясь побороть подступавшую слабость.

– Это очень важно...

Он опять умолк.

– Что бишь я сказал?.. Мне надо сказать тебе что-то важное, но в голове мутится... Ночь-то какая красная! И месяц на небе красный. Ах да, «красный полумесяц»...

Тут внимание умирающего привлек глухой стон, донесшийся с той стороны, где на ложе своем покоилась Тимея, и придал его мыслям иное направление. Испуганно приподнявшись на постели, он принялся дрожащими руками шарить под подушкой, а широко раскрытые глаза его остекленели.

– О, чуть было не забыл! Ведь я же дал Тимее сонного зелья, и если ее не разбудить вовремя, она уснет вечным сном. В этом пузырьке – противодействующее средство. Когда я умру, ты натри ей лоб, виски и под ложечкой... только как следует, с силой втирай, покуда она не проснется. Вот беда, ведь я, сам того не желая, чуть было не увлек ее за собою. А ей надо жить! Клянешься верой своей и честью, что не дашь уснуть ей навеки, разбудишь ее, вернешь к жизни?

Умиравший судорожно прижал к груди руку Тимара; смертная агония исказила черты его лица.

– О чем это я говорил?.. Что же я хотел тебе сказать? На чем остановился? Ах да, «красный полумесяц»!

В раскрытое окно заглядывал рожок убывающей луны, окутанный красноватым туманом.

Эта ли картина отпечаталась в угасающем мозгу умирающего или же она навела его на какую-то мысль?

– Да, «красный полумесяц», – прошептал он еще раз, судорожно привлекая к себе Тимара; затем агония навеки сковала его уста. После недолгих мучений старик скончался.

Живой алебастр

Тимар остался один на один с покойником, с девушкой, спящей мертвым сном, и с тайной, погребенной в ночной тиши.

А ночные тени словно нашептывали ему:

«Подумай, как славно все уладится, если ты не выполнишь того, что тебе поручено: не предашь усопшего волнам Дуная, не станешь пробуждать девушку от спячки, но позволишь ей тихо-мирно отбыть в мир иной! Правда, соглядатай наверняка успел донести в Панчеве о беглеце Чорбаджи, но если опередить его, причалить к берегу не в Панчеве, а в Белграде и там донести на беглого турка, то треть его сокровищ по закону достанется тебе. Ведь они, эти сокровища, теперь все равно ничьи: отец мертв, дочь, если ты не пробудишь ее к жизни, упокоится навеки. Ты вмиг разбогатеешь! Богатый человек – он всегда в хороших, это бедняк – подлый и никчемный!»

Но у Тимара готов ответ этим ночным теням: «Нет уж, лучше я останусь подлым и никчемным!» И дабы заглушить коварные нашептывания, он закрыл окошко каюты; стоило ему взглянуть на красноватый рожок луны, и его охватывал какой-то страх. Ему чудилось, будто именно оттуда исходил злонамеренный шепот. Может, в этом предостережении и заключался смысл предсмертных слов Али Чорбаджи о «красном полумесяце»?

Тимар отодвинул занавеску, отгораживавшую ложе Тимеи.

Подобно живой алебастровой статуе покоилась спящая девушка; грудь ее медленно опускалась и вздымалась, губы были полуоткрыты, веки сомкнуты, стоящая наготове смерть придала ее лицу выражение неземной значительности.

Одна рука девушки была поднята к локонам, обрамлявшим лицо, другая сжимала на груди сборки ночной сорочки.

Тимар с содроганием дотронулся до нее, словно до заколдованной феи, от прикосновения к которой простой смертный испытывает столь мучительную сердечную боль, что лишается жизни. Набрав в ладонь настойки из пузырька, он принялся растирать виски спящей девушки. Не отрывая взгляда от ее лица, Тимар думал:

«Неужели я мог бы допустить твоей смерти, дивное создание?! Да будь судно нагружено доверху жемчугом и достанься он весь мне в случае твоей смерти, и то я не позволил бы тебе уснуть навеки. Нет таких брильянтов на свете, которые доставили бы мне большую радость, чем твои глаза, когда ты, пробудясь, откроешь их!»

Тимар растер лоб и виски Тимеи, но застывшее во сне лицо не изменило своего выражения; тонкая линия сросшихся бровей не отозвалась ни единой морщинкой на лбу, когда чужие мужские руки касались их.

Наказ турка гласил: противодействующим средством надлежит натереть и грудь.

Тимар вынужден был взять девушку за руку, чтобы убрать ее с груди.

Рука не оказала никакого сопротивления. Она была вялая и холодная.

Столь же холодной была и вся девичья фигура. Холодной и прекрасной, как алебастр.

А ночные тени нашептывали свое:

«Взгляни, как прекрасно это тело! Никогда еще человеческие уста не касались более совершенной красоты. Кто узнает, если ты поцелуешь ее?»

Но Тимар, перекрывая шепот ночи, ответил самому себе: «О нет! Ты ни разу в жизни не присвоил ничего чужого, а ведь такой поцелуй был бы равнозначен воровству». С этими словами он подтянул персидское ковровое покрывало, которое девушка во сне сбросила с себя, укрыл ее по плечи и под покрывалом растер ей настойкой грудь. А чтобы не поддаваться соблазну, во время этой процедуры не отрывал глаз от девичьего лица. Ему казалось, что он смотрит на алтарный образ, излучающий чистоту и холод.

И вдруг черные ресницы дрогнули, и глаза открылись; взгляд их был мрачный, тусклый. Дыхание девушки участилось, и Тимар почувствовал, как сердце у него под рукой забилось сильнее.

Тогда он вытащил руку из-под покрывала.

Пузырек с настойкой Тимар поднес к носу девушки, чтобы та вдохнула резкий спиртовой запах.

Похоже, Тимея начала просыпаться: она повернула голову, пытаясь отстраниться от пузырька, и нахмурила брови.

Тимар тихонько окликнул ее по имени.

Тут вдруг девушка внезапно поднялась с криком «отец!» и застыла, сидя на краю постели и глядя перед собой в одну точку.

Ковровое покрывало соскользнуло ей на колени, а ночное облачение сползло с плеч; девушка походила сейчас на античный бюст.

– Тимея! – окликнул ее Тимар и натянул на обнаженные плечи бязевую сорочку.

Девушка этого даже не заметила.

– Тимея, ваш отец умер! – молвил Тимар, но девушка ни лицом, ни телом не вздрогнула при этих словах; она оставалась безучастной.

Тимар сбегал к себе в каюту за спиртовкой; с лихорадочной поспешностью, обжигая руки, сварил черный кофе, затем подошел к девушке, привлек к себе ее голову, разжал ей губы и, запрокинув ей голову, вынудил проглотить кофе.

До сих пор ему приходилось пересиливать лишь ее телесную скованность; но как только девушка проглотила горькое, горячее питье, она вдруг с такой силой оттолкнула его от себя, что у него даже чашка выпала из рук. А девушка повалилась на постель, натянула на себя покрывало; ее знобило так, что зуб на зуб не попадал.

– Ну, слава богу, раз дрожит – значит, жива! – вознес благодарственную молитву Тимар. – Теперь займемся похоронами по флотскому обычаю.

Похороны по флотскому обычаю

В океане это происходит вполне естественно. Тело умершего зашивают в парусину, привязывают к ногам ядро и бросают за борт. Через какое-то время «могила» его обрастает кораллами.

Однако бросить умершего человека с судна в Дунай не так-то просто. Ведь берег рядом, а на берегу – города и села, где священники и колокола для того и существуют, чтобы предавать покойников освященной земле да звонить за упокой их душ; тут нельзя всего лишь по воле усопшего взять да и швырнуть его в воду.

И тем не менее Тимар отлично понимал, отчего именно так все и должно произойти. Трудности его не смущали.

Прежде чем успели поднять якорь, он уведомил рулевого, что на судне находится покойник: Трикалис умер.

– Я так и знал, что беды не миновать, – сказал Янош Фабула. – Белуга плыла с нами наперегонки, а это верная примета смерти.

– Придется сойти на берег и попросить священника похоронить покойного. Не везти же нам труп с собою, нас и без того подозревают в чумной заразе.

Почтенный Фабула с сомнением крикнул и сказал, отчего, мол, не попробовать.

Ближайшее село Плесковац славилось богатством; был тут храм с двумя башнями и собственный декан – рослый, статный красавец с длинной черной бородой, густыми, широкими бровями и благозвучным, напевным голосом.

Декан был давним знакомцем Тимара, который не раз покупал у него зерно; священник всегда заготавливал немало пшеницы на продажу.

– Ах, сын мой, нехстати ты явился! – воскликнул декан при виде Тимара. – Урожай выдался неважный, да и тот я уже давно запродаю. (А между тем и во дворе, и на гумне занимались обмолотом.)

– На сей раз я собрал жатву! – отвечивал Тимар. – Да только печальную: покойник у нас на судне, ваше преподобие. Вот и решили просить вас пожаловать к нам и похоронить усопшего как положено.

– погоди, сын мой, уж больно ты торопишься! – возразил декан. – Исповедался ли усопший христианин перед смертью? Принял ли святое причастие? Уверен ли ты, что не был он унитарием? Ведь иначе я хоронить не стану.

– Чего не было, того не было, ваше преподобие. Исповедника мы с собой не возим; умер праведник своей смертью и безо всякого вспоможения, как оно и бывает обычно с нашим братом корабельщиком. Но ежели вы, ваше преподобие, не желаете схоронить его честь по чести, то дайте по крайности мне хоть документ, чтобы я смог оправдаться перед родственниками усопшего, отчего не отдал ему последний долг. А там уж мы сами похороним его где-нибудь на берегу.

Декан выдал Тимару свидетельство о том, что покойнику отказано в погребении. Однако крестьяне, занятые обмолотом, прознали о случившемся.

Слышанное ли дело – похоронить на их земле покойника не по церковному обряду? Ведь ясно как божий день, что всю округу градом побьет! Откуда бы этот покойник ни взялся, пусть не вздумают корабельщики навязать его какому-нибудь соседнему селу; никому такой подарок не нужен. Как пить дать, накличет град, а тут виноград скоро убирать, у крестьянина на эти дни вся надежда. А в будущем году мертвец, не по-христиански погребенный, оборотнем заделается, всю влагу – будь то роса или дождь – в себя впитает.

Тимара же заверили, что быть ему нещадно битым, вздумай он перенести покойника на берег.

И чтобы корабельщики не сумели втихомолку зарыть его в землю где-нибудь на берегу, отобрали крестьяне четверых дюжих парней и послали на судно – проводить его на расстояние дневного пешего пути. А там, как очутится корабль за пределами их округи, пусть делают со своим покойником что угодно.

Тимар прикинулся страшно разгневанным, но позволил четверке сопровождающих взойти на корабль.

Матросы же тем часом сколотили гроб и положили туда покойника; только и оставалось, что крышку прибить.

Тимар первым делом проведал Тимею. Горячка разыгралась не на шутку; лоб девушки горел огнем, но лицо по-прежнему оставалось белым. Тимея была без памяти, и о всех приготовлениях к погребению так и не узнала.

– Оно и к лучшему! – молвил Тимар и, прихватив кружку с краской, принялся выводить на крышке гроба имя и дату смерти Евтима Трикалеса. Четверо парней-сербов, став позади, по складам читали вслух ровные строчки, писанные кириллицей.

– Давай-ка напиши хоть букву, а я пока займусь своими делами! – предложил Тимар одному из праздных зевак. Тот ухватился за случай показать свое умение и намалевал на доске такое «Х», какое у сербов лишь в давние времена читалось как «С».

– Смотри, как славно у тебя получается! – похвалил его Тимар и вручил кисть другому. – Оказывается, ты тоже молодец. Как тебя зовут?

– Йозо Беркич.

– А тебя как кличут?

– Мирко Якшич.

– Ну, храни вас Бог долгие годы! Не выпить ли нам по стаканчику сливовицы?

Сие благое дело свершилось без помех.

– А меня зовут Михай, фамилия моя Тимар. Очень удачная фамилия: захочу – могу назваться венгром, захочу – могу себя за турка выдать или за грека. Но вы меня зовите попросту – Михай.

– С Богом, Михай!

Теперь Михай чуть ли не каждую минуту отлучался в каюту проведать девушку. Горячка не проходила, Тимея по-прежнему была без памяти. Однако Тимар не отчаивался, полагая так: кто плавает по Дунаю, у того под рукой целая аптека, ведь холодная вода любой недуг лечит. Все его врачебальное искусство состояло в том, что он прикладывал ко лбу и икрам девушки смоченные в холодной воде платки, исправно заменяя их свежими, как только они согреваются. Этот способ лечения был известен корабельщикам задолго до Призница⁷.

«Святая Варвара» весь день неспешно плыла вверх по Дунаю вдоль берега Венгрии. Парни-сербы вскоре перезнакомились с матросами и помогали им работать веслами, а те в свою очередь потчевали сербов жареным на вертеле мясом.

Покойник лежал на палубе, прикрытый чистой простыней вместо савана.

Под вечер Михай объявил своим людям, что собирается лечь, потому как двое суток не спал; судно пусть тянут, куда совсем не стемнеет, а тогда можно будет стать на якорь.

Однако Тимар и в эту ночь не ложился спать; вместо того чтобы отправиться к себе в каюту, он прокрался к Тимее и, укрыв ночник в пустом ящике, дабы свет не проникал наружу, всю ночь просидел у постели пребывающей в беспамятстве девушки, оберегая ее покой и меняя компрессы из загодя припасенной речной воды. Глаз он так и не сомкнул ни на минуту.

---

⁷ Призниц Винцент (1799–1851) – австрийский лекарь-непрофессионал, предложивший холодные компрессы в качестве жаропонижающего средства при лихорадке и воспалительных процессах.

Тимар явственно слышал, как бросили якорь: корабль остановился, и лишь волны с плеском ударялись о его борта. С палубы еще долго доносился гомон мужских голосов, затем постепенно все отправились на покой.

Но около полуночи Тимару послышались словно бы приглушенные удары молотка.

«Ага, значит, шляпки гвоздей сукном накрыли, чтобы приглушить удары!» – подумал он.

Затем раздался звук падения какого-то тяжелого предмета и громкий всплеск воды.

После этого на корабле все окончательно стихло.

Михай выждал, пока рассвело и судно вновь двинулось в путь. Минул, должно быть, час, когда он вышел из каюты. Лихорадка отпустила, и девушка забылась спокойным сном.

– Куда делся гроб? – были первые слова Михая, когда он появился на палубе.

Парни-сербы решительно выступили вперед.

– Мы положили туда камней для тяжести и бросили в воду, чтобы вам не вздумалось похоронить покойника где-нибудь поблизости на берегу да на всех нас накликать беду.

– Что же вы наделали, злодеи вы такие! Ведь мне теперь придется держать ответ перед комитатской управой; с меня спросят, куда делся проезжий господин, да еще и обвинят, чего доброго, будто бы это я скрыл его неведомо где. Так что уж изложите на бумаге, что это ваших рук дело. Кто из вас умеет писать?

Оказалось, что, конечно же, никто из парней грамоте не обучен.

– Но разве не вы, Беркич да Якшич, помогали мне делать надпись на крышке гроба?

Оба признались, что только и умеют одну-единственную букву написать, да и то исключительно кистью и на доске.

– Ничего не поделаешь. Придется везти вас с собой в Панчево, а там уж вы перед полковником на словах засвидетельствуете в мою пользу. Будьте спокойны, он из вас всю правду вытянет!

От этой угрозы мигом научились писать не только Беркич и Якшич, но и два других парня. Уж лучше они дадут письменное свидетельство, только бы не отвезли их в Панчево.

Михай вынес на палубу чернила, перо, бумагу и, заставив одну из грамотеев улечься на живот, продиктовал ему свидетельство: так, мол, и так, ночью, пока корабельщики спали, они, сербские крестьяне, без ведома и согласия Тимара, опасаясь градобития, сбросили усопшего Евтима Трикалеса в Дунай.

– Внизу поставьте свои имена да напишите, где живете, чтобы вас можно было разыскать в случае, ежели судебное расследование начнется.

Один свидетель подписался как «Иса Каракасалович», проживающий в «Гунероваце», а другой назвался «Него Стириопицей из Медвединца».

На том они с серьезным видом расстались; и Михай, и четверка сербов удержались, чтобы не расхохотаться в лицо друг дружке.

С тем Михай и высадил их на берег.

...Али Чорбаджи покоился на дне Дуная, где он и завещал себя похоронить.

Шутка, достойная смеха

На утро, когда Тимея пробудилась от сна, ее болезнь как рукой сняло. Юная природа взяла свое.

Одевшись самостоятельно, она вышла из каюты и застала Тимара в носовой части корабля.

– Где мой отец? – спросила девушка.

– Барышня, ваш отец скончался.

Тимея в упор смотрела на него большими, грустными глазами, в лице ее, и без того белом, не было ни кровинки.

– Куда же его дели?

– Ваш отец, барышня, покоится на дне Дуная.

Тогда Тимея села у борта судна и молча уставилась в воду. Она не проронила ни слова, не пролила ни единой слезы – лишь неотрывно смотрела в водяную глубь.

Тимар счел за благо попытаться утешить ее.

– Вы захворали и впали в беспамятство, а тем временем Господь призвал к себе вашего отца. Я находился при нем в смертный час. Все его слова и помыслы были о вас, через меня он шлет вам свое последнее благословение. Выполняя волю вашего отца, я отвезу вас к его давнему приятелю – он ваш родственник по материнской линии и заменит вам отца. Есть у него и родная дочь – молодая и красивая, чуть постарше вас, она станет вам сестрицею. В той семье вас хорошо примут и будут добры к вам. А весь груз, что находится на этом судне, – ваша собственность, она досталась вам в наследство. Вы теперь богатая и всегда будете с благодарностью вспоминать об отце, который с такой любовью о вас позаботился.

У Тимара перехватило горло, когда он довел свою мысль до конца: «... и который умер, чтобы дать тебе свободу, принял смерть, чтобы даровать тебе жизнь!»

Тимар задумчиво разглядывал лицо девушки. А оно не дрогнуло в ответ на его прочувственные речи, из глаз не скатилось ни слезинки. Михай подумал было, что она стесняется плакать при постороннем, и отошел подальше; но девушка не заплакала, даже оставшись в одиночестве.

Ну не странно ли? При виде белой кошки, тонущей в волнах Дуная, слезы ее лились неудержимо, а сейчас, когда ей говорят, что отец ее покоится на дне речном, она и слезинки не уронит.

А может, так оно и бывает: люди, способные расплакаться от мелких переживаний, глубокую боль переносят, молча уставясь в одну точку, – вполне возможно. Однако Тимару сейчас было не до психологических загадок. На северо-западе показались шпили Панчева, а вниз по течению плыла лодка императорско-королевского флота, направляясь прямо к «Святой Варваре»; кроме капитана и восьми вооруженных лодочников там находился и тюремный стражник.

Подплыв к кораблю, незваные гости взяли его на абордаж и вскочили на палубу.

Капитан поспешил к Тимару, поджидавшему его у дверей каюты.

– Вы будете судовой комиссар?

– К вашим услугам.

– На этом судне под именем Евтима Трикалиса плывет турецкий паша; он расхитил казну и бежал вместе с награбленными сокровищами.

– На этом судне плыл грек по имени Евтим Трикалис – торговец зерном, и вез он не какие-то там награбленные сокровища, а чистое зерно, как показал официальный досмотр в Оршове, подтвержденный документально; вот вам первая бумага, извольте прочесть. Ни о каком турецком паше мне ничего не известно.

– Где он?

– Ежели был он греком, то у Авраама, а если турком – то у Магомета.

– Уж не умер ли он?

– Совершенно верно, скончался от дизентерии. Вот вам второй документ – завещание, собственноручно составленное умирающим.

Капитан прочел бумагу от начала до конца, время от времени бросая косые взгляды на Тимею, которая недвижно сидела на том месте, где ее застала весть о смерти отца. О чем идет разговор, она не понимала: язык ей был незнаком.

– Шестеро моих матросов и рулевой могут засвидетельствовать, что он действительно умер.

– То его беда, а не наша. Умер – значит, умер, и его, вероятно, схоронили. Вы скажете нам, где он похоронен, а мы велим выкопать труп. Тут находится человек, который его опознает, и если подтвердится, что Трикалис и Али Чорбаджи – одно лицо, то, по крайности, хоть можно будет конфисковать похищенные сокровища. Где вы его погребли?

– На дне Дуная.

– Вот уж напрасно! Зачем вы это сделали?

– Но-но, тише! Вот вам третья бумага – от декана в Плесковаце; Трикалис скончался в его приходе, а декан не только отказался провести обряд как положено, но и запретил снести тело на берег. Люди же требовали бросить покойника в воду.

– Черт бы их побрал, этих попов распроклятых! – Капитан в сердцах стукнул кулаком по эфесу сабли. – Вечно с ними хлопот не оберешься. Но вы ведь сможете примерно место указать, где его бросили в реку?

– Давайте разбираться по порядку, господин капитан. Крестьяне в Плесковаце отрядили на судно четверку караульных, чтобы воспрепятствовать мне перенести тело на сушу, и эти четверо парней ночью, когда все мы спали, без ведома корабельщиков наложили в гроб камни для тяжести и опустили его в Дунай. Вот собственноручная расписка самих злоумышленников; возьмите ее, господин капитан, и вам не составит труда отыскать их, допросить и наказать поделом.

Капитан был вне себя от ярости; он разразился сардоническим хохотом, поперхнулся, сердито закашлялся и, дочитав бумажонку до конца, швырнул ее Тимару обратно.

– Славно тут у вас все уладилось! Обнаруженный беглец умер, с ним теперь не побеседуешь; поп, видите ли, не разрешил предать его земле; крестьяне сбросили покойника в воду и выдали бумагу, подписанную именами, которых человек отродясь не носил, указали названия деревень, каких никогда на свете не было. Беглец скрывается на дне Дуная, а мне теперь либо баграми прочесывай весь Дунай от Панчева до Смедерева, либо ищи-свищи двух негодяев, одного из которых кличут Каракасаловичем, а другого Стириопицей. И груз я конфисковать не могу, коль скоро личность бегльца не установлена. Да, господин комиссар, вы на славу расстарались, ловко все обделали! И бумагами обзавелись на все случаи, вон их у вас сколько: одна, две, три, четыре! Готов поспорить: вздумай я востребовать свидетельство о крещении этой вот барышни, вы мне и его представите в наилучшем виде.

– Если вам будет угодно.

Правда, свидетельства о крещении Тимар представить не смог бы, зато сумел скроить такую дурацкую физиономию, что капитан только покачал головой. Рассмеявшись недобро, он похлопал Тимара по плечу.

– Вы прямо золото, а не человек, господин комиссар! Спасли этой девушке всю ее собственность, ведь за отсутствием отца я не могу ни ее задержать, ни на имущество ее арест наложить. Можете продолжать путь. Золотой вы человек!

С этими словами капитан резко повернулся, ближайшему лодочнику, замешкавшемуся на палубе корабля, влепил такую оплеуху, что тот чуть не свалился в воду, и велел немедленно убираться всем с корабля.

Но когда спустился в лодку, еще раз внимательно посмотрел назад.

Судовой комиссар взирал ему вслед все с тем же дурацким выражением.

Груз «Святой Варвары» был спасен.

Роковой конец «Святой Варвары»

Теперь «Святая Варвара» без помех держала свой путь вверх по течению, и у Тимара не было иных забот, кроме повседневных хлопот с погонщиками.

Путешествие по Дунаю вдоль Большой Венгерской низменности – впечатление на редкость однообразное; здесь не встретишь ни скал, ни водопадов, ни руин исторических памятников – лишь уныло-скучные берега, поросшие тополем да ивой.

Что интересного расскажешь об этих краях Тимее?

Девушка иной раз целыми днями не выходила из каюты. Отсиживалась в одиночестве и молчала – слова не добьешься. Порой и к еде не притрагивалась: как приносили ей, так и забирали пищу нетронутой.

Вечера стали длинные; погожие дни сменились позднеоктябрьским дождливым ненастьем. Тимея затворницей проводила дни и ночи в своей одинокой каюте, и Михай не знал, что с ней; лишь по ночам сквозь тонкую дощатую перегородку доносились ее тяжкие вздохи. Но плача он не слышал ни разу.

Должно быть, жестокий удар навеки сковал холодом ее сердце. И сколько же тепла понадобится, чтобы растопить этот холод?

Ах, бедный друг мой, стоит ли об этом думать? Стоит ли грезить во сне и наяву об этом дивном белом лице? Даже не будь Тимея столь прекрасна, все равно она очень богата, а у тебя нет и гроша за душой. Тщетное занятие для такого бедняка, как ты, связывать все свои помыслы с прекрасным обликом богатой и знатной барышни. Вот если бы наоборот – ты был богат, а она бедна!..

«Кстати, каким же богатством обладает Тимея?» – прикидывает про себя судовой комиссар, дабы повергнуть себя в отчаяние и отогнать тщеславные мечты прочь.

Отец оставил ей тысячу золотых наличными и судовой груз, который по нынешним временам потянет на десять тысяч золотом. Должно быть, есть у нее и драгоценности, а значит, сотня тысяч наберется. Девушка с таким приданым в венгерском провинциальном городке считается богатой невестой.

И тут Тимар столкнулся с загадкой, разрешить которую оказался не в силах.

Если сохраненное имущество Али Чорбаджи составляет одиннадцать тысяч золотом, то по весу это не более шестидесяти шести фунтов: золото занимает меньший объем по сравнению с прочими металлами. Шестидесят шесть фунтов золота нетрудно засунуть в котомку и унести на плече хотя бы и пешком. Какая нужда была Али Чорбаджи обращать золото в зерно, для перевозки которого понадобилось целое судно. Чего ради полтора месяца плыть под угрозой попасть в бурю, налететь на скалу, сесть на мель, подвергать себя риску карантина или обыску пограничной стражи, когда с тем же самым богатством в заплечной суме через горы-реки можно было без всякого риска за две недели пробраться в Венгрию?..

Тимар не мог подобрать ключ к этой загадке.

Эта загадка повлекла за собой другую, не менее таинственную.

Если сокровища Али Чорбаджи (праведным ли путем они добыты или неправедным) составляют всего одиннадцать-двенадцать тысяч золотом, с какой стати столь рьяно охотится за ними турецкое правительство? Не жалеет ради этой мизерной поживы снаряжать двадцатичетырехвесельную канонерку и гонять ее по всему Дунаю, посылать вослед беглецу гонцов да соглядатаев. Это для неимущего судового комиссара десяток тысяч – сумма изрядная, а для знатного падишаха – так, мелкая подачка; к тому же, если бы даже и удалось конфисковать эти ценности сразу, то, пока они прошли бы через руки судебных исполнителей и прочих облеченных властью жуликов, от них едва ли осталось бы султану на табак – разок трубку набить.

Какой же резон было ради столь убогой добычи приводить в движение мощный аппарат государственной службы?

А может, главной целью была Тимея? У Тимара достало склонности к романтике, чтобы допустить и такие предположения, хотя его трезвый ум всякий раз упирался в их нелепость.

Однажды к ночи ветер разогнал облака, и Тимар, выглянув из окна каюты, увидел на горизонте с запада молодой месяц.

«Красный полумесяц».

Ярко блистающий серп касался поверхности Дуная.

Тимару почудилось, будто месяц и вправду такой, каким его принято изображать в календарях: напоминает человеческий профиль, а растянутый в ухмылке рот словно говорит что-то.

Только ведь речи луны не всегда понятны: чужд нам этот язык. Вот лунатики его понимают и подчиняются ему, однако, пробудясь ото сна, и они забывают все, что им говорили.

Тимар словно бы получил ответы на свои вопросы. На который же из них: на подсказанный биением сердца или на свои математические выкладки? Похоже, на тот и на другой, вот только расшифровать эти ответы пока не удастся.

Красный полумесяц медленно погружался в воды Дуная, и лунная дорожка добежала по волнам до корабельного носа, словно говоря Тимару: неужто не понимаешь? Наконец и верхний край рожка скрылся под водою, посулив, однако, на прощание: вот вернусь завтра, и тогда ты все уразумеешь.

Рулевой полагал, что надобно использовать ясную погоду и двигаться вперед даже после заката солнца. Алмаш путники уже миновали, и до Комарома было рукой подать. Дунай в этих местах он знал как свои пять пальцев, так что мог провести судно хоть с закрытыми глазами. Вплоть до дёрского рукава Дуная плаванье тут совершенно безопасно.

Однако когда «Святая Варвара» подплыла к Фюзитэ, под водой вдруг раздался слабый треск, но при звуке его рулевой в ужасе заорал погонщикам: «Стой!»

Тимар тоже побледнел и замер на мгновение: на лице его впервые за все время путешествия отразился страх.

– На топляк наскочили! – закричал он рулевому.

Рулевой, рослый детина, потеряв голову от страха, бросил руль и, плача как ребенок, побежал по палубе к каюте.

– На топляк наскочили!

С кораблем произошла именно эта беда. Дунай, разливаясь, подмывает берега, а вырванные огромные деревья увлекает своим течением: приставшая к корням земля затягивает деревья под воду, и стоит только идущему вверх по реке груженому судну налететь на комель затонувшего дерева, дырка в днище, считай, обеспечена.

От скал и мелей рулевой может спасти свой корабль; но против подстерегающего под водой топляка бессильны все лоцманские умения, опыт, сноровка: большинство дунайских судов гибнет именно из-за таких скрытых в глубине бревен.

– Нам крышка! – в один голос закричали рулевой и корабельщики и, повскакав с мест, кинулись спасать свой скарб – узлы да сундучки – в шлюпку.

Судно развернулось поперек течения и начало погружаться носом в воду. О спасении его и помышлять не приходилось – куда там! Оно битком набито мешками, и пока их перетаскаешь к пробоине, чтобы закрыть течь, десять раз на дно отправишься.

Тимар рывком распахнул дверцу в каюту Тимеи.

– Барышня, одевайтесь побыстрее да прихватите с собой шкатулку со стола! Корабль наш тонет, надо спасаться.

С этими словами он помог перепуганной девушке облачиться в теплый кафтан и велел садиться в шлюпку, там, мол, рулевой поможет, а сам бросился к себе в каюту за сундучком с судовыми документами и корабельной казною.

Однако Янош Фабула и не думал помогать Тимее, напротив, он очень даже осердился при виде девушки.

– Разве я не говорил, что из-за этой белолицей ведьмы со сросшимися бровями нам всем несдобровать? Бросить бы ее за борт с самого первоначалу – и дело с концом.

Слов рулевого Тимея не уразумела, но от взгляда его налитых кровью глаз пришла в такой ужас, что убежала обратно к себе в каюту и легла на постель; она смотрела, как просачивается вода в щель под дверь, как подступает все выше и выше, чуть ли не к самой постели, и ей подумалось, что если вода поглотит ее сейчас, то течением унесет ее вниз, к тому месту, где на дне Дуная покоится отец, и они снова будут вместе.

Тимар тоже бродил по колено в воде, пока собрал в каюте все необходимые вещи в сундук и, взвалив его на плечо, поспешил к шлюпке.

– А где же Тимея? – воскликнул он, не обнаружив девушки на месте.

– Дьявол ее знает! – злобно прохрипел рулевой. – Лучше бы ей вовсе на свет не родиться!

Тимар, барахтаясь по пояс в воде, торопливо пробрался к каюте девушки и схватил ее в объятия.

– Ларец при вас?

– Да! – пролепетала Тимея.

Тимар, не задавая больше никаких вопросов, выскочил на палубу, на руках снес девушку в шлюпку и посадил на среднюю скамью.

Гибель «Святой Варвары» свершилась с чудовищной быстротой.

Носовая часть корабля затонула, и несколько минут спустя из воды торчали лишь крыша и парусная мачта с обвисшей бечевой.

– Трогай! – командовал Тимар гребцам, и шлюпка двинулись к берегу.

– Где ваш ларец? – спросил Тимар у девушки, когда они уже успели отплыть довольно далеко.

– Вот он! – показала Тимея.

– О, несчастная! Да это же не ларец, а коробка с турецкими сладостями.

Тимея и в самом деле впопыхах прихватила с собой коробку сладостей, предназначенную в подарок своей новоявленной сестрице, а ларец, где хранилось все ее имущество, остался в затонувшей каюте.

– Поворачивай назад! – закричал Тимар рулевому.

– Это ж совсем спятить нужно, чтобы по своей доброй воле нырять под воду и бог знает что разыскивать! – проворчал Янош Фабула.

– Тебя не спрашивают! Слышал команду – выполняй!

Шлюпка подплыла к затонувшему судну.

Тимар не стал уговаривать никого другого: сам соскочил на крышу и по трапу спустился к скрытой под водой каюте.

Когда он исчез в волнах, Тимея устремила ему вослед неподвижный взгляд своих огромных черных глаз, словно говоря:

«И ты уходишь от меня туда же, под воду?»

Тимар под водой добрался до палубы; ему приходилось соблюдать крайнюю осторожность, ведь судно накренилось как раз на тот бок, где находилась каюта Тимея; он вынужден был хвататься за доски палубы, чтобы руки не соскользнули с гладкого поручня.

Вот и дверь каюты: какое счастье, что ее не захлопнуло волной, иначе пришлось бы повозиться, пока ее откроешь, а тут каждый миг на счету.

Внутри царил мрак. Вода доходила до самого потолка. Тимар ощупью приблизился к столу, но ларца там не обнаружил. Видно, барышня оставила его на постели. Постель всплыла к потолку, пришлось стянуть ее книзу. Ларца не было и там. Может, он сполз, когда судно накренилось? Руки его не находили ларца, пока наконец в поисках не помогли ноги, споткнув-

шиеся о вожаемый предмет. Ларец действительно свалился на пол. Тимар схватил его под мышку и попытался выбраться на палубу с противоположной стороны, где ему не пришлось бы карабкаться вверх.

Тимее показалась вечностью та минута, что Тимар пробыл под водой. А он и в самом деле продержался там целую минуту. Девушка тоже все это время сдерживала дыхание, словно желая убедиться, как долго можно не дышать.

И лишь когда голова Михая показалась из воды, она глубоко вздохнула.

Тимар протянул ей ларец, и лицо ее просияло улыбкой. Но улыбка эта относилась не к спасенным богатствам.

– Ай да господин комиссар! – воскликнул рулевой, помогая Тимару взобраться в шлюпку. – Трижды пришлось вам вымокнуть ради этих сросшихся бровей. Трижды!

«Трижды», – Тимея спросила у Михая, что означает по-гречески это слово. Михай перевел; тогда Тимея одарила его долгим взглядом и тихо повторила: «Трижды».

Шлюпка плыла к берегу, направляясь к Алмашу. В вечерних сумерках на стальной поверхности воды резко выделялась длинная черная линия – как восклицательный знак в конце жалобного вопля или многоточие как знак оборванной жизни: то виднелась верхушка «Святой Варвары»...

Тимея

Приемный отец

Часов в шесть вечера команда и пассажирка «Святой Варвары» покинули затонувшее судно, а к половине восьмого Тимар вместе с Тимеей уже были в Комароме. Скорый возчик, крестьянин из Алмаша, хорошо знал дом Бразовича; нещадно нахлестывая лошадей, под звон бубенцов гнал он свою четверку вдоль улицы Рац к Базарной площади в предвкушении щедро обещанных чаевых.

Михай помог девушке выбраться из телеги и, поставив ее на землю, сказал: «Прибыли».

Сунув под плащ ларец с деньгами, он повел Тимею по лестнице.

Дом Атанаса Бразовича был двухэтажный, что считалось большой редкостью в Комароме, где, памятуя об опустошительном землетрясении прошлого века, возводили только одноэтажные постройки.

Нижнюю часть дома занимало обширное кафе – здесь обычно собирались местные купцы, а на верхнем этаже вольготно размещалось семейство Бразовича; с лестницы вели два отдельных входа, и был еще третий ход со стороны кухни.

Атанас Бразович не имел привычки в эту пору дня находиться дома; Тимар это отлично знал, поэтому провел Тимею прямым ходом к правой двери, ведущей на дамскую половину.

Апартаменты здесь были обставлены с модной роскошью, а в прихожей околачивался лакей, которому Тимар наказал позвать из кафе все милостивейшего господина.

Да будет вам известно, что титул этот – «все милостивейший господин» – в ходу как в Комароме, так и в Стамбуле, с той лишь разницей, что у турок он относится исключительно к особе султана, а у нас распространяется на купцов и прочую чистую публику, не сподобившуюся звания «их благородий». Тимар тем временем провел девушку к дамам. Одет судовой комиссар был не слишком подобающе для визита, оно и понятно, если вспомнить, через какие передрыги он прошел, но на правах своего человека был вхож в этот дом в любую пору дня и в каком угодно виде. К нему относились, как к лицу, услуги которого оплачиваются, а стало быть, правила этикета на него не распространялись.

Докладывать о визитерах в этом доме не принято, благодаря весьма полезной привычке хозяйки: едва слышав, что отворяется наружная дверь, тотчас высунуться из комнаты и посмотреть, кто пришел.

Госпожа Зофия усвоила эту привычку еще в бытность свою горничной. (Прошу прощения, с языка сорвалось, а точнее, вылетело из-под пера!) Что было – то было: супругу себе господин Атанас подобрал из низов и возвысил до своего положения. Брак был заключен по сердечной склонности, и осуждать за это кого бы то ни было грех.

Так что вовсе не осуждения ради, а для полноты портрета упомянем, что госпожа Зофия, даже став барыней, не сумела отвыкнуть от своих прежних манер. Платье всегда сидело на ней так, словно донашивалось с хозяйкина плеча, из прически спереди и сзади выбивались непослушные пряди, даже самый пышный наряд неизменно выглядел на ней каким-то мятым, и если уж не представлялось возможности чем-либо иным удовлетворить свои склонности, добрую службу служила пара стоптанных шлепанцев. Под светской беседой она понимала любопытство к чужим делам и неутолимую страсть перемывать косточки ближним, а речь свою пересыпала иностранными словечками, употребляемыми до того не к месту, что, когда она при большом стечении народа выпаливала их во всеулышание, гости (если, конечно, они сидели) чуть не падали со стульев от едва сдерживаемого смеха. Вдобавок к этим своим достоинствам госпожа Зофия не умела говорить тихо; все, что слетало с ее уст, нельзя было назвать даже

криком: это был пронзительный визг, словно почтенную даму кромсали ножами, и она, надсаживаясь, взывала о помощи.

– Ах, это вы, Михай! – взвизгнула госпожа Зофия, высунув голову за дверь. – Где вы подцепили такую красивую барышню? А что это за ларец у вас под мышкой? Проходите же в комнаты! Атали, смотри, с чем пожаловал Тимар!

Михай пропустил Тимею вперед, а сам вошел вслед за нею, учтиво поздоровавшись с присутствующими.

Тимея робко смотрела на незнакомых людей.

Кроме хозяйки дома в комнате находились еще одна девушка и мужчина.

Девушка – горделивая красавица с хорошо развитой фигурой, стройность которой выгодно подчеркивает корсет; высокие каблуки и замысловатая прическа прибавляют ей роста; руки обтянуты митенками, ногти длинные и заостренные. Красоту лица составляет правильность черт: алый, чуть припухлый чувственный рот, нежная розовая кожа, белые зубы, охотно выставляемые напоказ, ямочки на щеках и подбородке, тонко вылепленный нос, черные брови и сверкающие глаза, блеск которых кажется ярче оттого, что они сильно навывкате: однако это придает ее взгляду несколько угрожающее выражение. Красавица держится гордо и дерзко.

Такова барышня Атали Бразович.

Что до мужчины, то это молодой – лет тридцати с небольшим – офицер с веселым, открытым лицом и жгучими черными глазами; согласно тогдашнему воинскому регламенту, все лицо его гладко выбрито и обрамлено аккуратными бакенбардами в виде полумесяца. Молодой человек облачен в сиреневый фрак с розовым бархатным воротником и розовыми же обшлагами – униформу военно-инженерных войск.

Военный знаком Тимару: это господин Качука, старший лейтенант фортификационных войск и интендантской службы. Гибрид несколько необычный, ну да так уж случилось.

Лейтенант тешит себя весьма приятной забавой; запечатлевает пастелью позирующую ему красавицу барышню. Один портрет – при утреннем освещении – он уже завершил, а теперь пытается изобразить свою модель при свете лампы.

Появление Тимеи прерывает сеанс.

Во всем облике нежной и хрупкой юной девушки есть что-то не от мира сего: словно какое-то призрачное видение, неземной дух или провозвестник судьбы выступил вдруг из мрака.

Господин Качука, обернувшись, загляделся на нее и ярко-красной пастелью прочертил столь жирную полосу по лбу изображенной на портрете красавицы, что хлебному мякишу придется изрядно потрудиться, чтобы удалить лишнюю черту. Художник невольно поднялся со стула.

Все встали при виде девушки, даже Атали.

Да, но кто же она, эта юная незнакомка?

Тимар по-гречески шепнул что-то на ухо Тимее, после чего девушка с готовностью приложилась к руке госпожи Зофии, а та в свою очередь расцеловала ее в обе щеки.

Затем Тимар опять что-то сказал девушке, и она с робким послушанием приблизилась к Атали и внимательно посмотрела ей в лицо. Поцеловать ли названую сестрицу или броситься ей на шею? Атали, казалось, вскинула голову еще выше; тогда Тимея склонилась к ее руке и поцеловала. Не руку – отвратительную лайковую перчатку. Атали дозволила это; она бросила взгляд на лицо Тимеи, затем – на молодого офицера, и глаза ее сверкнули, а губы выпятились в горделивой гримасе. Господин Качука всецело был погружен в восхищенное созерцание Тимеи.

Однако лицо Тимеи не оживилось ни от восхищенных, ни от сверкающих взглядов. Оно оставалось по-прежнему белым, точно лик неземного существа.

Более всех пребывал в растерянности Тимар. Как представить ему эту девушку, как при чужом офицере рассказать о тех роковых обстоятельствах, что вынудили его принять участие в ее судьбе?

Выручил его господин Бразович, который шумно ворвался в комнату.

Ведь он только что прочел вслух сообщение в «Альгемайне Цайтунг», удивившее всех постоянных посетителей кафе; газета сообщала, что беглый паша и казначей Али Чорбаджи, укрывшись с дочерью на торговом судне «Святая Варвара», усыпил бдительность турецких преследователей и проник в Венгрию.

Но ведь «Святая Варвара» – это его судно, а Али Чорбаджи – добрый старый знакомец, даже родственник по материнской линии. Такое не каждый день случается!

Можно представить, с какой поспешностью вскочил со стула господин Атанас, когда в ту же минуту к нему явился лакей с докладом, что прибыл господин Тимар с какой-то красивой барышней, а также с медным ларцом под мышкой.

– Значит, это правда! – вскричал господин Атанас и стремглав бросился домой, роняя стулья и опрокидывая картежников.

Господин Бразович был человек грузный, ожиревший настолько, что живот всегда на полшага опережал своего хозяина; когда господин Бразович пребывал в спокойном расположении духа, лицо его бывало медно-красным, что означало на нем бледность, потому что, покраснев, оно принимало лиловый оттенок; с утра выбритые щеки к вечеру покрывались щетиной, встопорщенные усы были обсыпаны крошками нюхательного табака и не просыхали от всевозможных спиртных напитков, а густые брови, словно камышовый навес, торчали над вечно налитыми кровью выпученными глазами. (Страшно подумать, что и у прекрасной Атали к старости глаза сделаются в точности такими же!)

А стоило лишь услышать, как говорит господин Бразович, и тотчас же становилось совершенно понятно, отчего госпожа Зофия визжит так громко. Супруг ее тоже не умел разговаривать иначе, кроме как срываясь на крик, только голос у него был зычный и басовитый, как рев бегемота. Госпоже Зофии, если она хотела состязаться с этим голосом, естественно, приходилось повышать свой до визга. Супруги вели себя так, словно побились об заклад, кто кого доведет до горловой чахотки или апоплексического удара. Исход борьбы отнюдь не предрешен. Однако уши господина Бразовича постоянно заткнуты ватой, а горло госпожи Зофии всегда обмотано платком.

Господин Бразович, задыхаясь от спешки, вторгся на дамскую половину, издали предвзяв свое появление оглушительным криком.

– Значит, прибыл Михай с барышней? Где же барышня? Где Михай?

Михай поспешил навстречу, чтобы задержать его в дверях. Самого господина Бразовича он, пожалуй, сумел бы перехватить, однако живот, катящийся впереди своего обладателя, не удержать было никакой силой.

Пришлось Михаю глазами сделать знак, что здесь, мол, находятся посторонние.

– Ничего страшного, тут все свои! – заверил его господин Бразович. – Перед ним можешь не таиться, господин старший лейтенант – член нашего семейства. Ха-ха-ха! Ну, не сердись, Атали. Всему свету известно, даже в газетах пропечатали.

– Что в газетах пропечатали? – взволнованно воскликнула Атали.

– Да не бойся, не про тебя, а про Али Чорбаджи! Мой закадычный друг и свойственник, он же турецкий паша и хранитель казны, вместе с дочерью и сокровищами на моей «Святой Варваре» бежал в Венгрию. Я так понимаю, это прелестное создание и есть его дочка?

С этими словами господин Бразович внезапно сгреб Тимею в охапку, звонко чмокнув ее в обе белые щечки; прикосновение влажных, вонючих усов покорило девочку.

– Молодец, Михай, ловко ты их провез! Поднесли вы ему винца? Зофия, сбегай-ка, принеси стаканчик вина!

Госпожа Зофия супружеского приказа не пожелала услышать, а господин Бразович плюхнулся в кресле, поставив меж колен Тимею, и угодливо оглаживал ее волосы своими вечно сальными ладонями.

– А друг мой любезный, славный паша и казначей, где же он?

– Он умер в дороге, – тихо ответил Тимар.

– Что-о? Вот беда! – произнес господин Бразович, пытаясь придать своей округлой физиономии вытянутую форму, и вдруг убрал руку с головы девочки. – Но других-то бед с ним никаких не случилось?

Странный вопрос! Однако Тимар разгадал его смысл.

– Имущество свое он доверил мне с тем, чтобы я вручил его вам вместе с дочерью. Али Чорбаджи просил вас быть названным отцом его дочери и попечителем его имущества.

При этих словах господин Бразович вновь расчувствовался: обеими руками обхватил голову Тимеи и прижал к своей груди.

– Она мне словно кровное дитя! Я так и буду считать ее своей родной дочерью.

И – чмок, чмок! – вновь принялся терзать безвинную жертву своими поцелуями.

– А что это у тебя в ларце?

– Наличные деньги, которые мне надлежит вам передать.

– Ах, Михай, да это же просто замечательно! Сколько тут?

– Тысяча золотых.

– Как? – вскричал господин Бразович, оттолкнув от себя Тимею. – Всего-навсего тысяча? Михай, ты украл остальное!

По лицу Михая пробежала тень.

– Вот завещание покойного, писанное его собственной рукою. Он пишет, что оставляет тысячу золотых наличными, остальное вложено в судовой груз, то бишь в десять тысяч мер чистой пшеницы.

– Ах так? Ну это другое дело! Десять тысяч мер чистой пшеницы по двенадцать форинтов тридцать крейцеров за меру это будет сто двадцать пять тысяч форинтов. Иди сюда, дочка, садись ко мне на колени; небось умаялась с дороги? Наказывал мне еще что-нибудь мой дражайший, незабвенный друг?

– Он поручил мне передать вам, чтобы вы самолично присутствовали, когда станут опорожнять мешки: боялся, как бы не подменили зерно.

– Как же, как же, прослежу самолично! А где судно с зерном?

– Неподалеку от Алмаша, на дне Дуная.

– Как это – на дне? Что за чепуху ты несешь, Михай?

– Судно наскочило на топляк и затонуло.

Господин Бразович оттолкнул Тимею и в сердцах вскочил с места.

– Мое замечательное судно, доверху груженное отборным зерном, затонуло? Ах разбойники, ах душегубы! Небось все пьяные были в стельку? Ну, вы мне за это дорого поплатитесь! Рулевого велю заковать в железа, а остальные от меня и гроша ломаного не дождутся. С тебя же, Михай, взыщу залог – плакали твои десять тысяч форинтов. Судись – не судись, назад не получишь!

– Цена вашему судну всего шесть тысяч, и оно со всем снаряжением застраховано в триестской страховой компании, – невозмутимо ответил Тимар. – Так что вы никакого ущерба не потерпели.

– Не твое собачье дело! Я с тебя потребую компенсации за *lucrum cessans*⁸. Знаешь, что это такое? Ну коли знаешь, так сообразишь, что все твои десять тысяч до последнего крайцера уйдут на покрытие моих убытков.

---

⁸ Неполученная прибыль, упущенная выгода (*лат.*).

– Ну это уж моя забота, – спокойно возразил Тимар. – Об этом мы в другой раз потолкуем, дело терпит. Зато надобно спешно решать, как быть с затонувшим грузом. Ведь чем дольше зерно под водой останется, тем больше убыток будет.

– Плевать я хотел на это зерно!

– Стало быть, не желаете его принять. Не желаете самолично присутствовать, когда мешки будут опорожнять?

– На черта мне это нужно! Какого дьявола я стану делать с этакой горой подмоченного зерна? Не переводить же десять тысяч мер пшеницы на крахмал или солод? К черту ее!

– Черту она тоже не нужна, но пшеницу, во всяком случае, следует предложить к распродаже. Окрестные мельники, владельцы фабрик, откормщики скота купят, да и крестьяне хоть по какой-нибудь цене возьмут на посевное зерно. Судно ведь и так разгружать придется. Хотя бы какую-то часть денег вернем.

– Ах денег!.. (Заветное словцо вопреки ватным затычкам достигло-таки купеческого слуха.) Ну хорошо. Выдам я тебе завтра утром письменное поручение объявить к распродаже пшеницу, всю чохом.

– Желательно сегодня, чего же до завтрашнего дня добру портиться!

– Да сам Господь Бог не заставит меня вечером бумаги составлять.

– Я загодя обо всем позаботился. Вот готовое поручение, вам только нужно подписать. Перо и чернила у меня тоже при себе.

Последняя фраза заставила госпожу Зофию вмешаться.

– Не вздумайте в моей комнате чернилами пачкать! – взвизгнула она. – Здесь ковер на полу постелен. Ступай, муженек, к себе в комнату и брызгай чернилами, сколько угодно! И не смей здесь с челядью ссориться, я этих холуйских перебранок у себя не потерплю. Это моя комната!

– А дом этот – мой! – возопил всемилостивейший господин.

– А комната – моя!

– Здесь я хозяин!

– А я – хозяйка!

Эти крики и визги принесли Тимару известную пользу: господин Бразович сгоряча, дабы показать, что он истинный хозяин в доме, схватил чернильницу и подписал поручение на распродажу.

Но после того как Тимар получил бумагу, супруги дружно на него накиннулись и – один басом, другая – визгливым голосом – вылили на него такой ушат хулы и грязи, что впору было снова нырять в Дунай отмываться.

Правда, госпожа Зофия прохаживалась насчет Тимара обиняками: бранила вроде бы мужа, как-де, мол, тот не боится доверять этакому грязному оборванцу, нищему пропойце. Отчего не послать на распродажу кого-нибудь другого из своих судовых комиссаров? Ведь этот прихватит денежки, да и был таков, пропьет или и в карты спустит, разве можно положиться на такого ненадежного человека?

А Тимар под этим яростным шквалом обвинений держался с тем же спокойствием, с каким у Железных Ворот противостоял жестокому ветру и грозным молниям.

Но вдруг заговорил и он:

– Желаете принять наличные деньги, что принадлежат сироте, или мне передать их городской попечительской управе? (Слова эти явно напугали господина Бразовича.) Если желаете, пройдемте в ваш кабинет и уладим все дела там; я ведь тоже не люблю холуйских перебранок.

От такой неслыханной грубости и хозяин дома, и хозяйка вмиг онемели. Обычно это средство успешно действует на всех горлопанов: заставь их принять изрядную порцию грубости, и они вмиг излечатся. Оба супруга тотчас угомонились. Бразович, взяв подсвечник, ска-

зал Тимару: «Ну, ладно, бери деньги, и пойдем». А госпожа Зофия сделала вид, будто бы ее застали в преотличнейшем расположении духа, и любезно обратилась к Тимару: «Ах, Михай, не выпьете ли прежде стаканчик вина?»

Тимея в изумлении наблюдала эту сцену; речи она не понимала, а сопровождающие ее жесты и смену выражений лица истолковать была бессильна.

Приемный отец целует-обнимает ее, сироту, а в следующую минуту отстраняет от себя, вновь заключает в свои объятия и снова отталкивает. А как кричат наперебой эти двое на человека, который с таким спокойствием выстоял против смертельной опасности и бури, и стоило ему произнести всего лишь несколько слов, да и те ровным, бесстрастным тоном, как оба враз стихают, пасуя перед ним, как пасовали омуты, острые скалы и вооруженные солдаты.

И из всего, что тут говорят, она, Тимея, ни слова не понимает. А человек, кто последние месяцы был ей верным хранителем, кто ради нее трижды измерил водные глубины, единственный, кто говорит с ней на ее родном языке, сейчас уйдет насовсем, и она больше даже голоса его не услышит.

Но ей довелось еще раз его услышать.

Прежде чем переступить порог комнаты, Тимар обернулся и сказал Тимее по-гречески: – Барышня Тимея, вот еще ваша собственность.

С этими словами он вытащил из кармана плаща коробку сладостей.

Тимея подбежала к нему и, взяв коробку, поспешила к Атали, с приветливой улыбкой протягивая ей гостинец, привезенный для нее из далекой страны.

Атали открыла коробку и презрительно фыркнула:

– Фи, как противно пахнет розовой водой! Точь-в-точь как от служанок, когда они по воскресеньям в церковь собираются.

Слов Тимея не поняла, зато брезгливую гримасу уразумела и очень расстроилась. Она попыталась было угостить турецким лакомством госпожу Зофию, но та сослалась на больные зубы: ей, мол, нельзя есть сладости. Тогда, вконец расстроенная, она угостила лейтенанта. Тот пришел в восторг, один за другим отправил в рот три засахаренных ломтика, и Тимея, глядя ему в глаза, улыбалась благодарной улыбкой.

Тимар же стоял в дверях и смотрел, как улыбается Тимея.

Затем Тимея сообразила, что надо бы и Тимара угостить турецкими сладостями. Но Тимар уже ушел.

Вскоре старший лейтенант тоже отклонялся.

Будучи человеком воспитанным и учтивым, он поклонился и Тимее, что было ей очень приятно.

Вскоро воротился господин Бразович, и в комнате теперь были все свои.

Между господином Бразовичем и госпожой Зофией закипела ссора; обменивались любезностями они вроде бы по-гречески, и Тимее иногда удавалось разобрать отдельные слова, но в целом речь их казалась ей более чуждой и непонятной, чем те языки, в которых она не понимала ни слова.

А разговор меж супругами шел о том, как поступить с этой свалившейся на их голову девчонкой. Все ее наследство – двенадцать тысяч форинтов золотом, ну и та малость, что удастся выручить за намокшее зерно. Этой суммы недостаточно для того, чтобы воспитать из нее такую барышню, как Атали. Госпожа Зофия полагала, что следует ее приучить к работе по дому: к кухне, к уборке, стирке-глажке – такое умение ей в жизни пригодится. Все одно при таком убогом приданом ей не составить лучшей партии, чем какой-нибудь писарь или судебной комиссар, а для него куда лучше, если жена воспитана как служанка. Однако господин Бразович на эти уговоры не поддавался: что скажут люди? Наконец они избрали золотую середину: в глазах света выставлять Тимею не прислугой, а приемной дочерью. Есть она будет вместе с ними, но и прислуживать за столом тоже станет. К корыту ее не поставишь, зато стирать свои платья

и тонкое белое белье Атали ей вполне по силам. И шить пусть учится, только не в людской будет сидеть, а на господской половине. И Атали она сможет помогать при туалете, это ей будет вроде забавы. Ночевать она станет не с прислугой, а в одной комнате с Атали. Дочке все равно нужна своя горничная. А в награду за это наряды, которые Атали уже надоели, перейдут Тимее. Девушка с двенадцатью тысячами приданого должна возносить хвалу небесам за такую участь.

И Тимея была довольна своей участью.

После огромной, непостижимой ее уму катастрофы, выбросившей ее на чужую землю, она, подобно покинутому на произвол судьбы ребенку, льнула к каждому, с кем оказывалась рядом. Тимея была доверчива и услужлива, как и подобает юной турчанке.

Она была очень довольна, что за ужином ей разрешили сесть подле Атали, и ей не пришлось внушать ее обязанности: она сама вскакивала с места, чтобы поменять тарелки и столовые приборы, и делала это с охотой, с ласковой предупредительностью. Старалась не обидеть приютившую ее семью своим печальным видом, а между тем у нее было достаточно причин печалиться. В особенности же ей хотелось угодить Атали. Каждый взгляд ее выдавал искреннее восхищение, с каким обычно девочка-подросток взирает на расцветшую женскую красоту. Как любовалась она розовым лицом Атали, ее сверкающими глазами!

Девочки-подростки воображают, будто бы кто красив, тот непременно и добр.

Слов Атали она не понимала – та не говорила даже на таком греческом наречии, как ее родители, – но по жестам, по глазам пыталась угадать ее желания.

После ужина, за которым Тимея не ела почти ничего, кроме хлеба и фруктов – к жирной пище она не была приучена, – семейство перешло в гостиную, и Атали села к роялю музицировать. Тимея пристроилась подле нее на скамеечке для ног и благоговейно взирала снизу на проворные пальцы названной сестрицы.

Затем Атали показала ей портрет работы молодого офицера. Тимея пришла в такое восхищение, что даже всплеснула руками.

– Ты что, сроду такого не видела?

Вместо нее ответил господин Бразович.

– Где ей было видеть? Турецкая вера запрещает изображать чей бы то ни было облик. Ведь все нынешние смуты и волнения в Турции как раз и начались из-за того, что султан дозволил написать свой портрет и вывесить его в диване. По этой причине и бедняга Али Чорбаджи оказался замешанным в бунт, вот и пришлось ему уносить ноги. Да, наделал же ты глупостей, непутевый Али Чорбаджи!

Тимея при имени отца припала в благодарственном поцелуе к руке господина Бразовича, решив, что тот помянул усопшего добрым словом.

Затем Атали отправилась на покой, а Тимея со свечой шла впереди, освещая ей путь.

Атали присела у туалетного столика и, глядясь в зеркало, тяжело вздохнула; лицо ее помрачнело, устало расслабив члены, красавица откинулась в кресле. Ах, как хотелось Тимее знать, отчего омрачилось грустью это прекрасное лицо.

Она вынула гребень из волос Атали, ловкими пальцами распустила волосы, уложенные короной, и с наслаждением заплела на ночь густые каштановые пряди в косу. Заботливо вынула из ушей серьги, при этом ее лицо оказалось так близко от лица Атали, что та не могла не увидеть в зеркале эти два столь разных отражения: одно лицо розовое, блистательно неотразимое, другой лик – бледный, кроткий. И все же Атали досадливо вскочила с места, оттолкнув зеркало прочь: «Пора ложиться!» – это белое лицо бросило тень на ее собственное отражение. Тимея аккуратно подобрала разбросанные Атали одежды и с врожденным изяществом аккуратно сложила.

Затем опустилась перед барышней Бразович на колени, чтобы стянуть с нее чулки.

Атали позволила ей это сделать.

А Тимея, сняв тончайшие шелковые чулки и держа на коленях беломраморные ноги, способные сделать честь самой прекрасной скульптуре, склонила голову и прижалась губами к этим дивным ногам.

Атали позволила ей сделать и это.

Добрый совет

Господин Качука, проходя через кафе, увидел там Тимара за чашкой кофе и дружески поспешил к нему.

– Я промок, продрог, а мне сегодня предстоит еще долгий путь, – сказал Тимар, обменявшись рукопожатием с офицером.

– Так заходи ко мне на стаканчик пунша.

– Спасибо, да только недосуг. Я должен незамедлительно снестись со страховой компанией, чтобы прислали подмогу вытащить судовой груз, ведь чем больше судно пробудет под водой, тем больший будет для компании ущерб. После этого надо бежать к уездному начальнику, просить, чтобы рано утром отправил кого-нибудь в Алмаш провести распродажу, а уж потом обегу торговцев свиньями да возчиков, чтобы сходились на распродажу, и еще ночью надо поспеть в Тату, к владельцу крахмального завода – уж ему-то подмокшее зерно больше всех придется ко двору. Хоть какие-нибудь крохи денег сохранить для этой несчастной девушки. Тебе же я должен передать письмецо – мне вручили его в Оршове.

Господин Качука прочел письмо и сказал Тимару:

– Ладно, приятель, улаживай свои дела в городе, а когда все закончишь, загляни ко мне на полчаса. Я живу рядом с «Англией», в доме, где большой двуглавый орел на воротах. Пока возница будет готовить лошадей в дорогу, мы выпьем с тобой по стаканчику пунша и обмозгуем одно дельце. Только непременно приходи!

Тимар заверил его, что придет, и поспешил по делам.

Было, должно быть, часов одиннадцать, когда он подошел к воротам, украшенным двуглавым орлом; дом находился рядом с городским парком, который в Комароме прозывался «Англией».

Господин Качука поджидал гостя, денщик сразу провел его в комнату.

– Я думал, что ты за время моего отсутствия давно уж женился на барышне Атали! – начал Тимар без обиняков.

– Леший его разберет, отчего-то никак у нас не сладится! То я перенесу срок, то она отсрочки попросит. Похоже, у кого-то из нас душа не лежит к этому союзу.

– О, барышня Атали тут ни при чем, можешь быть уверен!

– Ни в чем на свете нельзя быть уверенным, приятель, а менее всего в чувствах женщины. Я-то считаю, что вредно долгое время со свадьбой тянуть, ведь обрученные не только не сблизятся, а, напротив, больше отдаляются взаимно. Люди успевают узнать даже мельчайшие недостатки друг друга – после свадьбы обычно на такие пустяки машут рукой, мол, «бог с ним, все равно теперь ничего не поделаешь!» Мой тебе совет, братец, ежели надумаешь жениться, упаси тебя бог долго ходить вокруг да около. Только начни считать да прикидывать – одними дробями кончишь.

– Но тут ведь, мне кажется, только считай да прикидывай, в накладе не останешься. Девушка-то богатая.

– Богатство, приятель, – понятие весьма условное. Поверь мне, любая женщина ухитрится растратить с лихвою все, что принесет в приданое. Кроме того, с богатством господина Бразовича дело и вовсе не ясное. Он постоянно поддерживает такие предприятия, в которых ничего не смыслит, а поэтому и проследить за ними не может. Через его руки проходит тьма денег, однако он не способен даже на то, чтобы в конце года подвести обычный коммерческий баланс и выяснить, выиграл он или проиграл в результате всех своих операций.

– По-моему, дела его идут весьма хорошо. И Атали – дама очень красивая и образованная.

– Пусть так, но тебе-то какой резон расхваливать мне Атали, словно лошадь на ярмарке? Потолкуем-ка лучше о твоих делах.

Если бы господин Качука мог заглянуть Тимару в душу, он бы понял, что разговор об Атали имеет прямое отношение к его делам. Ведь Тимар завел этот разговор потому, что позабывал той улыбке, что досталась от Тимеи молодому офицеру. Не хочу, чтобы Тимея улыбалась тебе! У тебя есть твоя Атали, вот и женись на ней!

– Итак, поговорим на более важные темы! Мой приятель из Оршовой пишет, чтобы я взял тебя под свое покровительство. Что ж, попробую. Ты сейчас находишься в крайне щекотливом положении. Доверенное тебе судно затонуло, это не твоя вина, зато твоя беда, ведь теперь тебе побоятся доверить свою собственность. Господин Бразович присвоит себе твой залог, и бог знает, удастся ли тебе отсудить его обратно. Да и этой несчастной девушке ты хотел бы помочь. Я ведь по глазам вижу, больше всего у тебя болит душа оттого, что сироте такой урон нанесен. Как бы разом помочь всем этим бедам?

– Ума не приложу.

– Тогда я тебе свой одолжу. Слушай меня внимательно. С будущей недели начинаются обычные ежегодные армейские сборы под Комаромом. Маневры продлятся три недели, и соберется на них тысяч двадцать человек. Объявлен конкурс цен на поставку хлеба. Дело пахнет крупными деньгами, а человеку с умом ничего не стоит и нажиться на этом. Все письменные предложения проходят через мои руки, и я заранее могу сказать, кто именно получит заказ: ведь это зависит не от того, что написано на бумаге, а как раз от того, что там не значится. До сих пор наиболее выгодным было предложение Бразовича. Он берется выполнить поставки за сто сорок тысяч форинтов, а двадцать тысяч сулит за посредничество.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.